

СМЕНА¹⁵

АВГУСТ '87

Как перестраиваемся? Разговор начистоту
 Валентин Пикуль. Историческая новелла
 Марина Цветаева. Из неопубликованного
 Виктор Чудин. Судьба художника
 Футбольный клуб. Динамовцы
 Лайма Вайкуле. Неоконченная мелодия
 Лекарство против рака. Открытие?

ВЕРНУВШИЕСЬ
 ИЗ АФГАНИСТАНА,
 МЕДСЕСТРА
 АЛЛА ГРЯЗНОВА
 ПРИШЛА
 В ВОЕННЫЙ
 ГОСПИТАЛЬ,
 ГДЕ ЛЕЧАТСЯ
 ЕЕ БОЕВЫЕ
 ТОВАРИЩИ...

СЕСТРА

ТАК НАЗЫВАЛИ РАНЕННЫЕ АЛЛУ ГРЯЗНОВУ В АФГАНСКОМ ГОСПИТАЛЕ

Она вспомнила, как недавно вычитала в одной газетной заметке: «Линии связи, газопроводы, железные, шоссейные, асфальтовые дороги — все приходит в мир жарких пространств и миражей. В зоне пустынь сегодня трудятся геологи и газовики, чабаны и дорожники. Люди забирают у пустыни метр за метром: под фундамент дома, под асфальт автотрассы, под корни дерева. И огромные песчаные пространства наполняются ревом моторов, голосами, телефонными звонками, детским смехом...»

Как не похожа была «газетная» пустыня на настоящую, ту, что пришлось увидеть наяву!..

Над широкой пыльной долиной висит белое, расплывающееся по бледному небу солнце. Стоит жара, не поддающаяся описанию. При такой погоде нельзя сказать, жарко ли тебе: переходить в какое-то непонятное состояние, когда тело твое живет как бы по инерции... Здесь нередко ртуть на градуснике дотягивает до 60, а бывает, и переваливает за невероятную эту отметку. И в тени нет спасения.

Спасаясь от невыносимой жары, они с девочками укутывались с ног до головы в мокрые простыни и старались хотя бы в часы отдыха не выходить из дома, которым им служил барак (модуль, как его тут называют).

Но вдруг кто-то замечал: вертолеты. И тогда все, высунувшись в окна и затеив дыхание, ждали: сядут сразу или сделают еще пару кругов. Эти круги означали: на борту раненные...

Пять минут на сборы — и бегом в госпиталь. Там хоть и работает дежурная бригада, однако помощь в такой ситуации лишней не бывает.

«Дорогие мои! Очень соскучилась. Как там дома? Каждую ночь всех вас вижу во сне. У меня все в порядке. Мама, ты смотри не плачь и не волнуйся. Устроилась я прекрасно. Климат хороший — тепло и сухо. Домик, где мы с девочками живем, довольно уютный. Да и работы не слишком много: дежуришь по сменам, а в свободное время — загораешь. Здесь ведь лето почти круглый год...»

Это письмо домой она сочиняла ночью, в госпитале. Трудные, жаркие были дни. И она, Алла Грязнова, фельдшер-лаборант, не отрываясь от микроскопа, считала, считала крохотные точки-квадратики: лейкоциты, эритроциты, тромбоциты, формулу крови. Ведь без клинической диагностики не проводится ни одна операция, не назначается курс лечения.

У лаборантов есть норма: сорок минут работы на микроскопе — десять отдыха. Шесть часов в день — предел. Ей приходилось сидеть за микроскопом чуть ли не сутками. А потом, вместо того чтобы идти отсыпаться, подменять

медсестру или санитарку. Что подедать, людей в госпитале не хватало. Про Аллу знали: она безотказна и руки у нее чуткие и добрые. Начальник госпиталя Станислав Алексеевич Елизаров, блестящий хирург и малоразговорчивый человек, в трудных случаях обращался к ней лично и не по форме: «Аллочка, подсобишь?»

Еще не так давно Алла Грязнова, симпатичная, современная девочка, тоже твердила себе, что пора бы с понедельника начать жизнь сначала. Потому что было Алле семнадцать лет и хотелось чего-то необыкновенного. Любила помятаться и, уплывая куда-то вместе со своими фантазиями, видела себя то капитаном дальнего плавания, то великой трагической актрисой, то знаменитым хирургом... Стоп! А ведь это, пожалуй, здорово! Сосредоточенный взгляд, белая маска, белый халат, бахилы, озабоченная медсестричка вытирает пот со лба — так показывали по телевизору. А она бросает отрывисто: «Зажим. Тампон. Шить». Резко стаскивает перчатки, швыряет их в сторону. Бросает на ходу: «Будет жить!»

Словом, ей казалось: выбор сделан. Сразу после школьных выпускных экзаменов отнесла документы в медицинский. Когда же не нашла себя в списке поступивших, расстроилась ужасно. Бродила до ночи по улицам, домой идти не хотелось. Но дома, как ни странно, к ее неудаче отнеслись спокойно.

В тот день на семейном совете было решено: начинать Алла должна с медицинского училища. И с работы в больнице. Санитаркой. Тем же летом она поступила в училище и перешагнула больничный порог уже полноправным сотрудником. Вскоре впервые попала в хирургическое отделение, в операционный блок. Романтично? Чего лукавить, было такое настроение. Но вся эта романтика — до первой крови. А первая кровь, первый разрез, который хирург сделал на твоих глазах, в твоём присутствии, — это и первое действительно серьезное твое решение: сможешь ли, не отступишь?

Так случилось и у Аллы. Фантазии поблекли, стали казаться детскими и забавными. Теперь она задумывалась о другом. Кто он, больной? Ведь это только в статистических отчетах пациент перевоплощается в абстрактную единицу с нулями впереди — крохотную долю процента. А для медика он всякий раз живой человек. Чья-то мать, чья-то дочь, чей-то сын, муж, любимый. И этот человек мучается, жизнь его висит на волоске, и есть на свете работа, смысл которой — снять мучения, удержать, спасти жизнь.

Именно тогда, в больнице, она вдруг поняла: это ее дело.

А окончив училище, очутилась Алла в... Институте красоты. Многие девочки-однокурсницы завидовали: повезло так повезло! О подобном распределении можно только мечтать. Но внутренне Алла маялась. Ее раздражали краснота интервьюеров и праздничность об-

становки. Она не выносила холеных дамочек, ежедневно подруливавших на собственных автомобилях, с их разговорами о массажах и питательных масках. Даже страсти вокруг разных косметических дефектов — длины носа или величины ушей — тоже казались ей надуманными в сравнении с теми страданиями, которые довелось увидеть в больнице.

Впрочем, может, далеко не во всем была права Алла. Ведь это естественно, если здоровый человек начинает думать о «красе ногтей», о внешности. Да она и не осуждала. Но чем дальше, тем острее чувствовала: ее место не здесь. И Алла пришла в военкомат. Ей предложили: «Афганистан». Она согласилась.

О своем решении дома сообщила не сразу. Боялась маминых слез. Мама очень радовалась за дочку в последнее время: успешно окончила училище, работает не где-нибудь — в Институте красоты. Через годик можно и в институт.

Известие приняли молча. Через минуту мама, опомнившись, всплеснула руками: «Аллочка, там же стреляют!» И снова выручил отец. Ему, кадровому военному летчику, выдержка не изменила и на сей раз.

«Молодец», — сказал он.

Кабул появился через час после вылета из Ташкента. Коричневое плато среди снежных гор. Серые низкие здания и заборы. Почти час самолет ходил по кругу — ввинчивался в Кабульскую впадину.

Ночь была бессонной. Но, несмотря на усталость, она испытывала странное состояние внутренней готовности к чему-то неожиданному. В салоне — приглушенный свет, слишком слабый, чтобы читать, и слишком сильный, чтобы уснуть. Стоардесс нет — их обязанности выполняли здоровенные парни. И еще этот затянущийся полет по кругу. И навевающие тоску серые тона внизу. Привычной картины города нет — квадраты саманных построек, и все. Но вот самолет произвел посадку, и краски резко обновились: вышло солнце, запестрели на галерее здания аэропорта разноцветные одежды. У самолета сразу появилось много людей, в том числе солдаты, мужчины в штатском, все с автоматами. Снова стало тревожно на душе.

...Третье августа — день ее рождения — стало и днем прощания с домом, с друзьями. Грустный вышел праздник. Девочки ревели, ребята хмурились. Разговор не клеился. Мама держалась из последних сил, рассеянная, все ходила из комнаты в комнату, передвигала стулья, переставляла чашки на столе. И вдруг резанула мысль: а ведь она теперь так не скоро увидит их лица, такие милые, родные. Да и увидит ли?.. Язык ни у кого не повернулся бы произнести эти слова, но они будто висели в воздухе: предстояла ведь не загородная прогулка...

В военкомате сказали: предупредите родных, чтобы скоро писем не ждали. Письма идут долго. Но Алле повезло. В самолете вместе с теми, кто летел в Афганистан работать, оказались и музыканты из ансамбля «Пламя». После недельных гастролей они возвращались обратно, в Союз. С ними и отправила Алла первое свое «афганское» письмо, бодрое и жизнерадостное. Такими будут все ее письма оттуда.

В советском госпитале с нетерпением ждали подкрепления. Прибыли на рассвете. Но военный палаточный лагерь уже не спал. Не спал и госпиталь, в котором Алле предстояло работать, а точнее, прожить два года. Ее поселили в модуле вместе с четырьмя девочками: инфекционной сестрой Натальей Петеновой из Кемерово, анестезиологом Лидой Бабковой из Красногорска, Таней Коростылевой, медсестрой реанимации из Севастополя, санитаркой Мариной Бахарева из Астрахани. За два года сроднились они так, что сами не могли потом понять, как же раньше-то существовали друг без друга. Их объединила не только общая крыша над головой. И даже не то, что оказались почти ровесницами. Самым главным оказалось другое: общее дело. Одно — на всех.

Когда-то древний лекарь, вступая во врачебное сословие, давал Гиппократу клятву: «Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигией и Панахеей (богинями чистоты, здоровья и исцеления) и всеми богами и богинями, беря их в свидетели...»

Лекарь присягал отдавать свои силы и свое разумие больным. Обязался не причинять им какого бы то ни было вреда. И не разглашать ничего, что он увидел бы или услышал о личной жизни людей, с которыми сталкивался — неважно, при исполнении долга или в обычном общении, «считая подобные вещи тайной». «Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство... и считать научившего меня ему наравне с моими родителями...»

Там, в Афганистане, в госпитале, Алла тоже давала клятву Гиппократу — такова была традиция и таков порядок: всякий медик, переступивший порог госпиталя, принадлежал уже не себе, а больным.

Там же нашла она прекрасных учителей: хирурга Олега Федоровича Попова и анестезиолога Михаила Ивановича Яворского, терапевта Нину Васильевну Михалеву и инфекциониста Валерия Викторовича Болдырева.

Училась у них многому. Но прежде всего милосердию. Чем больше видела крови, боли, тем яснее понимала: оно «выплавляется» из других человеческих свойств, не существует само по себе. Милосердие означает и доброту, и благородство, и решимость, и волю! Да, волю! В наше энергичное время милосердие — прежде всего действие. Действие, направленное на спасение того, кто попал в беду. Видеть мучения человека тяжело. Есть такая поговорка:

Они понимают друг друга с полуслова — раненный в Афганистане десантник рядовой Анатолий Федаш и «сестричка» Алла Грязнова.

«Врач умирает с каждым из своих пациентов», — старинная и точная. И все же врач, медсестра должны быть мужественными перед лицом страданий и даже смерти. Истинное сострадание проявляется не в слезах — в деле.

Бывает, что к больному страшно даже прикоснуться, но если надо... Бывает, что больной капризничает, но у медика нет права на раздражение. Алла очень ясно осознала: если дано все это вынести — и простить, и не побрезговать, и заразы не побояться, и боль причинить, когда лечение того требует, если жалость к больному не парализует, а мобилизует, — значит, белый халат тебе по плечу и не будет в тягость. И она смело входила в инфекционное отделение, научилась перевязывать самые страшные раны, перетаскивала тяжелораненых. Ее любили больные, спрашивали: «Когда дежурит наша Аллочка?» А она дежурила практически ежедневно. Без выходных. Потому что вместо десяти штатных лаборантов в госпитале работало трое, не хватало чуть ли не половины медсестер, санитарок. И приходилось за троих сидеть над микроскопом, а потом бежать в перевязочную или помогать в процедурном кабинете, или просто с ведром и тряпкой драить полы.

И все равно ей казалось: мало, мало делаем для этих ребят, идущих под пули, теряющих в свои 18—19 лет руки, ноги, мечущихся в тяжелом бреде. Откуда же, думала она, в них такая сила, твердость, мужество? Ведь еще вчера были совершенно обычными мальчишками. Но вот надели военную форму и стали героями. Что это, сказочное превращение? А может, дело все в том, что лишь серьезные испытания, как лакмусовая бумага, проявляют то истинное, настоящее, что есть в каждом человеке?

Вертолетчики в дни операций вставляли с зарей и по 10—12 часов проводили в воздухе.

— Получаем «радио», — устало рассказывал один из них, — в такой-то роте, такие-то координаты — раненый. Забрать можем только мы, потому что рота воюет наверху, в горах. Значит, влезать туда нам. А там никакой посадочной площадки нет. Вот и висешь в метре от земли в разреженном воздухе, того и гляди завалишься. Расчет тут нужен абсолютно точный... Ошибиться они не имели права. Потому что от них зависела жизнь товарищей. Сначала от них. Потом от медика. Но, увы, авиация и медицина не всесильны.

Уходили солдаты, мальчишки восьми-десятих. Уходили навсегда, в солнечные, ясные дни, хотя обязаны были жить и жить, радоваться, влюбляться, растить детей. И это было самой страшной, чудовищной несправедливостью.

Рядовой Сережа Бережной из Калужской области...

Рядовой Шурик Афанасьев из Воронежской...

Рядовой Алеша Крымов из Белоруссии...

Лейтенант Геннадий Лебедев, москвич.

Генка Лебедев. Весельчак, танцор, гитарист. Это он раздобыл на Новый год елку и придумывал карнавальные костюмы. Для Аллы Генка «сочинил» наряд феи — из списанного парашюта: «Алька, принеси мне удачу в новом году!»

Его доставили в госпиталь после рейда: подорвался на mine. Он жил еще двенадцать часов и умер, так и не придя в сознание. Это случилось в пятницу. Этот день Алла как сейчас помнит, потому что по пятницам — по обыкновению — шел прием мирного афганского населения. И она должна была помогать на том приеме.

Алла нашла начальника госпиталя, не выдержала:

— Я не могу! Слышите? Не могу и не хочу их видеть!..

— Кого? — тихо переспросил он, глядя на нее воспаленными глазами. — Кого ты не хочешь видеть — больных? Вот их? — И кивнул головой в сторону коридора.

Алла машинально глянула туда же. Терпеливо дождалась своей очереди разный люд: дехкане, ремесленники, женщины с детьми. Детей было особенно много. Впереди всех сидел мальчишка лет тринадцати и нянчил руку, обмотанную грязными тряпками. Они встретились глазами только на секунду. Повернувшись, Алла пошла в свою лабораторию. К своим больным.

В советском госпитале появлялось немало местных жителей. Люди верили «русским докторам». И советский госпиталь принимал всех, «без фильтра», прямо с улицы. У многих пациентов были опасные заболевания: открытая форма туберкулеза, желтуха, сыпной тиф, лепра. Риск огромный. А случилось и такое. Приходил больной, жаловался на обострение радикулита. Его просили раздеться. Он снимал куртку — из кармана вывалился пистолет. Не моргнув и глазом, «пациент» крал его рядом с одеждой. Стягивал рубаху — все тело белое, в то время как лицо и руки черны от загара. На плече — характерная потертость от постоянного ношения винтовки. Грудь и спина — в шрамах от старых ранений. Спрашивали его: где же ты в такую жару студил поясницу? Молчание. На вопрос об адресе, о том, когда может прийти в следующий раз, отвечал уклончиво, мол, родом из дальней провинции. Но все было очевидно и без слов — отсиживался в горной ледяной пещере. Душман. Однако больница есть больница — военная она или гражданская. И главная обязанность медика — помочь страждущему.

«Клянусь Аполлоном-врачом, Асклепием, Гигией и Панакеей... и всеми богами и богинями, беря их в свидетели... Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство...»

Год жизни в чужой, знойной стране. Скучали ли девчонки по дому? Не то слово. В свободные минуты говорили, говорили и не могли наговориться — каждая о своем городе, доме, семье. Алла считала дни и, кажется, часы до отъезда в отпуск. И вдруг такая напасть — заболела. Пятнадцать дней колотило ее в лихорадке. Потом была страшная слабость. Время от времени она забывалась и в забытый видела Москву, улицу Горького, фонтан рядом с памятником Долгорукому, пломбир в вафельном стаканчике.

Конечно, здесь мороженого не было и в помине. Выхаживая Аллу, подруги не только не отходили от нее ни на шаг даже ночами (после работы, после изматывающих суточных дежурств), но даже умудрялись добывать где-то несъезжаемые по здешним понятиям деликатесы — кусочек селедки, например, или тульский пряник. Так заботиться умела только мама. Там, далеко, в мирной жизни. Здесь, на войне, так заботились друзья.

Когда спустя какое-то время Алла, дождавшись наконец-таки отпуска, оказалась дома, то уже через пару дней затосковала по своим девчонкам, по своему госпиталю. Она вернулась, не догуляв отпускной недели.

Следующий год службы в Афганистане готовил еще много испытаний. Приходилось тяжело, и казалось: все, это предел человеческих возможностей. Разлука с близкими, с Родиной — длительная, отягощенная постоянным ощущением опасности, натянутыми, как струны, нервами, помноженная к тому же на адский климат, — все это становилось порой невыносимым. Чудом миновала ее шальная пуля, попала и под минометный огонь, когда в БТРах ездил он проводить диспансеризацию. И все равно о том времени теперь вспоминает, как о самом счастливым.

Афганистан научил Аллу и ее подруг очень важным вещам. Воспринимать чужую боль, как свою. Делить все поровну: от банки тушенки до сахара. Быть друг перед другом как на ладони: открытыми и честными. Чувствовать, что легче кому-то одному бывает только за счет остальных, и потому нельзя позволить себе переключать собственную ношу на плечи товарищей.

Но как же непросто оказалось эти немудреные и великие законы, рожденные трудной военной действительностью, пронести в мирную жизнь и сохранить в ней!.. Алла вспоминались рассказы отца, ветерана Великой Отечественной, о том, как он и его ровесники, молодые тогда ребята, попав в мирные будни, никак не могли «притереться» к мирной жизни. В каком находились душевном смятении. И какие у них возникали драмы внутренней, психологической перестройки, которую далеко не каждому дано было выдержать.

С Аллой происходило теперь нечто похожее. Вернувшись из Афганистана, она тяжело привыкала к беспечной московской жизни, не могла мириться с вещами, на которые раньше и внимания-то не обращала. Ее глубоко ранили подхалимство и чванство, бездушие и бюрократизм.

Она обивала пороги различных учреждений в Московской области, по месту своей прописки, для того, чтобы получить необходимые документы. Обидней всего оказался итог: по чьему-то бездумному распоряжению на медиков, выполнявших интернациональный долг в Афганистане, льготы военных не распространялись. Хотя и не в льготах было дело. В отношении.

— Скажите, пожалуйста, — выговаривали Алле томные конторские барышни, — ветеранскую книжку ей подавай!.. Небось, и так заработала прилично. Платили-то чеками?

От таких разговоров становилось больно. Но вдесятеро больнее, когда о деньгах заводили разговоры друзья. На каких весах взвешивали эти люди то, что пришлось пережить девчонкам-медсестрам, мальчишкам-ветеранам? Когда Аллу деловито спрашивали о заработках, ей вспоминались голодные глаза афганских детей. Когда интересовались «дефицитом», в памяти вставали раненые, убитые солдаты... Как будто какая-то пропасть пролегла между нею и ее ровесниками.

— Ничего, пройдет, — утешал Аллу отец. — Просто ты стала намного старше за эти два года.

Да, Афганистан научил ее глядеть на все вокруг иными глазами, ценить то, что вроде бы всегда было доступно. Хлеб. Мир. Смех.

Скоро три года, как вернулась Алла Грязнова в Москву. Вернулись и ее подруги, каждая — в свой город. Кто-то вышел замуж, у кого-то появились дети. Они переписываются, перезваниваются. «Нам, «афганцам», нельзя потерять в гражданской жизни. В память о тех, кого навсегда оставили там...» Так они пишут в письмах друг к другу. А еще ежегодно двадцать первого марта собираются они на ВДНХ, у фонтана Дружбы народов. Вспоминают, рассказывают, делятся планами, просят советов. Оно и понятно — близкие, родные люди. И еще один интересный факт. Перемены, происшедшие с каждой из них, не коснулись одного — профессии. Все по-прежнему работают в медицине.

Алла тоже ежедневно приходит в лабораторию одной из московских поликлиник и садится за микроскоп, считает свои точечки-квадратики: лейкоциты, эритроциты, формулы крови. Без клинической диагностики — никуда.

Мечтает поступить в медицинский институт, хотя понимает — будет сложно, многое из школьной программы подзабылось.

Она очень хочет работать с детьми, стать детским врачом. Это, наверное, самая сложная специальность в медицине. Ведь здесь мало иметь прекрасные знания, навыки и умение. Ребенку необходимо, чтобы у врача все было теплое — руки, трубка, которой он прикасается к телу, даже сам воздух врачебного кабинета. С удивительной проницательностью маленький человечек различает вокруг себя людей холодных и тех, кто наделен особым душевным теплом. Именно поэтому, мне кажется, мечта Аллы Грязновой обязательно осуществится.

Евгения АГРАНОВСКАЯ

СМЕНА

Салам Дугушев, делегат XX съезда ВЛКСМ, бывший воин-интернационалист Николай Чепурнов,

кавалер ордена Трудовой Славы,
бригадир комсомольско-молодежного коллектива

Это произойдет уже после того, как на заводе побывает министерская комиссия, освободят от занимаемых должностей ряд начальников цехов и главного инженера, переизберут секретаря парткома... Один из бывших руководителей «Красного молота» подойдет к Саламу и скажет:

— Дугушев, ты больше всех выступал, чтобы меня сняли, так? Ну что ж, вы добились своего. Думаешь, теперь что-то переменится, лучше будешь зарабатывать? Как бы не так! От меня же ничего не зависело, сам знаешь.

— Вот мы и изберем человека, от которого что-то будет зависеть, — ответил Салам. — Сами изберем.

Трудный период переживает «Красный молот» — одно из ведущих предприятий

Чечено-Ингушетии: только в минувшем году завод недодал государству продукции более чем на три миллиона рублей.

Продукции, которая имеет важное народнохозяйственное значение: здесь выпускают нефтепромысловое оборудование и аппаратуру, цементирующие и насосные агрегаты, товары широкого потребления.

Однако после того как на предприятии были проведены выборы ряда руководителей, когда ввели хозрасчет и госприемку, наметились перемены в жизни «Красного молота», в настроении людей.

Просматривая материалы прошедшей полгода назад областной комсомольской отчетно-выборной конференции, я обратил внимание на одно из самых острейших выступлений.

Оно принадлежало бригадиру КМК с «Красного молота» Николаю Чепурнову.

С. ДУГУШЕВ. Вот об этом давайте и побеседуем. Только я не уверен, что «Смена» напечатает все, что мы с Николаем скажем.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Редакция вам это обещает.

Н. ЧЕПУРНОВ. Ну что ж, хорошо. У одного поэта я нашел такую строчку: «Не говорить о непервостепенном».

А так получалось, что мы очень долго говорили о чем угодно, только не о главном. Может быть, из боязни назвать вещи своими именами? Сколько было восторгов по поводу нашей замечательной молодежи! А вот, скажем, работе комсомола в национальных республиках внимания уделялось очень мало. Хотя здесь много проблем. Например, у нас в Чечено-Ингушетии в прошлые годы нередко возникали националистические проявления. Что говорить об идеино-воспитательной и атеистической работе, если четыреста грозненских студентов заявили о соблюдении ими религиозной традиции «ураза»? В республике по-прежнему процветает спекуляция — по сей день в Грозном действует единственная в регионе «толкучка». Ни для кого не секрет, что в некоторых районах работают подпольные производители и поставщики наркотического сырья. На конференции мы прямо сказали: борьба комсомольских и правоохранительных органов с наркоманией и спекуляцией эффекта пока не дает. Остро стоит проблема пьянства, в том числе и среди нашей заводской молодежи. Перестали пить на производстве — пьяницы перешли в дома и общежития.

С. ДУГУШЕВ. Конечно, комитет комсомола проводит работу по укреплению трудовой дисциплины, старается бороться с прогульщиками и пьяницами. Но... Лично я считаю, что нужно смотреть в «корень зла», а не ограничиваться лишь исключением из комсомола и выговорами, лишением премий и другими административными мерами. Не хочется об этом говорить, горько это признать, но многие ребята перестали дорожить своим членством в ВЛКСМ. Вот мы сейчас, после съезда, стали говорить: надо освободиться от «балласта» — от пассивных комсомольцев. Хорошо, освободимся. А как будут жить эти парни и девушки без комсомола? Чем будут заниматься и какими нравственными принципами руководство-

ваться? Вычеркнуть и отказаться легко всего. Но это не решение проблемы. Мы постоянно что-то требуем от комсомольцев: хорошо работайте, выходите на субботники, платите членские взносы, проявляйте инициативу... А что взамен даем?

КОРР. Этот вопрос надо рассматривать как самокритику?

Н. ЧЕПУРНОВ. Его надо рассматривать под тем углом, что комитету иной раз «бьют по рукам» и не дают работать. Пока молчим, занимаемся своими внутрисююзными делами, мы хорошие. А когда начинаем критиковать администрацию за необязательность и пустословие, превращаемся в крикунов. Многие руководители комсомол в упор не видят.

С. ДУГУШЕВ. Факты? Пожалуйста. Второй цех, где я работаю, — самое узкое место на заводе. Проблем у нас выше головы и в организации труда, и в кадровых вопросах... В цехе очень много молодежи. И что же вы думаете? На отчетно-выборное собрание не удалось прийти ни начальник цеха, ни секретарь парторганизации. Вот вам отношение к комсомолу, так сказать, налицо.

КОРР. А как к этому отнеслись сами комсомольцы цеха? Молча проглотили?

Н. ЧЕПУРНОВ. Ну уж нет! Пришли в партком, рассказали, потребовали, чтобы этих коммунистов привлекли к партийной ответственности. Что и было сделано. Но ведь сам факт вопиющий! Выходит, наши руководители просто игнорируют постановление ЦК КПСС об усилении партийного руководства комсомолом. А может быть, и вовсе с ним не знакомы? О комсомоле вспоминают только тогда, когда нужно организовать субботник, поднять молодежь на аврал. Бывший секретарь парткома делал все, чтобы комитетчики стали у него «мальчишками на побегушках». Я ему тогда прямо сказал: «Юрий Викторович, переведите стрелки своих часов вперед, вы явно отстали от времени. Мы больше не будем перед вами выплясывать польку-бабочку, не дожидаться». А он мне: «Вы, Чепурнов, что-то слыхом осмелели в последнее время».

С. ДУГУШЕВ. А нам бояться нечего, дальше станка не пошлут!.. Боятся обычно те, кто дрожит над своим местом или занимает его незаслуженно.

НЕ БОЙТЕСЬ ПОРТИТЬ ОТНОШЕНИЯ

«...Самое обидное, что чаще всего остаешься один на один со своей правдой, своими бедами. Чиновникам нет до них дела. Они живут по другим законам, начисто забыв о ленинском принципе демократии. Вот у нас на заводе был один начальник цеха. Рабочие его не уважали. Через некоторое время он ушел. Все думали, что его убрали как некомпетентного человека. А потом мы узнали, что его перевели на другой завод аж главным инженером. У нас он цех развалил, а там все предприятие развалит... Значит, теперь пусть другие рабочие страдают, так? А почему все это происходит? Потому что вы, уважаемые руководители, с народом не советуется. И пока вы сами такое отношение к людям не перестроите, перестройка будет только на словах».

— Что тут было! — вспоминает Салам Дугушев. — Сначала люди замерли, не зная, как реагировать на выступление Николая, и выжидающе поглядывая в сторону президиума. А потом, когда кто-то захопал, все бурно поддержали. Чепурнов и задал тон всей конференции. — А что толку? — вздохнул Николай. — Те товарищи, что меня раньше осаживали, теперь этак дружески похлопывают по плечу и благодарят за критику. Только я не верю, что они так быстро перестроились, хоть убей! О людях прежде всего судят по их поступкам. Как говорилось в отчетном докладе на комсомольском съезде: «В минувшие годы мы нередко забывали, что подлинная нравственность не существует вне поступка, что именно поступок и является признаком наличия или отсутствия нравственной позиции». И о комсомольской работе нужно судить только по поступкам, а не по отчетам и справкам, как было раньше.

Н. ЧЕПУРНОВ. Я прямо сказал на конференции: если бы все наши руководители с такой совестливостью относились к делу, как мои парни, то мы бы уже далеко вперед продвинулись. Наша бригада стабильно выполняет месячное задание на 115—120 процентов. Было бы лучше обеспечение, дали бы и полтора плана. Так пусть и другие тоже так работают, а не протирают, простите, штаны. Я имею в виду и административную, и инженерную, и снабженческую. Посмотрите: на три тысячи заводских рабочих — почти две тысячи итэзровцев. А какой от них толк? Где их инженерная мысль в период ускорения? Сидят себе по отделам, поглядывая на часы, торчат в курилках или по магазинам бегают...

С. ДУГУШЕВ. Объясню ситуацию. На «Красном молоте» не хватает рабочих основных профессий, но очень раздуты штаты инженерно-технических работников, среди которых нет никакой конкуренции, творческого соревнования. Выход один: надо сокращать отделы, освобождаться от нерадивых инженеров. Эта работа потихоньку началась, грядет аттестация, будет введен коэффициент трудового участия для итэзровцев. Согласен, что заводской комсомол долго раскисает, но ведь от комитетчиков тут мало что зависит. Нельзя забывать и о том, что в национальной республике очень сильны родственные связи. Как обычно бывает? Кончат чья-то дочка или сынок институт, начинаются звонки: найдите местечко для моего чада. И находят, хотя толку от этого чада на грош.

Н. ЧЕПУРНОВ. Формально-то администрация прислушивается к мнению комитета комсомола, в общественном отделе кадров у нас есть свой представитель, но... Приходит время принимать какие-то решения — комсомол отстраняют в сторону. Так было в цехе № 1, когда приказом директора расформировали комсомольско-молодежный коллектив, а ведь тот же директор В. П. Бервинов сам до этого подписал совместное с комитетом постановление о создании КМК и о том, что его работа будет строиться только по согласованию с комитетом ВЛКСМ.

КОРР. Значит, комитет отказался от борьбы за права своего коллектива?

С. ДУГУШЕВ. А что, прикажете организовать забастовку, жалобу написать

на дирекцию? Это сейчас, после XX съезда, на комсомол стали обращать хоть какое-то внимание. Раньше даже квартиры распределяли, не советуясь с комитетом. А теперь попробуй не пригласи секретаря — такой шум начнется! Это, конечно, не дело, когда приходится все брать штурмом, но иначе пока нельзя: не все еще поняли, что с комсомолом нужно считаться. Между прочим, партком и в нынешнюю отчетно-выборную кампанию хотел волевым решением «избрать» нам свою кандидатуру. Но мы стояли твердо и выбрали тех, кому доверяем, — Нину Станевич и Тахира Ахильгова. Это уже сдвиг!

Н. ЧЕПУРНОВ. Знаете, в чем главная беда? В том, что в прошлые годы у многих людей отбили охоту бороться. Это только в газетах неотвратимо торжествует справедливость. Вы думаете, несколько лет назад у старшего мастера Вахи Дударова хватило бы смелости сказать в лицо помощнику директора по быту, что тому пора на пенсию, что он больше думает о своем саде, чем о заводском соцульбыте?

С. ДУГУШЕВ. Может быть, смелости и хватало бы. Но Ваху бы тогда просто «съели». Слишком долго у нас игнорировали мнение молодежи, внушали комсомолу: дескать, занимайтесь своими проблемами, не лезьте куда не следует. Сколько молодых и талантливых руководителей «задвигали» и третиروвали те, кто, кроме как о персональной пенсии, о кресле своем, ни о чем не думал.

КОРР. Ты стал так думать после службы в Афганистане, Салам? Что она изменила в твоих отношении к жизни?

С. ДУГУШЕВ. Очень многое. Без громких слов, я теперь по-другому смотрю на жизнь и людей, понимаю «кто есть кто». В интернациональном полку мы все — офицеры и рядовые — были на равных, вместе шли в бой, вместе ели из одного котелка. Именно там, готовясь к вступлению в партию, я по-настоящему стал читать работы Владимира Ильича Ленина. И очень многое для себя открыл. Я понял, что некоторые руководители Ленина не читали и не читают, разве только выдерживают цитаты из докладов и газет. И живут не по-ленински. И работают не по-ленински. Владимир Ильич писал: «Как я ненавижу всю эту мерзостную философию «рабов» и «хозяев», прос-

тых и избранных, всю эту пакость, которая будет тянуться за нами еще очень долго, если не разделимся с ней решительно и бесповоротно и, если, конечно, сами не будем тянуть ее за собой». Да, рабов и хозяев у нас уже нет семьдесят лет, а вот простые и избранные остались, согласитесь.

КОРР. Кого же вы числите среди избранных?

Н. ЧЕПУРНОВ. Салам вам ответил: тех, кто оторвался от народа, от нашей повседневной жизни, от ее проблем. Не знаю, как в Москве, но здесь эти люди очень заметны: республика-то небольшая. Для руководителей разных рангов у нас есть свои магазины, спецполиклиника и больница. Все они на спецобеспечении и спецобслуживании. Естественно, что от многих бытовых забот простых людей они далеки, хотя на словах и «болеют за народ».

С. ДУГУШЕВ. Подожди, Николай, что ты предлагаешь? Чтобы министр торговли стоял в очереди в обычный магазин, а руководитель бытового обслуживания шил костюм в простом ателье?

Н. ЧЕПУРНОВ. Да, только так, и не иначе! Пусть министр или какой другой руководитель постоит в очереди вместе с народом, потолкается, а потом, я уверен, всерьез займется наведением порядка в своем ведомстве. Иначе о каких революционных переменах мы сегодня говорим? Чем я, рабочий, хуже того же министра? Почему простые труженики должны давиться за дешевой колбасой, а руководители должны отовариваться в спецмагазинах, иметь особые льготы? Где же тогда социальная справедливость?

С. ДУГУШЕВ. Нет, я с тобой не согласен. Пусть они не стоят в очередях — все-таки у крупных руководителей нет для этого времени, но по крайней мере пусть почаще бывают на предприятиях торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Пусть лучше контролируют подчиненные им организации.

Н. ЧЕПУРНОВ. А почему ты думаешь, что у меня, бригадира, члена комитета и депутата райсовета, больше времени, чем у иного министра? А у многодетной матери-труженицы?

С. ДУГУШЕВ. Я не раз слышал от своих сверстников такие разговоры: «Ага, нам, мол, советуют: идите на за-

вод, хорошо работайте, и все у вас будет. Но сколько же нужно работать у станка, чтобы купить стереосистему, как у Гули из обувного отдела, или «видео», как у Жоры со станции техобслуживания?» Молодым надоело жить «завтраками». Нам говорят: мол, подождите, и завтра все будет. А перемен что-то не видно. Вы видели, на каком допотопном оборудовании мы работаем. Во время комсомольского съезда у нас была встреча в министерстве, я сказал о проблемах завода. Меня выслушали внимательно и пообещали побольше внимания уделять «Красному молоту». Мы уже сыты этими обещаниями...

КОРР. Подождите, ребята! Если и в ваших рассуждениях слышатся иждивенческие нотки, то что говорить о других комсомольцах «Красного молота», которые не отличаются смелостью Дугушева и Чепурнова?

С. ДУГУШЕВ. Иждивенчество здесь ни при чем! Но лично мне, делегату комсомольского съезда, было очень нелегко после возвращения из Москвы включаться в повседневную работу и вновь почувствовать, что до настоящей перестройки нам еще далеко. Представьте себе: мы выбрали нового начальника цеха. Молодого, энергичного. Бывшего секретаря парторганизации. И вдруг он первый не поддержал предложение Резвана Атаева организовать комсомольско-молодежный коллектив. А ведь Резван уже подобрал надежных ребят, которые загорелись объединиться в бригаду, внедрить порядок, в общем, начать работать по-новому. А начальник цеха заявил, что он не видит в этом «производственной необходимости». Можно это назвать пониманием перестройки?

КОРР. Какова же позиция комитета комсомола? Почему он не стал бороться за инициативу молодых рабочих?

Н. ЧЕПУРНОВ. Мы ходили к директору, заручились поддержкой парткома. Однако пожилые рабочие, «костяк» цеха, высказались против КМК: решили, что молодые собираются у них «урвать кусок».

Это, кстати, типичная ситуация. Некоторые цеховые руководители ведут себя как удельные князьки, сами решают, кому дать побольше заработать, а кого наказать рублем. Они любят тихих и покладистых рабочих, порой

глаза закрывают на их нарушения: пусть кто-то с похмелья на работу приходит — такого прижмешь, и он молчит. А мы молчать не будем! У меня такое подозрение, что иным руководителям выгодно сорвать рабочих разных поколений. «Стариков» пугать молодежь: дескать, они у вас отхотят высокооплачиваемую работу отобрать. А молодым кивают на ветеранов: мол, вы же видите, какие они рвачи, своего никогда не отдадут.

С. ДУГУШЕВ. Рвачей хватает и среди молодых. Только не нужно путать рвачество с нормальным желанием хорошо работать и хорошо зарабатывать. Разумеется, не за счет кого-то. А бывает и так, что иные «наставники» не заинтересованы в том, чтобы новичков побыстрее выпустить в люди, сделать из них квалифицированных рабочих. Сами же между тем набивают карман за счет своих учеников. Мы открыто сказали об этом на комсомольской конференции. Комитет комсомола взял под контроль работу всех новичков, учащихся базового ПТУ. Но администрация нас пока поддерживает плохо, она еще не привыкла к тому, что у комсомола появился свой голос. Когда я вернулся с XX съезда ВЛКСМ и меня попросили выступить перед комсомольским и хозяйственным активом завода, я сказал, что теперь мы будем на смерть стоять за права молодых рабочих. Главный инженер Чумаченко тогда усмехнулся. Я это заметил и говорю ему: «Вы не имеете права смеяться. Вы не главный инженер, а главный бездельник на заводе!» Действительно, инженерная служба у нас работает из рук вон плохо, оборудование допотопное, годами не ремонтируется... А главному инженеру дела нет, с комсомолом он и вовсе никогда не считался.

Особенно трудно живется у нас новаторам. Сколько времени и сил требуется, чтобы пробить толковое рацпредложение! Сколько их годами пылятся в бризовских столах!

Между прочим, одно рационализаторское предложение Чепурнова внедрились только спустя пять лет. Теперь положение наконец-то стало выправляться, всех рационализаторов и изобретателей взял под свою опеку комсомол. При Грозненском горкоме ВЛКСМ действует объединение молодежных клубов (ОМК). Теперь оно будет заключать договор с заводом на разработку и внедрение технического новшества. Автор получает свою премию, а остальные деньги предприятие перечисляет ОМК, которое распоряжается ими.

КОРР. Я слышал, что в объединении скоро появится новый клуб воинов-интернационалистов и что его организацией сейчас занимается Дугушев. Салам, расскажи подробнее об этом деле, о задачах клуба.

С. ДУГУШЕВ. У нас на предприятии работают пятеро ребят, служивших в Афганистане, а по району их около тридцати. Мы организовали свой клуб. Сейчас нам выделили помещение, начинаем его приводить в божекий вид. Не только по приглашениям и большим праздникам ходим в школы, училища и техникумы, но и по будням. Вы бы посмотрели, какие глаза были у ребят, когда мы при медалях и регалиях пришли в подшефный интернат! Кстати, по предложению бывших воинов-интернационалистов лучшая бригада завода ежемесячно перечисляет свою премию интернату. Кто-то, конечно, был против. Но мы этих «жуков» прижали, и теперь каждый месяц наши подшефные получают сто рублей. Для них это много значит!

Н. ЧЕПУРНОВ. Да, идея хватает! Главное — надо работать, чтобы все они не остались в замысле и на бумаге. Наконец сдвинулся с мертвой точки вопрос о строительстве МЖК. Пока на пах с другими предприятиями. Нашим заводчанам будет выделено 22 квартиры, а в комитет уже поступило 110 заявлений. Краснослободцы сами вполне могли бы осилить это дело и возвести свой МЖК, но городские власти пока не осмеливаются «рисковать», гово-

рят: скажите спасибо, что и этот-то комплекс разрешили строить в порядке эксперимента.

Или вот проблема. Представьте ситуацию: на грозненских предприятиях не хватает рабочих рук, в агропроме та же ситуация. Тем не менее у нас более двадцати тысяч комсомольцев не заняты в общественном производстве, много неработающих женщин и девушек, тысячи мужчин работают в вольных, разъездных бригадах.

КОРР. В вашей республике, говорят, переизбыток кадров...

С. ДУГУШЕВ. По нашему заводу этого не скажешь. Но здесь еще и другая проблема — воспитание национального рабочего класса. Многие молодые чеченцы, ингуши и кумыки с большой охотой иду работать на промышленные предприятия. Например, из пяти тысяч рабочих завода только около трехсот человек коренных национальностей.

Лично мне, чеченцу, больно и стыдно видеть, что некоторые парни моей национальности предпочитают найти себе дело подальше от сферы производства и поближе к сфере потребления. Я, конечно, понимаю, что любой труд у нас в почете. Но согласитесь, когда здоровый молодой мужчина торгует цветами или сумками на рынке, продает квас и мороженое, это вызывает по крайней мере недоумение. Где гордость у этих мужчин? Кстати, это проблема многих национальных республик. Но я не могу и не хочу понимать своих сверстников, для которых главным мерилом успеха в жизни является рубль. Душа протестует, понимаете?

Н. ЧЕПУРНОВ. Не совсем я с тобой согласен, Салам. Если бы у нас на заводе были подходящие условия и четкая организация труда, высокие и стабильные заработки, то люди просто рвались бы на «Красный молот». А пока из тридцати трех ребят, которых мы проводили в армию за последнее время, на завод вернулось только восемь. Значит, они не видят перспективы в своей работе на «Красном молоте». Кто тут виноват? Да все мы виноваты — я, директор, комсорг... Я считаю, что комсомольская работа — это всегда конкретный поступок, конкретные дела. Не болтовня, не бумажные отчеты. Пусть оно не ахти какое громкое дело, но ты его должен довести до конца, будь это организация дискотеки или внедрение рацпредложения. И душа должна болеть постоянно за все, что происходит рядом и вокруг.

КОРР. И как вы, члены комитета комсомола, оцениваете свою работу?

С. ДУГУШЕВ. С позиции сегодняшних требований, предъявляемых к комсомолу, неудовлетворительно. Слишком много еще говорим и очень мало работаем.

Н. ЧЕПУРНОВ. Я доволен работой своей бригады. Но как комсомольскому активисту мне еще, наверно, не хватает смелости. Давно собираюсь взять отпуск за свой счет и съездить в Москву к нашему министру, высказать ему все, что о нем краснослободцы думают...

Несколько дней провел я вместе с этими ребятами, наблюдал, как они работают, о каких делах пекутся. Радовался за них. И хотелось бы закончить этот материал в бодром мажоре, дескать, все хорошо, так держать! Но нет пока еще мажора в нашей жизни, есть много трудностей, есть многолетняя пассивность, не всем хватает веры и желания что-то менять. И Саламу, и Николаю нелегко будет дальше, да и сейчас у них жизнь не сахарная. Еще не раз придется им портить отношения с теми, кто тормозит движение вперед, а сейчас таких людей еще ох как много. И хочется верить, что, встретившись с ними через несколько лет, я смогу услышать от них рассказы о новых достижениях и увидеть, что они совсем не изменились — такие же боевые и бескомпромиссные.

Записал
Александр НЕВСКИЙ.

СМЕНА

В

от уже четвертое десятилетие веду я в архивах поиск документов о разных периодах жизни Владимира Ильича, в том числе и симбирском. В Центральном партактиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в секции кинофото документов хранится интересная фотография — монтаж портретов выпускников Симбирской классической гимназии 1887 года. Эта карточка из семейного архива Ульяновых.

Есть там и портрет получившего серебряную медаль в выпуске 1887 года Александра Наумова — столбового дворянина. Наумов окончил юридический факультет Московского университета и сделал по тем временам блестящую карьеру: был земским начальником в Симбирской губернии, гласным в Самарском губернском земстве, уездным, а затем и губернским предводителем дворянства. И даже управляющим министерства земледелия в последнем царском правительстве.

Не принял столбовой дворянин А. Н. Наумов Советской власти, был против любого волеизъявления народных масс. Проявилось это в Самаре еще в годы первой русской революции. Там одновременно с ним оказался и Константин Глядкин — одноклассник по Симбирской гимназии, чей портрет есть на фотографии выпускников 1887 года. В 1905 году в Самаре Наумов и Глядкин оказались по разные стороны баррикады.

Константин Глядкин, сын швеи, вместе с Владимиром Ульяновым поступил на юридический факультет Казанского университета. А 4 декабря 1887 года был в числе активных участников студенческой сходки. В донесениях о ней о Владимире Ульянове сказано, что он «бросился в актовый зал в первой партии и вместе с Полянским первыми неслись с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других».

Что касается Константина Глядкина, то он также «пошел на сходку... в первой партии». А когда часть студентов стала покидать актовый зал, Константин останавливал их, крича: «Куда вы, братцы, назад идите, в зал». Вместе с Владимиром Ульяновым он был исключен из университета и арестован.

В 1905 году, во время осенней забастовки, отрезавшей от Москвы весь Урал и Сибирь, юристконсульт Самарско-Златоустовской железной дороги К. Г. Глядкин оказался в числе руководителей стачечного комитета железнодорожников. Когда забастовка была подавлена, Константина Гавриловича арестовали и сослали в Архангельскую губернию. В 1917 году самарцы избрали Глядкина в президиум Самарской городской думы и в Общее собрание народной власти.

Что же касается А. Н. Наумова, то он покинул нашу страну и осел в Америке. Там на русском языке небольшим тиражом вышла его книга «Из уцелевших воспоминаний». Многие ее страницы посвящены описанию быта, духа, взаимоотношений в классе, в котором автор мемуаров учился вместе с Владимиром Ильичем. О нем сказано в этой книге: «Центральной фигурой во всей товарищеской среде моих одноклассников был, несомненно, Владимир Ульянов... Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью... Я шесть лет проучился с ним в гимназии бок о бок и не знаю случая, когда Володя Ульянов не мог бы найти точного и исчерпывающего ответа на любой вопрос, по любому предмету. Воистину это была ходячая энциклопедия, справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей.

Как только Ульянов появлялся

в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести (иногда текст), то решить задачку. Ульянов охотно помогал всем, но, насколько мне тогда казалось, он все-таки недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум».

Что верно, то верно. В 1894 году в письме младшей сестре Маняше Владимир Ильич вспоминал именно «таких господ», которые, «во-первых уроков не готовят, а во-вторых, задов ничего не знают. (У нас, по крайней мере, так было.)». Многие после гимназических лет превращались в «подогнанных под общий ранжир чиновников». В своей книге Наумов рассказывал и о том, как накануне выпускных экзаменов многие его одноклассники за деньги узнали темы выпускных сочинений, решение задач, присланных в Симбирск из Казанского учебного округа. Потом прошел слух, что их заменили. Все пережили, волновались. Однако «спокойнее всех был Владимир Ульянов, но без усмешки смотревший на своих встревоженных товарищей: очевидно, ему, с его поразительной памятью и всесторонней осведомленностью, было безразлично, какие будут темы сочинений и задачи».

Отметив, что «в классе ощущалось его (Владимира Ульянова) умственное и трудовое превосходство над всеми нами», Наумов писал: «Надо отдать ему справедливость — сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал».

...По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтобы когда-нибудь он хоть немного позволил себе быть интимно-откровенным».

То, что Наумов назвал «скрытностью» (эта нотка прозвучала и в официальной характеристике Владимира Ульянова, выданной дирекцией гимназии), на самом деле было проявлением сдержанности. В то время Владимир Ульянов переживал мучительные «скачки кризисов» в формировании своего мировоззрения, которые были порождены резкими противоречиями общественной среды. К тому же то, что в ту пору считали «скрытностью», было напряженной сосредоточенностью, которую Н. К. Крупская охарактеризует как «обычное, преобладающее настроение» Владимира Ильича.

Его школьные товарищи и соученики не были посвящены в «святыя святых» души Владимира Ульянова, и это весьма сказалось на их воспоминаниях о Владимире Ильиче в школьные годы. Они запомнили и передали лишь внешние проявления черт его характера.

Сказанное вовсе не означает, что в гимназические годы у Владимира Ульянова вовсе не было потребности поделиться с товарищами сокровенными мыслями. Об этом сам В. И. Ленин поведал Н. К. Крупской, которая впоследствии вспоминала:

«Ильичу ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить о тех мыслях, которые зародились у него. В гимназии он не находил никого, с кем бы можно было поговорить об этом. Он рассказывал как-то: показалось ему, что один из его одноклассников революционно настроен, решил поговорить с ним, сговорились идти на Свяягу. Но разговор не состоялся. Гимназист начал говорить о выборе профессии, говорил о том, что надо выбирать ту профессию, которая поможет лучше устроиться, сделать карьеру. Ильич рассказывал: «Подумал я: карьерист какой-то, а не революционер» — и не стал с ним ни о чем говорить».

В 1887 году Владимир Ильич навсегда покинул родной Симбирск. Переселись ли потом его пути-дороги с кем-

С МОЛОДЫМ

«Я кончил гимназию в 1887 году».
Эта строка написана
Владимиром Ильичем Лениным.
С той поры прошло
ровно сто лет. И теперь
трудно найти человека,
который бы не знал,
что Владимир Ульянов
по окончании Симбирской
классической гимназии
был удостоен высшей
награды — Золотой медали.
То была пятая медаль,
полученная детьми
семьи Ульяновых
за успехи в учебе.
Двух удостоился Александр,
большой серебряной — Анна,
малой золотой — Ольга.
Кто же окружал в гимназии
Владимира Ульянова,
как сложилась судьба его бывших
товарищей и соучеников?

ЛЕНИНЫМ

либо из соучеников и школьных товарищей? Как сложилась дальнейшая судьба тех, чьи портреты помещены на фотографии выпускников, и тех, кто учился с Владимиром Ульяновым в разные годы в одной гимназии?

В Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, просматривая очередное жандармское «дело» конца 90-х годов, я обнаружил там запись допроса В. В. Старкова — соратника В. И. Ленина, арестованного вместе с ним по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В частности, в той записи сказано, что В. В. Старков встретился с Владимиром Ильичем в Москве «на съезде естественников. Там нам с братом Александром на одном из заседаний секций встретился Ульянов, и брат, который был с ним когда-то в одной гимназии, заговорил с ним».

Вот так выяснилось, что братья Александр и Василий Старковы в разное время были рядом с Владимиром Ильичем. Василий вместе с ним отбывал сибирскую ссылку. В Петербургском технологическом институте вместе с В. В. Старковым учился еще один одноклассник Владимира Ильича, сын крестьянина Николай Семенович Госткин — будущий специалист железнодорожного транспорта. На фотографии-монтаже выпуска 1887 года есть и его портрет. Там же, в одном ряду с Константином Глядковым, — Владимир Разумов. В ходе поисков попала запись

беседы с революционером А. К. Пайксом, в которой сообщалось, что В. Г. Разумов, прокурор окружного суда Енисейской губернии, «помог освободить из тюрьмы нескольких арестованных в начале сентября 1903 года по делу (Красноярской) социал-демократической нелегальной типографии».

...В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина среди писем, адресованных В. Д. Бонч-Бруевичу — соратнику В. И. Ленина, управляющему делами Совнаркома, а затем и директору Гослитмузея, оказалась корреспонденция Н. В. Арнольда из Караганды от 20 мая 1945 года. Там, в частности, говорилось:

«Здесь, между прочим, есть один старичок, некто Михаил Мирославович Гриневич... профессор математики в учительском институте, он эвакуировался сюда из Ленинграда. Там он был профессором Военно-морского училища имени Фрунзе. Он товарищ по гимназии Ульянова-Ленина. Знает его с детства... Гриневич — участник шмидтовского восстания в Севастополе...»

В Центральном партийном архиве я отыскал воспоминания М. М. Гриневича «Детские и школьные годы В. И. Ленина», датированные 26 августа 1946 года. Они во многом повторяют уже известное о ранней поре жизни вожды. Есть там и такие строки:

«Мы виделись с В. И. Ульяновым почти ежедневно, и я был принят в семье Ульяновых, как родной».

В одном из «дел» департамента полиции за 1908 год оказалась зашифрованная телеграмма из Москвы от тамошнего охранного отделения в Петербург. Речь шла об отставном подполковнике Павлове. Характеризуя его революционные связи, подчеркивали, что он «являлся одним из центральных лиц, подготовивших Севастопольское восстание. Был в близких сношениях с членами военной организации: лейтенантом Шмидтом, матросами Матюшенко и Сиротенко и штабс-капитаном Гриневичем...»

Вот еще одно жандармское «дело», связанное с «исследованием неблагонадежности» штабс-капитана Гриневича. Уже первые страницы не оставили никаких сомнений, что Михаил Мирославович Гриневич — «тот самый». Судьба бросала его из одного гарнизона в другой, пока он не оказался в Севастополе, в 49-м пехотном Брестском полку, который принимал участие в подавлении восстания Черноморского флота в 1905 году. Но через два года местные военные власти были вынуждены признать, что и там «есть небольшое количество сознательных солдат», а «минная рота вся распропагандирована и принимает самое активное участие в революционном движении». Поэтому «все видные деятели полка состоят под агентурным наблюдением». И среди них — М. М. Гриневич.

Происходило все это в ту пору, когда в сентябре 1907-го начались волнения

в Севастопольском сухопутном гарнизоне. Пройдет чуть меньше года, и у одного из заключенных на гарнизонной гауптвахте будет отобрана рукопись, в которой Гриневич назван среди «сочувствующих революционному движению и готовых вступить в военную организацию». Михаила Мирославовича обыскали, арестовали, и, хотя ничего компрометирующего у него не нашли, он был (как сказано в одном из дел Центрального Государственного военно-исторического архива) «Высочайшим приказом 8 июля 1908 года уволен от службы без преимуществ вследствие возникшего против него обвинения в политическом преступлении».

Обвинение это осталось на М. М. Гриневиче до краха царского режима.

Рассказывая о тех, кто не был одноклассником Владимира Ульянова, но являлся его школьным товарищем, следует вспомнить и Бориса Фармаковского. Мальчики дружили с малых лет. Друзьями были и их родители — педагоги И. Н. Ульянов и В. И. Фармаковский. Когда последний переехал вместе с семьей в Оренбург, связь их с Ульяновыми не прерывалась. О том свидетельствует письмо М. А. Ульяновой Фармаковским от 18 марта 1882 года, где сказано, что письма их детей «доставили нам большое удовольствие». Известно, что Володя Ульянов и Борис Фармаковский писали друг другу. От той их ребячьей «почты» сохранилось только одно рисованное письмо на березовой коре.

Кем же стал Борис Фармаковский — близкий товарищ детства Владимира Ульянова? Он окончил одесскую Ришельевскую гимназию с золотой медалью, затем классическое отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета (в Одессе). Еще будучи на студенческой скамье, получил золотую медаль за сочинение о культуре Испании и ездил в научные командировки в Константинополь и Афины.

Теперь имя Б. В. Фармаковского, профессора, члена-корреспондента АН СССР, крупнейшего ученого-археолога, широко известно в научном мире. Он вел научные исследования в главных европейских музеях, был ученым секретарем русского Археологического института в Константинополе, основателем и руководителем Института материальной культуры в Ленинграде.

А одноклассник Ильича Сергей Сахаров в советское время, ходатайствуя об устройстве на работу в Наркомфин, сослался и на свое знакомство с В. И. Лениным. По этому поводу Владимиру Ильичу был послан запрос. Из его ответа мы и взяли те самые строки, которыми начинается этот очерк. Говоря о С. Сахарове, Владимир Ильич сообщил, что «сохранил память» о нем «по гимназии, где мы вели либеральные разговоры мальчиками». Однако своим ответом он дал понять, что при решении вопроса о приеме его бывшего соученика на работу следует руководствоваться вовсе не фактом их давнего гимназического знакомства, а деловыми качествами С. М. Сахарова.

Мы рассказали лишь о нескольких школьных товарищах и соучениках Владимира Ильича. Поиски материалов о других — впереди. А среди них: участник небывалого по тем временам велопробега Владимир Толстой, дипломат (окончивший знаменитый Лазаревский институт) Владимир Андреев — и другие.

Заканчивая свой рассказ, очень надеюсь на то, что строки эти попадут на глаза потомков бывших школьных товарищей и соучеников Владимира Ульянова и они сообщат то, что, казалось, временем сокрыто.

✉ ЭТО И НАША ВИНА...

Никогда не забуду чувство, которое испытала, когда меня, деревенскую девчушку, окончившую на пятерки первый класс, премировали путевкой в кукольный театр, до которого вместе с семьей детдомовскими ребятами мы должны были пройти 12 километров. Для них были сшиты черные сарафаны и белые блузки, в качестве сухого пайка было выдано по два больших ломтя белого хлеба с сыром. Мы, выросшие в обносках старших, на травяных лешках, в душе завидовали им, не понимая, конечно, того, что они тоже завидовали нам. Наверное, и одежду, и еду детдомовцы, не задумываясь, отдали бы за тепло родительских сердец.

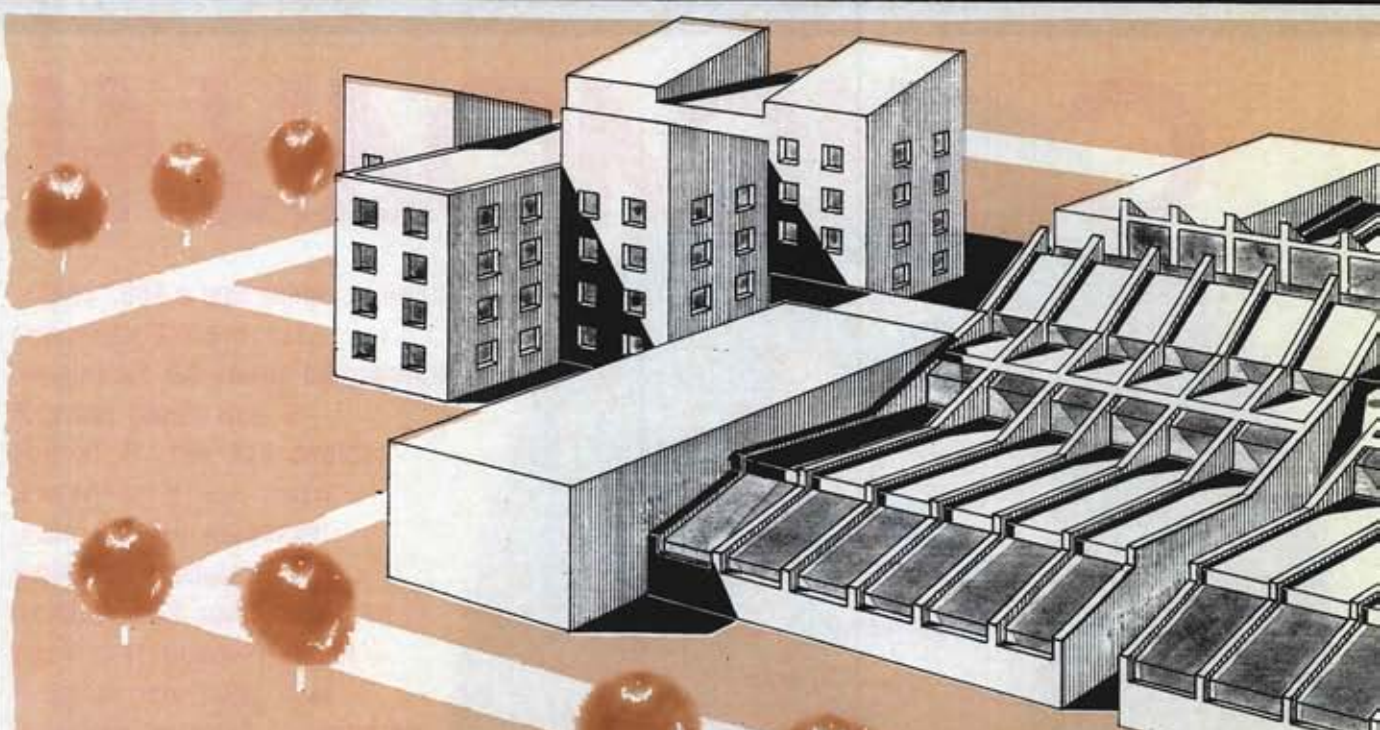
Потом в техникуме с нами учились две девочки из детдома, которые были обеспечены лучше нас. Уже взрослой я поняла, что даже тогда, в голодные послевоенные годы, государство отдавало сиротам лучший кусок, лучшую одежду.

Мы живем без войны сорок два года. И если рядом с нами есть люди, которые бросают своих детей или которых государство вынуждено лишить родительских прав, то это и наша вина. Значит, наш долг — дать этим детям все самое лучшее и быть по-настоящему добрыми, а не добренькими. Надо построить самый лучший дом с залами для кино, с театральной студией, школу с первоклассным оборудованием, бассейном и мастерскими. Нам надо помнить, что стены тоже воспитывают, что человек по-разному чувствует и ведет себя в залах Эрмитажа и в захудалом клубе.

**В. МАКАРОВА,
г. Киров**

✉ НЕ УСЛОЖНЯТЬ СУДЬБУ

«В детский дом приглашаются дети из детских домов области после окончания начальных классов. Последующая учеба для всех без исключения до окончания 11-го класса школы с трехлетним обязательным профессиональным обучением», — говорится в проекте. Но давайте вспомним, кем мы хотели быть в десять лет, после окончания третьего класса. Многие ли из нас уже тогда могли выбрать свой жизненный путь? А ведь именно это и предлагается в проекте. Девятилетний воспитанник детского дома с уверенностью должен сказать себе: «Да, я хочу работать именно на этом заводе, я хочу получить специальность именно в ПТУ этого завода». А если в пятнадцать лет этот ребенок поймет, что он прирожденный врач или историк? А может быть, педагог? Но ведь он будет обязан получить профессиональную подготовку в ПТУ предприятия. А по-

том работать на этом предприятии. Да, можно сменить специальность, но сделать это очень сложно. Так почему же людям, у которых судьба не очень простая, ее еще более усложнять?

**Наталья ТАРОСЯН,
Москва**

✉ СТАНЕТ ДОМОМ ЗАВОД

По моему мнению, детский дом должен быть спроектирован таким образом, чтобы в нем жили и малыши. Надо, чтобы они с рождения имели свой дом. За счет «матерей», бросивших своих детей, можно организовать денежные фонды. Почему, когда отец уходит из семьи, он платит алименты, а «мать», оставляющая ребенка, не несет никакой материальной ответственности? Пусть платит алименты до достижения ребенком 18-летнего возраста.

На любом заводе есть одинокие люди, которым некуда тратить свою доброту. А тут будут «свои» дети, которым все это необходимо. Вырастут они хорошими людьми, отличными работниками, верными родному дому-заводу.

**С. А. АБАКУМОВА,
инженер,
г. Кохтла-Ярве Эстонской ССР**

✉ МАТЬ РЕБЕНКУ НИКТО НЕ ЗАМЕНИТ

В ходе обсуждения письма А. Лиханова у нас в коллективе поступило предложение: с женщин, бросивших своих детей или лишенных права материнства, удерживать определенный денежный процент от заработка на содержание

детей в детских домах, причем без сохранения права помощи им от своих детей в старости.

Очень хорошую идею выдвинул автор статьи о создании детского дома промышленного предприятия. Уходит ребенок из детского дома... И сколько перед ним сразу встает проблем! Одна из самых важных — найти себя, выбрать профессию по душе. Хорошо, если человек идет к заветной цели с детства, а если выбор еще не сделан?

Кто поддержит его? Кто подскажет? Коллектив нашей группы согласен взять шефство над одной из групп детского дома.

Мы уверены, что женщины нашего цеха поддержат наше предложение.

**А. ГРУХИНА, А. ПОПОВА,
А. ХЛЕБНИКОВА и другие,
ЭМСЗ имени Лепсе, г. Киров**

✉ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ?

Однажды в интернате, где я работаю, двое восьмиклассников отправились навестить больного учителя. Учитель жил один и попросил ребят сходить в магазин. Дети купили молока и хлеба на 5 рублей. Когда учитель сказал, что это очень много, ребята удивились. Живя на всем готовом, они не знают реальной жизни... Сейчас детей после

интерната принимают в ПТУ, техникумы, но детский дом промышленного предприятия — это лучшее решение проблемы.

**Г. Ф. КОРОЛЕНКО,
Новгород**

✉ ПРОШУ УЧЕСТЬ...

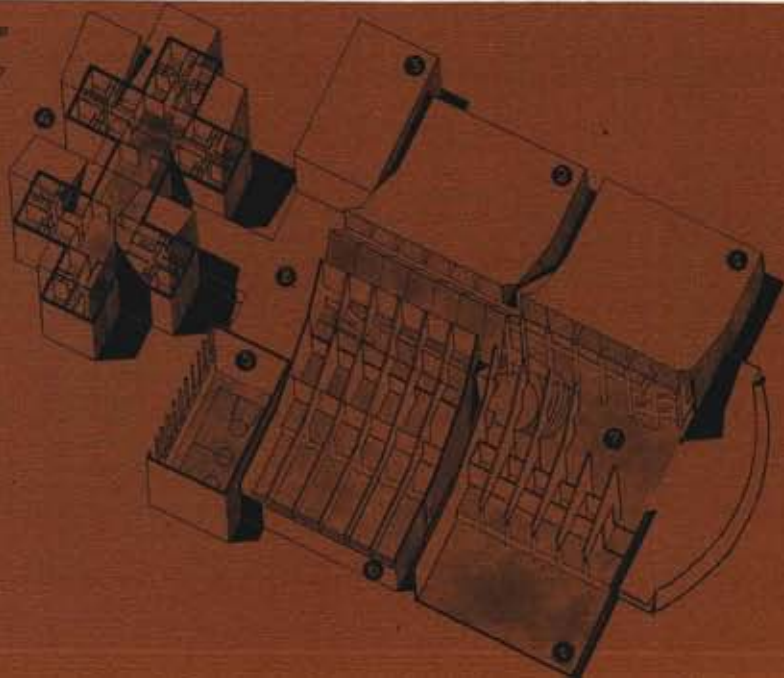
Я не архитектор, но сама выросла в школе-интернате, и хочется, чтобы при проектировании учли даже мелочи. Будет ли помещение для мелких постирушек и сушилки? Предусмотрены ли общешкольная прачечная, раздевалка для верхней одежды с сушилкой для обуви, варежек? В корпусе для малышей желательна большая игровая комната с ковровым покрытием и стеллажами для игрушек. Предусмотреть бы и помещение для сапожной мастерской, парикмахерской. Помимо сада, должен быть небольшой огород, цветник. Вполне посибно на пищевые отходы выращивать 5—6 свиней. Неплохо бы иметь и подсобное хозяйство, способное обеспечить овощами детский дом в те-

ОТ
ДО

ИДЕИ
ПРОЕКТА

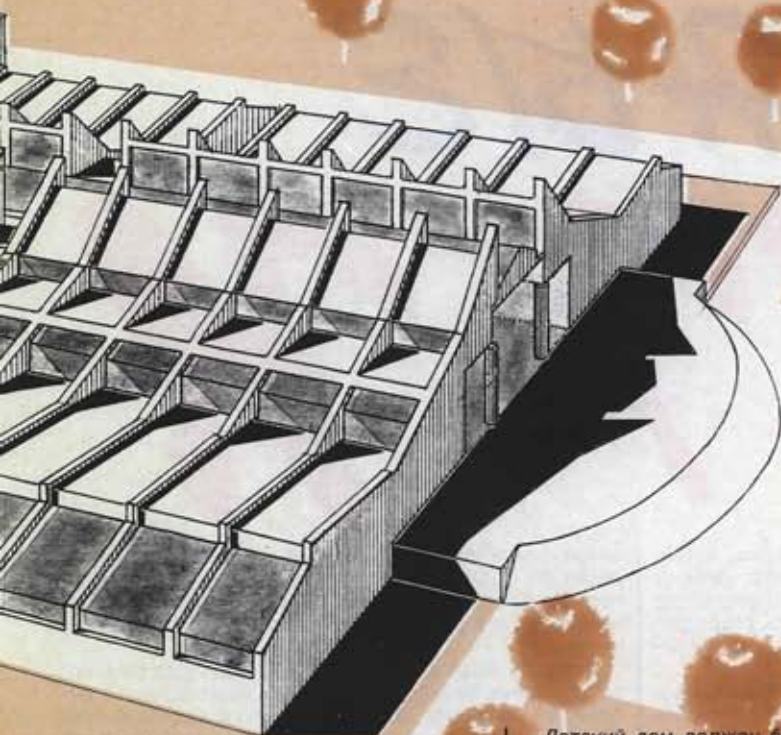
ИДЕЯ СОЗДАНИЯ ДЕТСКОГО ДОМА
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ
ПОДДЕРЖАНА ЧИТАТЕЛЯМИ
«СМЕНИ».

1. Учебно-производственные мастерские.
2. Отделение эстетического воспитания (студия).
3. Плавающий бассейн.
4. Жилые комнаты.
5. Спортивный зал.
6. Отделение технического творчества.
7. Зал-форум с зрительной частью.
8. Столовая.

Рисунки Александра Егорова

Валентин СТЕПАНОВ,
доктор архитектуры, профессор,
заведующий отделом школ и внешкольных учреждений
ЦНИИЭП учебных заведений

Проектируя новый, не имеющий аналогов детдомовский комплекс, мы ставили перед собой две социальные задачи: создать материально-техническую базу, при которой возможно слияние общеобразовательной школы с профессиональной, и вместе с тем обеспечить воспитанникам дома наиболее благоприятные условия для всестороннего, гармоничного и творческого развития.

Эти социальные задачи и определили архитектурное решение комплекса. В его состав включены общешкольный центр; учебные кабинеты и лаборатории V—XI классов; помещения для технической, общетрудовой и профессиональной подготовки учащихся; отделения научно-технического творчества, юннатской работы, эстетического воспитания, учебно-спортивные залы; помещения обслуживающего назначения; интернат на 420 мест; медицинский блок.

Принципиально новыми элементами здания в отличие от традиционной школы-интерната являются общешкольный центр, группы помещений для творческого развития школьника и система учебно-производственных цехов. Впрочем, и другие компоненты здания получают дальнейшее развитие.

Общешкольный центр — ядро всего комплекса — это значительное пространство для организации свободного времени детей. Среднюю его часть занимает амфитеатр со зрительными местами, рассчитанный на сбор всей школы. Тут можно проводить вечера, представления — словом, центр дает комплексу архитектурно-эстетическую направленность. Предполагается, что ам-

фитеатр можно будет изолировать от остального пространства с помощью трансформирующихся гибких занавесей.

К общешкольному центру примыкают по периметру все остальные группы помещений. На первом этаже с обеих сторон центра находятся учебные и учебно-производственные мастерские (цеха), комнаты кружков технического творчества, сельскохозяйственного опыта, а также группа помещений эстетического воспитания (изобразительного искусства, хореографии, музыки, универсальный зал). На втором этаже размещены учебные кабинеты, библиотека площадью 400 квадратных метров, лекционный зал и ресурсные центры учебных кабинетов, из которых будут поступать на уроки видеoinформация, наглядные учебные пособия и технические средства обучения. На третьем этаже — рабочие комнаты.

Есть, конечно, спортзал и бассейн. Такая структура комплекса позволяет иметь удобные коммуникационные связи, уйти от традиционной коридорной унылой организации пространства.

В виде автономного объема, имеющего крестообразное решение, размещены спальни (по 4 человека в каждой), обеденный зал и медпункт. Спальный корпус четырехэтажный. На втором и четвертом этажах расположены просторные холлы, комнаты дежурных воспитателей.

В проекте мы попытались избежать «казенщины» во внешнем облике и пространственной организации здания, сделать дом максимально удобным, интересным. Чтобы он был Домом для детей в полном смысле этого слова.

Детский дом должен быть рассчитан на 200—400 учащихся, и хотелось бы, чтобы строились такие дома не по типовому, а по индивидуальному проекту — с учетом особенностей области, республики.

Предлагаю родителей, отказавшихся от детей, штрафовать на сумму до семи тысяч рублей — оплата содержания и воспитания в детском доме.

Владимир СТОЛИЦИН,
Чернигов

чение всего года. На территории дома необходимо разместить площадки с качелями, каруселями, другими аттракционами, столы для настольного тенниса, шашек, шахмат. В школьном корпусе не забыть комнату для небольшого склада: наглядные пособия, запас тетрадей, ручек и т. д.

Галина СЕРЕГИНА,
Москва

☒ ПРАВО ВЫБОРА

До призыва в армию я работал в Кировском электромашиностроительном объединении имени Лепсе. Считаю своим долгом принять участие в обсуждении статьи о проекте нового детского дома.

На базе нашего объединения действуют два учебных заведения: ПТУ, готовящее токарей, слесарей, фрезеровщиков, и техникум, выпускающий специалистов по станкам с числовым программным управлением, операторов ЭВМ, техников-электриков. А если кто-то из ребят детского дома захочет учиться не в ПТУ, а в техникуме? Предлагаю предусмотреть это в проекте: после окончания восьмилетней школы желающие могут поступать и в техникум.

Сергей ПЬЯНЫХ,
рядовой Советской Армии

☒ ПРЕДЛАГАЮ...

На территории детского дома нужно построить разнообразные мастерские с соответствующим оборудованием по типу «Сделай сам» — столярную, слесарную, швейную и т. д. Здесь воспитанники в свободное время будут ремонтировать сантехнику, электроприборы, электроаппаратуру, чинить и изготавливать табуретки, двери, оконные рамы, шкафчики.

Кроме спортивного комплекса, нужно построить спортивную площадку с качелями, крокетом, городками.

Александра БЫЧКОВА,
Липецк

☒ ХОЧУ ТАМ РАБОТАТЬ!

Предлагаю предусмотреть в проекте ателье индивидуального пошива одежды, чтобы каждый из воспитанников, овладев соответствующими навыками, смог сшить себе платье по вкусу.

С удовольствием пойду работать в такой детский дом.

Л. СИДЕЛЬНИКОВА,
библиотекарь,
г. Гремячинск Пермской области

☒ ОБРАЩАЕМСЯ КО ВСЕМ

Мы, комсомольцы, слушатели кружка комсомольской учебы, с большим вниманием прочитав на занятии обращение писателя А. Лиханова к коллективу нашего предприятия, высказываем единодушное одобрение этого гуманного социального эксперимента и считаем, что каждый может внести в доброе дело посильный вклад.

Предлагаем перечислять средства на строительство заводского детского дома на специальный счет областного отделения Госбанка.

Этот счет даст возможность всем желающим начать отчисления от денег, заработанных на коммунистических и комсомольских субботниках, при сборе металлолома, макулатуры и т. п., вносить личные сбережения.

Пусть это будет скромный вклад каждого из нас, но он будет свидетельствовать о высоком гуманизме, присутствующем в нашем строю, советскому образу жизни.

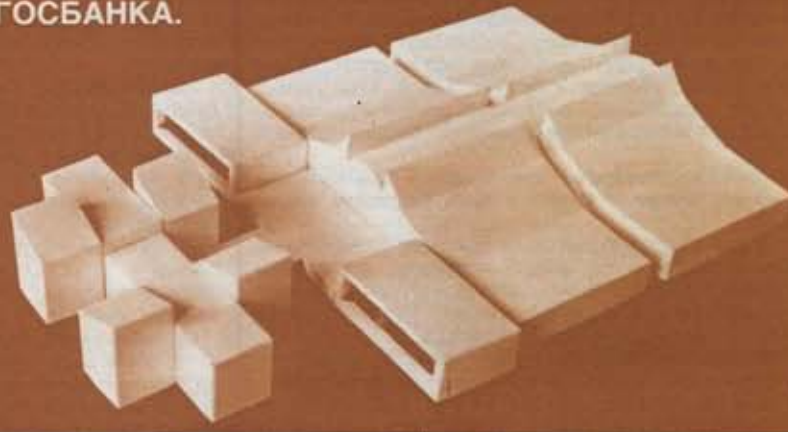
В. ШИТОВА,
электроиспытатель,
К. МОКРЕНСКИХ,
электромонтажница,
Н. БУРКОВА,
сверловщица,
всего 16 подписей,
рабочие ЭМСЗ имени Лепсе

Доброта, отзывчивость, участие — высоким гуманным смыслом наполняются эти понятия, когда стоит за ними конкретное дело, бескорыстный поступок. Именно таким конкретным делом станет осуществление необычного социального эксперимента, шефство над которым берет наш журнал. Давайте все вместе поможем воплотить проект в жизнь, ведь нового детского дома, нового крова ждут дети.

Средства на строительство будущего детского дома в городе Кирове можно перечислять на расчетный счет

№ 000263703

В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНТОРЕ ГОСБАНКА.

Валентин ПИКУЛЬ

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЧЕЛМКИ

Начало истории — прямо-таки из романа времен благородных рыцарей и прекрасных дам. Только дело происходило не в Валенсии или Провансе, а в старой Казани, перед Танечкой Саблуковой стояли на коленях не Дон-Кихот с Дон-Жуаном, а всего лишь два юных семинариста в замызганных рясах, и животно у них были подведены от давнишнего недоедания.

— О, как мы любим вас! — согласно взывали они к девице. — Наши чувства к вам одинаковы, только натуральны у нас разные. Вот и решили сообща, чтобы вы сами выбрали себе угодного...

Семинаристы были сыновьями бедных дьячков, между собою двоюродные братья: пригожий Саня Корсунский и раскосый (чуваш по матери) Никита Бичурин. Девушке нравился Корсунский, в чем она созналась, и Бичурин сразу поднялся с колен:

— Вот и конец! Теперь, по уговору меж нами, Саньке под венец с тобою идти, а мне монашеский сан принимать, дабы не мозолил я вам глаза, любви вашей мешая...

Корсунский потом уехал с женою в Петербург, стал чиновником и даже разбогател, Никита Яковлевич Бичурин для мира исчез. Под монашеским клобуком появился новый человек — Иакинф. Было ему тогда лишь 22 года. Иакинф уже блистательно владел латынью, свободно говорил по-немецки, дерзал переводить с французского вольтеровскую «Генриаду». Молодого монаха оставили в Казани, где он читал лекции по грамматике и риторике, его повысили в духовном сане.

Не будем наивно думать, что в монахи шли только глубоко верующие люди. Напротив, за стенами русских монастырей зачастую укрывались ищущие сытости вольнодумцы, потерпевшие крушение надежд и жизненные невзгоды, под благовест церковных колоколов люди погребали несчастную любовь. Убежденный атеист, Иакинф Бичурин затаил свою натуру под видом смиренника, отрешенного от земных страстей, ловко скрывая свое безбожие.

Это давалось нелегко. Недаром же впоследствии декабрист Николай Бестужев перековал свои кандалы на гирлянду монашеских четок — в подарок отцу Иакинфу:

— Чую, будут они грузны для тебя, как и для нас, женщину кандалы такие... Потаскай, сам сведаешь!

Впрочем, это случилось позднее, а в 1802 году Иакинф был назначен в Иркутск — ректором тамошней семинарии и архимандритом Вознесенского монастыря. Из Казани он вывез с собою молодого послушника, который стелил ему постель, возжигал перед ним свечи, ставил самовар и прочее. Так бывало днем... А ночью «послушник» сбрасывал рясу и становился прекрасной женщиной, бежавшей от барщины искать воли.

— Выбрось из головы Таньку свою, — шептала она по ночам, ревнуя. — Нешто я хуже недотроги казанской?..

Эта любовная история была однажды разоблачена, женщину вернули под власть помещика, а Бичурина заточили в темнице Тобольского монастыря — именно в той камере, где в давние времена сидел, потрясая цепями, неистовый протопол Аввакум.

Иакинфа Бичурина спасла от кары... политика! Россия очень бережно относилась к своим дальневосточным владениям, прощая многие амбиции династии Цинских богдыханов. Но своего посла в Пекине не имела, роль посольства там исполняла духовная мис-

сия — с монахами и студентами, изучающими китайский язык. Как раз в это время русский кабинет отправил в Китай особое посольство во главе с графом Юрием Головкиным, чтобы разрешить стародавние споры. Проездом через Тобольск граф узнал о заточении Иакинфа:

— И почему это у нас дураки в Сенате заседают, а умных людей в тюрьмах содержат? Буду писать лично императору...

Однако дипломат добрался лишь до кочевий Урги (ныне город Улан-Батор). Китайские мандарины требовали от графа исполнить униженный церемониал «коу-тоу», отрешиться от серию поклонов и приседаний перед идолом, заменявшим в их воображении самого богдыхана. Головкин унижаться не стал:

— Мне, русскому послу, не пристало ползать на четвереньках перед вашим истуканом, вылепленным из глины...

Петербург в особом меморандуме протестовал: «Возвращение российского посольства, преждевременно и неприличным образом вынужденное, есть неслыханное для нас происшествие!» Юрий Головкин настоял перед кабинетом, чтобы обновили русскую миссию в Пекине, а отца Иакинфа сделали главою миссии.

— У них там много всяких китайских церемоний, — напутствовал он монаха, — но ты в Пекине не слишком-то церемонься. Сам увидишь, что делать в царстве богдыханов... Паче того, со времен Кяхтинского трактата между великой Россией и Поднебесной империей объявлен «вечный мир»!

В январе 1808 года в Пекин въехала X духовная миссия, дабы сменить IX миссию. Иакинф оставил церковные дела в покое, сразу же приступив к изучению китайского языка. Его редко видели в храме, он пропадал на базарах и в харчевнях, осваивая разговорный язык. «Не хвалю себя, могу сказать, что живу здесь единственно ради отечества, а не для себя, — писал Иакинф из Пекина друзьям на родину. — Иначе в два года не мог бы я выучиться так говорить по-китайски, как ныне я говорю». Познание Китая давалось с трудом: масса ошибок в транскрипции личных имен и в географии страны, допущенных учеными Европы, привела к невообразимой путанице в написании и произношении китайских слов. Пекинские мудрецы допустили монаха до своих сокровищ; Иакинф подкупил их невольным трепетом, с каким обращался с древними книгами. Конечно, он не смел коснуться пальцами текста, особенно бережно листал манускрипты, писанные красными чернилами, что — по мнению мудрецов — сразу в восемьсот раз повышало их ценность.

Настал 1812 год. Петербургу было не до того, чтобы думать о духовной миссии в Пекине, которая в канун войны (и даже после изгнания Наполеона) не получала ни копейки денег. Дабы монахи и студенты не побирались на улицах, Иакинф самым безбожным образом распродал церковную утварь. В 1813 году китайцы восстали против династии Цин, Иакинф описал восстание как очевидец, дополнив статью историей прошлых бунтов в Китае. Опубликованная в «Духе журналов» русской столицы, эта статья стала первой научной работой Иакинфа.

Он любил труд, который одному человеку, кажется, и не осилить. А потому смело брался за переводы необъятных томов китайской истории, вникал в поучения азиатских философов. В душе вольтерьянец, следуя по стопам французских энциклопедистов, Бичурин даже преувеличивал восточную мудрость, облагоражи-

вал местные нравы и законы. «В таком государстве, — писал он о Китае, — без сомнения, есть много любопытного... много хорошего, поучительного для европейцев, кружащихся в вихре различных политических систем».

Историки Европы выводили корни китайцев от Египта или даже Вавилона, искали их первоисток в библейских легендах; немецкие синологи видели в племенах Тяньшаня «усунь» следы протогерманского происхождения. Бичурин — вопреки всем! — точно указал на самобытность культуры Китая, которая оформилась в долинах среднего течения реки Хуанхэ.

— А господь бог, — говорил он, — не додумался заглянуть в эти края, так что и Библия тут сбоку припека. Немецким же духом в Азии никогда и не пахло...

До Иркутска стали доходить слухи, будто глава миссии запустил храм в Пекине, не обнаруживая никакого почтения к церковным святыням. В 1821 году Священный Синод прислал в Пекин нового владыку миссии Петра Каменского.

— Зверь! — сказал он Иакинфу. — Ты погляди, во что храм божий обратил. Даже мышонку огарка свечного не оставил... все пусто, хоть лошадей заводи с улицы. Куда же все подевалось, хая твою мерзопакостная? Давай ключи от миссии.

Иакинф Бичурин брякнул ключи на пол.

— Нагнись и подыми сам, — сказал он Каменскому... Каменский послал донос в Святейший Синод, Бичурину было велено сдать дела миссии, а самому выехать в Петербург для оправданий. Иакинф выступил в путь караваном верблюдов, увозя в столицу четыреста пудов книжной учености по философии, экономике, географии и истории Китая.

Но мучам синодальным было не до его интересов.

— Где бы нести китайцам слово божие, вместо этого ты в Пекине вавилонском беса блудного тешил. — Его упрекали во многих грехах, даже за пристрастие к китайкам, искренно удивляясь: — Чего ты в узкоглазых нашел хорошего?

— Не судите о них по картинкам, исполненным европейцами, — отвечал Иакинф. — Китайки столь приятного обхождения, что во всем мире таковых не сыскать, и никогда они скандаля не учинят, как это принято в странах цивилизованных...

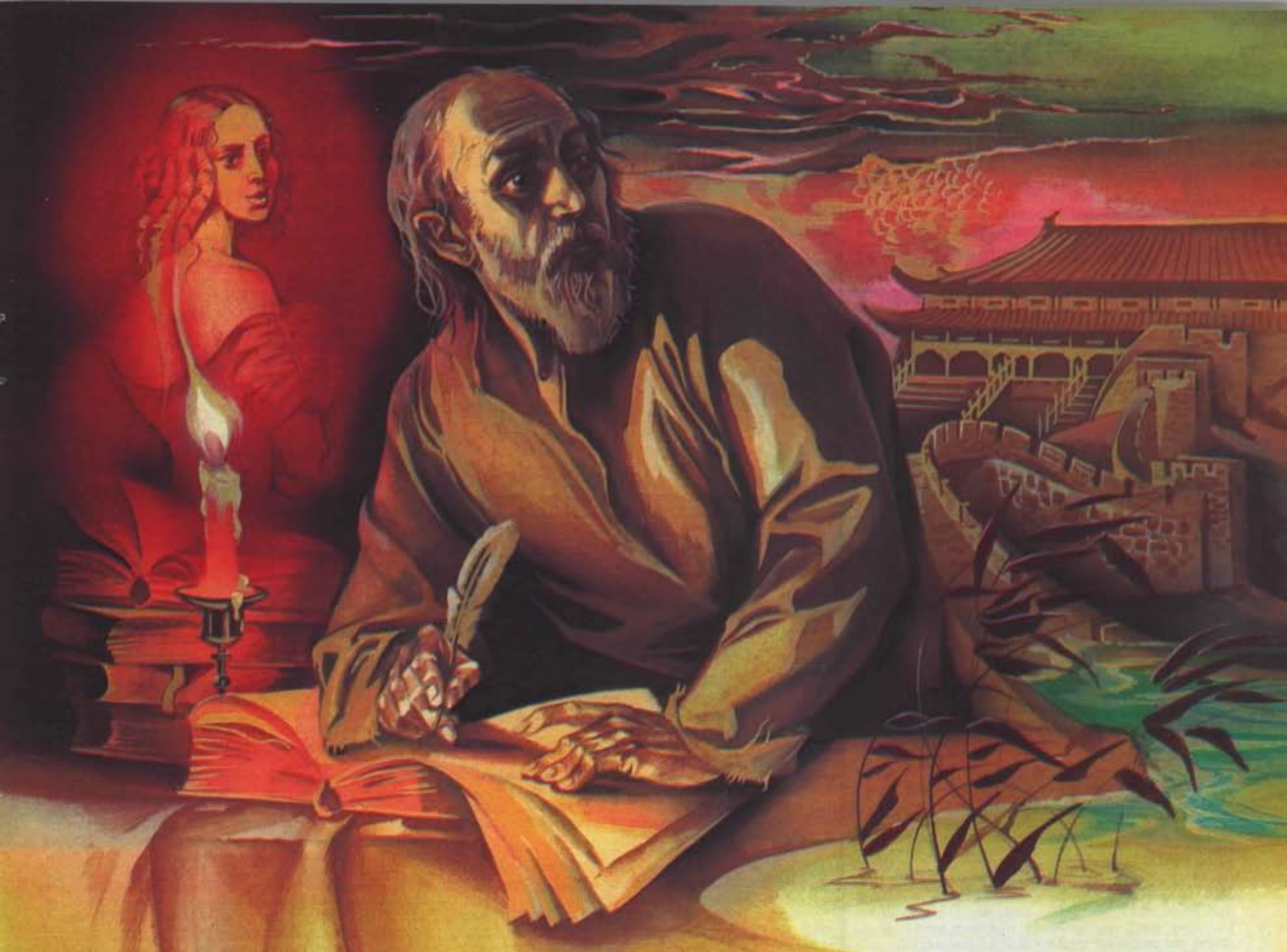
В столице Бичурин сразу (и на всю жизнь!) подружился со знатоком Востока и полиглотом, владевшим знанием редких языков: монгольского, бурятского, тибетского. Это был барон Павел Львович Шиллинг, изобретатель первого в России электромагнитного телеграфа, основатель литографского дела, физик и дипломат; он был и приятелем поэта Пушкина.

— А мое детство прошло в Казани, когда вы, мой друг, осиливали науки в тамошней семинарии. Куда вы смотрите?

— Среди множества редкостей вашего кабинета, — заметил Бичурин, — я вижу и саблю с надписью «За храбрость».

— Да! Бывал не только дипломатом, но сражался и с Наполеоном, а эту саблю получил за битву при Фер-Шампенуазе...

Синоду же был безразличен ученый Бичурин, владыки церкви видели в нем лишь «поганую» овцу из стада божьего, и приговор иерархов Синода был слишком суров: Иакинфа разжаловать в рядовые монахи, сослать на вечное заточение в монастырь со строгим режимом. Так он, еще недавно гулявший по улицам Пекина, оказался в тишине острова Валаам. Но,

покидая столицу, монах еще надерзил в Святейшем Синоде.

— В монастырь заточить меня вы способны, и даже под схимой пожизненно, — сказал он. — Но вы не в силах отрешить меня от науки, коей я остаюсь предан... тоже пожизненно!

Современник оставил нам свидетельство, что на Валааме Бичурин вел далеко не монашеский образ жизни: «Когда, бывало, зайдет к нему в келью игумен и станет звать к заутрене, он обыкновенно отвечает ему: «Отец игумен, идите уж лучше сами в церковь, а я вот уже более семи лет не имел на себе этого греха...» Экономя время на молитвах, он обложил себя грудой книжной учености, писал книги — о Тибете и Монголии, заглядывал в темное прошлое Чжунгарии и Туркестана, составил описание Пекина с приложением плана китайской столицы. Пока он трудился в келье валаамской обители, барон Шиллинг использовал светские связи родственников, нажал на все придворные пружины, чтобы вызволить Бичурину из монастырского заточения. Карлу Нессельроде, ведавшему иностранными делами Российской империи, барон не однажды доказывал:

— Надобно известить его величество, что нельзя удалять из науки человека, способного внести полезную лепту в наше востоковедение. Россия нуждается в подробном изучении Китая ради соблюдения с ним дружбы, и эта держава, для нас еще во многом загадочная, никогда не перестанет быть нашей соседкой.

Три года ушло на хлопоты друзей, чтобы вырвать Бичурину из «вечного заточения». Монаху разрешили вернуться в Петербург; его зачислили в штат чиновников Азиатского департамента; служащий днем, он обязан был ночевать в келье Александро-Невской лавры столицы. Все начатое еще в Пекине и завершенное на Валааме быстро воплощалось в книгах, выходивших одна за другой. Бичурин становился знаменит, его переводили в Париже, им уже интересовалась Европа, о нем часто писали в русских журналах. «Московский телеграф» извещал публику: «Благодарим почтенного отца Иакинфа за то, что он решился, наконец, издавать в свет свои записки и сочинения о Китае... о стране замечательной, у нас малоизвестной и донныне по большей части дурно и неверно описываемой». В 1828 году Никита Яковлевич и барон Павел Львович Шил-

линг были избраны в члены-корреспонденты Академии наук, тогда же Бичурин поднес Пушкину свой первый дар — описание таинственного Тибета.

Но однажды, беседуя с бароном Шиллингом, монах-чиновник завел речь о раскрепощении от духовного сана.

— Что ты задумал? Или сам не знаешь, что монашеский клобук чуть ли не гвоздями к голове приколочивают?

— О том мне ведомо, — отвечал Бичурин. — Но еще не изобрели кривых гвоздей, которые нельзя было бы выдернуть...

Переписывание китайских иероглифов — занятие каторжное, и барон Шиллинг, мастер на все руки, удачно применил способ литографирования, чему немало дивились зарубежные ученые. Именно с помощью литографии Павел Львович издал «Сань-Цзы-Цзин, или Троеслобие». В предисловии было сказано: «В сей книжке изложены все философские умствования китайцев с изъяснением понятий и выражений, странных для европейца...»

С этой книгой Бичурин навел на Пушкина:

— Александр Сергеич, опять дарю от чистого сердца, яко переводчик сей удивительной книги...

Пушкин не только читал, но даже изучал труды Бичурина, черпая из них факты для своей работы. Монах бывал в доме поэта, познакомился с его друзьями, и вот что странно: Иакинфа чтили люди, любившие и поэта, а травил его те же самые враги, которые травили и Пушкина.

— Прямо чудеса! — судачили сплетники. — Этот монах родился в русской деревне под Чебоксарами, а глаза у него сами собой превратились в узенькие щелчки, как у китайца. Неужели пребывание в Пекине способно так изменить человека?..

Не оставив своих эпикурейских привычек, Бичурин сам давал публике немало поводов для анекдотов. Его часто видели на столичных проспектах в окружении дам полусвета; женщины бережно вели его под руки, а сам кавалер был в монашеском подряснике, но клобук заменял модной шляпой, как денди. Позже он угодил в веселую компанию Брюллова, Глинки и драматурга Кукольника: подобрав края рясы, Иакинф отплясывал там вприсядку, словно загулявший деревенский парень. Святейший Синод, конечно, был до-

статочно извещен обо всех его фокусах. Но что он мог поделаться с Бичуриным, если в его услугах постоянно нуждалось министерство иностранных дел, а сам император Николай I отсчитывал сотни рублей для издания его научных трудов.

Министерские чиновники отзывались о Бичурине: — До чего же негодный монах! Но смотрите, что творится с его книгами: их читают не только в публике, но даже министры. Сочинения отца Иакинфа высочайше предписано иметь в университетах, они рекомендованы для гимназий...

Наконец, случилось небывалое: востоковеды Европы спешно исправляли свои прежние труды о Китае, Чжунгарии и Монголии, ибо допустили в них немало ошибок, а теперь сверяли свои знания с работами русского монаха. Настал день, которого с большим нетерпением ожидал Павел Львович Шиллинг:

— Поздравь меня. Я свыше получил согласие на устройство научной экспедиции к рубежам Китая, а ты, друг, не покинешь меня в этом предприятии... Оба поедем в Кяхту!

Барон щедро разлил по бокалам шампанское:

— За удачу! Назову и третьего соучастника.

— Кто же он?

— Пушкин! Он давно желает бежать из этого мира интриг, зависти, клеветы и подозрений, дабы на границах с Китаем обрести подлинную свободу. Наконец, — досказал Шиллинг, — у него в Сибири полно друзей... сосланных декабристов!

Пушкин впрямь загорелся желанием побывать в Китае:

*Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменно убаяя:
К подножью ль стен великого Китая...
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите, в странствиях умрет ли
страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дева?..*

Наталья Гончарова (гордая и мучительная дева) не могла удержать его: Пушкин был готов ехать! Однако побывать в Китае поэту не довелось. Император не сразу соизволил выпустить из монастыря на волю Иакинфа Бичурина, но он совсем не хотел потерять

надзор над поэтом, который в Сибири рассчитывал поводить друзей-декабристов...

Пограничную Кяхту русские люди знали по тем «цибикам» китайского чая, которым торговали в Москве и Петербурге; коробки с чаем, обтянутые красивым шелком, были разрисованы пейзажами Китая, гуляющими под зонтиками нарядными китайцами. Выпив чай, русские провинциалы не спешили выбрасывать эти коробки, а долго держали их в доме как украшение семейного быта.

Кяхта была столицей богатых чаоторговцев; в недалеком Селенгинске проживали ссыльные декабристы, среди них и Николай Бестужев, наезжавший в Кяхту, где писал портреты местных жителей... В этом удивительном городе, пристроившемся на самом отшибе России, барон Шиллинг и монах Иакинф развернули свою экспедицию. Бичурин уже давно испытывал острый интерес к истории монголов, он задумчиво рассуждал:

— Именно через Кяхту пролегли пути древней цивилизации Востока, и надеюсь, мы с вами здесь такие сокровища письменности, кои не могли найти прежние издатели Азии...

«Я здесь не без дела, — отписывал он на родину. — Обучаю детей китайскому языку, переделал китайскую грамматику... привожу к окончанию перевод монгольского словаря». Отрываясь от занятий, он выполнял и важные поручения министерства по расширению торговых связей России с Китаем. Но главное — школа! Бичурин набрал детшек, сам вел с ними занятия. В кяхтинской школе никогда не слышали свиста розги, зато ученики отца Иакинфа быстро осваивали китайский язык.

Шиллинг с бурятскими и монгольскими ламами был погружен в изучение древних книг; он сказал Бичурину:

— Книг такое множество, что для перевозки их в Петербург потребно выложить из кармана восемь тысяч рублей. Мои родственники уже извылись, глядя на мои траты. То на физику, то на изыскание тайн азиатских, то на законы электричества... Я разрываюсь между двух стихий: Востоком и Электричеством!

Бичурин ответил, что он тоже расколот надвое:

— Кому принадлежу? Церкви или науке? Не скрою, что избрал второй путь. Так помогите мне выдернуть те самые гвозди, которыми к моей голове приколот клубок монашеский...

Шиллинг оповестил Нессельроде из Кяхты, что требуется избавить Иакинфа от стеснительных уз монашества, дабы он вышел на стезю науки под мирским именем Никиты Яковлевича. Бичурин сам просил церковь об этом, и Синод вроде бы с ним согласился. Нессельроде тоже был солидарен с вескими доводами барона Шиллинга, предсказывая Бичурину скорую карьеру чиновника при Азиатском департаменте. Все складывалось как нельзя лучше, если бы не личное вмешательство императора Николая I, повелевшего Бичурину жить «по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя ему оставлять монашество...».

— Да, кривые гвозди, — опечалился Бичурин.

Двух человек, слишком разных, барона и монаха, объединяло общее уважение к тем народам, которых в Европе даже за людей не считали. Но они видели уникальные книги в убогих юртах бурятов, под мычание коров выслушивали предания местных лам. Европа только слышала, но слабо верила в существование великого «Ганджура», полного свода буддийского учения; в незапамятные времена его целыми столетиями переписывали с санскрита на язык тибетский. Ганджур, по мнению Шиллинга, состоял из 106 громадных томов, а страницы его шире газеты. Именно в окрестностях Кяхты они и нашли полный Ганджур (даже 108 томов), который когда-то очень давно буряты выкупили у ханов Бухары за целое стадо в семь тысяч быков...

— Мы все вернем вам обратно, — обещал Шиллинг буддистам. — Если раньше у вас уходили века на переписывание священных книг, то в Петербурге любая книга в единственном экземпляре приобретает тысячи близнецов. Не считайте меня волшебником. Я не скрываю чуда, которое называется «тиражом»...

Загруженные древними книгами и томами Ганджура, они вернулись в Петербург, где еще не все доросли до того, чтобы оценить значение их научного подвига, а когда Шиллинг устраивал электрический телеграф, его даже высмеивали:

— Барон рассчитывает беседовать с далекими друзьями, передавая свои мысли через медную проволоку... Чуть какая!

1837 год оказался для России трагическим: на дуэли погиб А. С. Пушкин, в этом же году скончался и барон П. Л. Шиллинг.

Бичурину оставалось только оплакивать своих друзей.

Никита Яковлевич родился в 1773 году, но лета не ослабили его сил, не уняли порывов сердца. Высокий ростом, жилистый, как бурлак, в движениях порывистый, он не сдавался старости. Его черные глаза сверкали еще молодо. Святейший Синод давно махнул на него рукой, как на отпетого бродягу, зато Бичурин признала Академия наук, присудившая ему первую Демидовскую премию; он получил ее за сочинение по истории калмыков.

Пришлось снова навещать Кяхту, где для училища синологов он составил библиотеку на восточных языках. В 1838 году Никита Яковлевич вторично заслужил Демидовскую премию за китайскую грамматику, которая «показывает удивительную легкость, с какою можно выучиться читать и переводить с китайского. Он доказал это на практике в кяхтинской школе, где его ученики чрезвычайно легко и скоро стали разумеать по-китайски».

Бичурин всегда верил в могущество Китая, вольно или неволью восхищаясь его порядками и нравами жителей.

— Что могут знать о Китае в разращенной Европе? — рассуждал он. — Один знаток задурился неучей, будто табачные плантации близ Кантона поливаются мочью падших женщин, отчего и урожаи там хороши. Европеец, попав в Китай, мнит себя мудрецом в стране «дикарей», а китаец плюет вслед европейцу, называя его «варваром». Не спорю, что у китайцев преувеличенная национальная гордость, но таким же качеством обладают французы, немцы, англичане и даже мы, грешные...

«Опиумная» война вызвала в нем приступ ярости. — Бессовестные! — отзывался Иакинф о колонизаторах. — В обмен на опиум вывозили из Китая груды серебра, а теперь пушками убеждают китайцев в пользе курения отравы. Но я в недоумении: как три тысячи британских матросов могли управиться с великой империей, населенной миллионами людей?..

Белинский писал: «Китай силен, но держится пока с севера миролюбием России», а сам Бичурин в своем почти слепом почитании Китая стал доходить уже до крайности.

— Вот это по-азиатски, — ликовал он, наблюдая хорошее. — А вы остались испорченным европейцем, — упрекал он, заметив дурное в человеке. — Обратитесь лицом к Востоку...

Бичурин устал и сам порой удивлялся тому, как много он успел написать. Знаменитый ориенталист Генрих Клапрот, почти враждебно к нему настроенный, вынужден был признать, что сделанное Бичуриным под силу целому институту с немалым штатом ученых. Научный авторитет Иакинфа был неоспорим, востоковеды Европы просили его быть арбитром в своих спорах, и решение русского монаха оставалось для них безоговорочным.

Намотав на руку железные четки, выкованные из кандалов декабриста, в развевающейся на ветру долополой рясе, язвительный и громогласный, он всюду вызывал удивление. Его не раз спрашивали, откуда такие странные четки.

— Не скажу! — отвечал Бичурин. — Кузнецы, ковавшие это железо, еще не обрели бессмертия, нужно время, чтобы мои четки стали народной святыней... Боюсь, вы меня не поймете!

Только близкие ему люди знали, что под монашеский клубок Бичурина подвела несчастная любовь к Татьяне Саблуковой, и виновница этой драмы, ныне богатая барыня-вдова Корсунская, жила в Петербурге. Никита Яковлевич не забыл своей горькой любви, до самой кончины Татьяны Лаврентьевны он навещал ее, дети и внуки женщины стали для него родными, называя его «дедушкой». Перед смертью она успела сказать ему:

— Прости меня! Я-то знаю, что по моей вине ты в монахи постригся, а теперь мой последний вздох принимаешь...

Умевший ненавидеть, Бичурин был очень добр. Он терпеть не мог, когда дочь покойной, Софья Александровна Мицикова, наказывала детей, а своих лакеев отсылала в полицию ради их сечения. В таких случаях Никита Яковлевич вступался за крепостных с такой же яростью, как и за детишек:

— Это варварство! В Китае так бы не поступали...

В 1843 году он стал трижды лауреатом Демидовской премии. К деньгам относился равнодушно, никогда не знал, сколько у него в бумажнике. Однажды за партией в преферанс полез расплачиваться, но бумажника при себе не обнаружил. Заподозрили домашнего лакея. Мицикова велела дворнику тащить лакея на двор, драть его нещадно, но лакей в краже не сознался.

— Да что вы делаете! — возмущался Бичурин. — Плевать я хотел на эти премиальные, только оставьте человека в покое...

Через год или два бумажник нашли. Бичурин велел позвать лакея и при всех вручил ему свой бумажник:

— Сколько б там ни было денег, все твои. Бери за свои невинные страдания. Бери, дурак, не отказывайся... Ты ведь, я знаю, драным всегда будешь, а лауреатом — никогда!

В доме Мициковых прижился молодой художник Костя Флавицкий, позже прославленный картиною «Княжна Тараканова», а тогда он был пропадавший в нищете неудачник. Но Костя осмелился ухаживать за Наденькой Мициковой, которую Бичурин почитал своей «внучкой» и невзлюбил Флавицкого, называя его «прощельгой». Но при этом тайно помогал ему деньгами, оплачивал наем квартиры, даже сам нанял молочница, чтобы тот снабжал Флавицкого молоком... Г-жа Софья Мицикова осуждала его:

— Сумасшедший! Чуть ли не всю Демидовскую премию моему же лакею отдал. С утра лба не перекры-

тит, сразу за книгу, а в храм божий на аркане его не затащишь. Зато мечтает в балете побывать, дабы оценить волшебные па Тальони...

Это правда. Никита Яковлевич, в нарушение заветов монашества, театр обожал. Удачно гримируясь, одетый под купца, он ездил в театр любоваться балеринами, слушал в опере лучших итальянских певцов. Но его уже начинала грызть старческая тоска о прошлом, со слезами он поминал Пушкина и Шиллинга; молодежи, окружавшей его, Никита Яковлевич рассказывал забавные случаи из жизни своих современников Крылова, Жуковского, Брюллова и Глинки, а в конце рассказа, как правило, он впадал в меланхолию, вытирал слезы:

— Для вас, молодых, все это уже история, а для меня это была жизнь. Умру вскорости и тоже перейду в область преданий... Только вот — вспомнят ли обо мне?

Наденька Мицикова просила подарить ей четки.

— Глупая ты девчонка, — отвечал ей Бичурин. — Для тебя это лишь повод потешиться, а для меня это ведь тоже история. Не дам! Подрастешь, и оставлю четки тебе на память...

Между тем Виссарион Белинский, всегда высоко ценивший научные заслуги Бичурина, резко отозвался об описанном им «гражданском и нравственном состоянии» Китая. Белинский был возмущен не только искренно, но и справедливо:

— Это уже ни на что не похоже! Беру книгу Иакинфа и читаю, что в Китае все живут в райском блаженстве, никто из китайцев не ведает взятку и насилий, потом я раскрываю последнюю книгу Николая Греча, где автор глубоко скорбит, что во Франции перестали сечь людишек розгами...

«Книга почтенного отца Иакинфа, — писал Белинский в рецензии, — истинное сокровище для ученых по богатству важных фактов», а далее разоблачал великодушие Бичурина, который не заметил деспотии Цинских богдыханов, закрыл глаза на повальную нищету народа, умолчал о коррупции продажных мандаринов. Я не знаю, с какими чувствами отец Иакинф воспринял критику Белинского; в это время он уже начал болеть. Монах жил в загородном доме Мициковых на Выборгской стороне, в зелени сада занимал скромную беседку, крыша которой протекала, с утра до ночи пил чай, продолжая трудиться. Более трех лет он писал историю народов Азии, Сибири и Дальнего Востока.

В 1851 году он был удостоен четвертой Демидовской премии. Почуяв что-то неладное со своим здоровьем, Бичурин подарил свои четки «внучке» Наденьке. Мициковы снимали дачу на станции Мурино, старый монах ходил с деревенскими девками в лес за грибами, собирал ягоды, крестьяне любили его за добрую душу, все кланялись ему, когда он шел по деревне с лукошком опят или сыроежек. Однажды в лесу с ним случилась какая-то загадочная история. Его нашли привязанным к дереву, над ним висели на сучке золотые часы, циферблат которых был украшен 12 апостолами, в бумажнике Иакинфа остались целы 300 рублей.

— Я ведь слышал, когда меня люди в лесу оклика-

ли.

— Так чего же вы сами-то не отозвались?

— Нельзя было, — понуро отвечал Бичурин...

После этой истории, тайну которой он унес в могилу, Никита Яковлевич заболел. Пробовал писать, но, «почти плача, жаловался, что у него ничего не выходит... И тогда же, — вспоминала Наденька, — он говорил мне, что у него сделано духовное завещание, в нем он определил, в какие музеи должны быть отправлены после его смерти вывезенные им из Китая древности».

Но скоро больной старик показался мадам Мициковой лишней обузой, и она, вызвав карету, отправила его в Александро-Невскую лавру, где у Бичурина была своя келья...

Иакинфа все забыли, иногда лишь его навещала Наденька, ставшая к тому времени невестой Моллера. В своих мемуарах она, сама уже старуха, писала, что смотрела на луну и думала о всяком любовном вздохе, «с упоением я вслушивалась в этот вздох, а дедушка был забыт». После свадьбы она решила навещать его. Ключик с неудовольствием отворил ей двери.

— Напрасно ходите сюда, — сказал монах женщине. — Давно пора отцу Иакинфу предстать перед судом отца небесного...

Монахи старались не допускать родственников до кельи Иакинфа, они придумывали разные причины, чтобы его кончина прошла незаметно для общества. Если Святейший Синод раньше мстил ему за безбожие и прегрешения в светской жизни, то почему оказались столь жестоки монахи? Кажется, они сами желали ускоротить кончину Бичурина, ибо уже началось бессовестное расхищение его пожитков. В один из визитов Моллер застал «дедушку» зябко дрожащим под каким-то нищенским отрпьем. Она знала, что у него никогда не переводились запасы чая, полон сундук мехов, присылаемых друзьями из Кяхты.

Она кинулась к сундуку, чтобы достать шубу, но там было уже пусто, а в шкафу болталась лишь старенькая ряса.

— Холодно... чаю... забыли меня. Все оставили...

Надя велела прислужнику лавры поставить самовар, строго спросила: куда девалась шуба, где все меха?

— Отвезли к меховщику... на хранение,— соврал тот.

Своих часов Надя не имела, обещая мужу не опоздать к обеду, и вспомнила о часах «дедушки» с 12 апостолами. Обыскав всю келью, не нашла их и снова обратилась к келейнику:

— Послушайте, а где же часы отца Иакинфа?

— Мы их сдали в починку,— нагло отвечал тот...

С каждым разом монахи становились грубее, не хотели впускать женщину в обитель, Надя подолгу барабанила в колокол у ворот, чтобы их открыли. «При виде дедушки я невольно содрогнулась. Переменился он ужасно... громко стонал:

— Обижают... не кормят... забыли... не ел...»

Так записано в ее мемуарах. Она с плачем взмолилась:

— Покормите отца Иакинфа, где же ваше милосердие?

Монах-прислужник назидательно ответил:

— Зачем ему пища земная, если ждет его пища небесная?..

Надя Моллер вдруг ощутила зловоние. По грязной рубашке Бичурина ползали отвратные насекомые. «Наволоки на подушках, простыни — все было грязно и воняло. Закрыт он был ситцевым драньем, из которого торчали ключья ваты. Я приподняла одеяло и отшатнулась: по простыни ползали мелкие белые черви, умирающий дедушка лежал в нечистотах». Так — в смраде, в нищете, среди ползающих червей и насекомых — церковь оставила умирать человека, далекого от святости: четырехжды лауреата Демидовской премии, основоположника отечественной синологии, которая уже затмила востоковедение всей Европы...

— Чего здесь ходите?— вдруг обозлился монах.— Уйдите, и незачем смущать покой умирающего старца...

«Он выждал, пока я оделась, вышел со мною и долго шел молча сзади меня, постукивая клюкою монаха по каменному полу коридора обители. Это было в конце апреля, а в начале мая пошли у нас хлопоты о найме дачи...» Среди бытовых хлопот родственники забыли Бичурина, и лишь 13 мая 1853 года в газете «Северная пчела» вычитали о его смерти.

— Боже мой! Завтра уже хоронят,— сказала мать.

Всей семьей Мициковы и Моллеры поехали на следующее утро в Александро-Невскую лавру, чтобы не опоздать к отпеванию. Но впусивший их в лавру монах сказал, что они опоздали:

— Мы вашего ученого нехристя уже закопали.

— Господи! Да почему не известили о его кончине? Мы единственные его родственники,— сказала г-жа Мицикова.

— У братии монашествующих нет земных родственников,— отвечал привратник.— Есть один отец небесный...

Никита Яковлевич был погребен на старом Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, и могила его сохранилась. Позже она была отмечена памятником: подле некропологической справки о датах жизни выстроилась колонка китайских иероглифов. Туристы, посетив кладбище, удивляются: откуда здесь взялись иероглифы? Между тем китайские письмены гласили о Бичурине подлинную истину: **ПОСТОЯННО И ПРИЛЕЖНО ТРУДИЛСЯ НАД ИСТОРИЧЕСКИМИ ТРУДАМИ, УВЕКОВЕЧИВШИМИ ЕГО СЛАВУ**.

Разве не странная судьба выпала этому человеку? Вольтерьянец-безбожник смолоду, а пошел в монахи.

Всю жизнь прожил в окружении умнейших друзей, а умер в забвении одиночества, окруженный врагами и хапугами.

Наконец, оставил после себя целую библиотеку написанных им книг, но до сих пор еще не все они вышли в свет, и рукописи Никиты Яковлевича продолжают печататься уже в наше время. Ожидает публикации и гигантская книжица «Все проникающее зеркало» об истории Китая, составляющая 16 толстых томов.

Да, умел старик поработать... нам бы так!

В 1953 году ученая общественность нашей страны отметила столетие со дня смерти Н. Я. Бичурина, а в 70-е годы состоялась особая научная сессия востоковедов СССР, посвященная двухсотлетию со дня рождения Бичурина.

В одном из докладов о нем были приведены его пророческие слова, сказанные Никитою Яковлевичем еще в 1844 году:

«Очень неправо думают те, которые полагают, что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании, следовательно, нам остается только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности... рассудок наш будет представлять в себе отражение только чужих мыслей, часто странных и нередко нелепых».

Об этом, читатель, не стоило бы забывать.

Русские, мы всегда и всем будем обязаны России, благодарные за все нашим пращурам... На этом и конец!

Виктор Яковенко

МАЛОГ

— Как можно жить на свете без врагов,—
Один знакомый мне изрек небрежно,—
Да будь я добротой без берегов,
Да будь я искренностью самой нежной!
На недругов своих я не рошшу:
Что пользы от изгнившего колодца?
Всей жизнью
Друга я себе ищу.
Коль враг придет —
Со мной не разминется.
— Неужто человеческий род таков,
Нельзя прожить на свете без врагов?
На их отсутствие я тоже не рошшу.
Но только я не там врага ищу.
В раздоре недруга няйти —
Достойна ль цель?
Что смысла
От изгнившего колодца?
Страшнее
Собственной души слепая мель.
Вот кровный враг,
С ним потрудней бороться.

Когда, стремясь тебя предостеречь,
О чем-то шепчется «доброжелатель»,
Его слова и акрадчивая речь
Должны насторожить тебя, приятель.
Такую весть,
Как «тайна по секрету»,
Не принимай за чистую монету.

Был человек,
И вдруг не стало:
Трясина славы засосала.
Он ненароком возомнил,
Что быть известным — это мало,
Что мало даже пьедестала...
А у трясины вязкий ил —
Вот он его и поглотил.

Ему довелось родиться
Ветренным утром дождливым.
Греми, серых туч колесница!
Пусть только он будет счастливым...

Он смотрит, не понимая,
Он слаб еще, как былинка.
И мать, от счастья немая,
Вдруг выдохнула:
«Кровинка...»

Он в доме, что лучик солнца,
Он встанет на ножки скоро,
Однажды отец улыбнется
И скажет: «Моя опора...»

Земля, расцветая, как прежде,
В весеннем живительном свете,
Промолвит:
«Моя надежда»,
А значит:
«Мое бессмертье!»

Учусь прислушиваться к людям.
Ведь как бывает иногда:
Расскажет кто-то —
Мы забудем,
И от беседы ни следа.
Он говорил,
А мы кивали —
В такт разговора — головой.
Сочувствовали.
Понимали.

Однако нас какой-то свой
Сверлил вопрос,
Своя забота...
Порою скучан анзави,
Его и слушать неохота,
И давит, надо же, зевота,
А он — о тещиной «любви»...
Так говорит о мелких драмах,
Что тут же хочется забыть.
А может, в драмах этих самых
Бедняге — «быть или не быть»?
Учусь прислушиваться к людям.
Уже почти всю жизнь учусь.
И все ж: поговорим — забудем...
Опять прислушиваться тишусь.

«Сувенир»

«Советская власть разбудила
Дремучий таежный простор...» —
В словах этих гордость, и сила,
И эхо раскатыстых гор!

Помножим зеленое братство
На ветреный хор голосов,
И поднимь наши богатства
Прибавим к богатству лесов.

Быстрее побежали дороги
К седой вековечности той,
Но пусть наши быстрые ноги
Не станут «железной пятой».

Вот снимок —
Ни много ни мало —
В альбоме,
Чтоб всех удивить:
С гранитом стоят самосвалы,
Готовая реку перекрыть.

И как-то нелепо и странно —
На глыбе,
Как на груди,—
Плакат над кипящим прораном:
«Ну, Енисей, погади!»

Ни смысла в угрозе, ни такта,
А надо к тому же учесть,
Что есть у альбома редактор
И автор, конечно же, есть.

На юмор ссылаться бросьте.
Какой же вы бригадир,
Чтоб в дар неслучайному гостю
Подобный
Вручить сувенир?

Что за чудо эти цветы...
Нежной скромности
Искра живая.
Эй, приятель, откуда ты? —
Я не знал таких и не знаю.

Отчего-то прячутся в тень
Обнаженные
Вестники солнца.
На опушках,
В садах деревьев,
У прохладного сруба колодца.

Ветер к ночи листвою зашуршит,
Разыграется вдруг не на шутку,
Лук на грядках разворошит,
Опрокинет собачью будку.

Он шумит по ветвям, листвою,
Старый ясень скрипит,
Как плачет...
А с рассветом цветок голубой —
Лепестки раскрывая: живой! —
Неожиданно вас озадачит.

РАССКАЗ О МОЛОДОМ ХУДОЖНИКЕ,

КОТОРЫЙ УСПЕЛ ПОСТАРЕТЬ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ДОБИЛСЯ ПЕРВОЙ ВЫСТАВКИ

Борис ЗОТОВ

К

нига отзывов накалена страстями, вспыхнувшими на первой персональной выставке Чудина. Отзывов масса, но нейтральных, вежливо-равнодушных среди них почти нет. Яростное отрицание в форме императива «закрыть это безобразие» опровергается волной восторженных оценок; эмоции перемежаются попытками с ходу анализировать увиденное. Вплоть до подытоживания впечатлений парадоксом: «Чудин понятен тем, кто очень хочет понять то, что в принципе понять нельзя».

Выходит, Виктор Чудин штурмует небо, пытается перейти грань отпущенной природой? Запомним пока постановку этого непростого вопроса. Может быть, в дальнейшем мы сможем нащупать подходы к верному ответу.

Полистаем книгу отзывов:

«Манера живописи криклива, краски режут глаз, картины написаны наспех».

«Спасибо за радость, за художественную многоликость, за встречу с большим, добрым талантом».

«Глубокая, сочная живопись. Такие люди, как Виктор Чудин, делают мир чище и честнее».

Добрые, точные слова множатся, наступают. Они явно побеждают неприятие. Но лучше всего говорит о себе сама живопись. Изобразительный язык Чудина далеко не всегда обычен, он требует ключа, умения сопереживать, вникать в замысел, просто доверять художнику. Вот картина «Зимой. Тюльпаны». Что это — пейзаж, натюрморт, декоративное панно? Да пусть все вместе и ничего в отдельности — живописные находки художников часто идут впереди теории. Полюбуемся лучше изысканными оттенками белого и красного, их гармоничным бегом по картинной плоскости.

Лучат полнокровную радость зимние пейзажи, полны лирических переживаний летние. Неожиданны портретные решения, хотя порой и кажется, что внешние эффекты заслоняют собой психологическую разработку образа. Больше всего поражает

Чистяков, — объяснил Чудину Белонович, — он любил говорить, что если подойдешь совсем близко к природе, то окажешься далеко от нее...»

Низкий, земной поклон художнику-передвижнику Боголюбову! Это он совершил гражданский подвиг: на свои средства построил в Саратове здание и открыл первый в России провинциальный музей, наполнив его дивными коллекциями. Мальчишке из села Донгуз Чудину было чему поучиться у старых русских и западноевропейских мастеров, было на чем воспитывать глаз.

А собственно саратовская художественная традиция? Чудин близко познакомился с творчеством таких возвращенных саратовской землей художников-силачей, как К. Петров-Водкин, В. Борисов-Мусатов, П. Кузнецов, П. Уткин...

Но не только саратовскими живописцами увлекался Чудин. Он внимательно приглядывался к М. Врубелью и К. Коровину, к французским импрессионистам. Учился — и продолжал искать свое. Не всегда ему сопутствовала удача. Иногда он словно подходил к границе очерченного, дозволенного самими принципами изобразительного искусства, пытаясь, встав на цыпочки и вытянув шею, увидеть: что там? Однако принципы, они и есть принципы. Плата за их нарушение неизбежна. В некоторых картинах Чудина, как воспоминание об этом балансировании на краю изобразительности, встречается режущая глаз цветовая жесткость, краска вместо тона, заметны самодовлеющее искажение форм и нарочитая дисгармоничность композиции. Но в целом утвердился свой взгляд на живопись, взгляд вне сиюминутной конъюнктуры и слепых подражаний кому бы то ни было.

И вот вернисаж... Статьи в газетах, споры, обсуждения, подготовка телепередачи. Короче, признание. Все это хорошо. Но не поздно ли? Только что прошедшая персональная выставка Виктора Чудина была приурочена к его пятидесятилетию. И это первая его выставка, если не считать «келеиного» вернисажа тогда еще действительно молодого художника в редакции «Смены» в 1971 году. То, что Чудин талантлив, было абсолютно ясно даже неспециалистам и тогда.

Между тем и на местные-то выставки работы Чудина прорывались с трудом — по одной, по две... Кого отпугивала свободная игра творческой фантазии молодого художника? Почему он оказался вне союза коллег по кисти, вне общецеховых интересов и профессиональных привилегий, где-то на окраине художественной жизни города? Чудин не

железная диалектика причинно-следственных связей. Нечто подобное замедлило профессиональный рост Чудина, точнее, сдержало его большие потенциальные возможности. Мощный локомотив долго стоял без вагонов, на боковом ответвлении художественной магистрали. В Саратове не нашлось своего мудрого, терпимого и дальновидного Верроккио, который из юного сорванца и гуляки Сандро Филиппели, по прозвищу Бочонок, выпестовал изысканнейшего, всемирно известного живописца Алессандро Боттичелли.

Сейчас в Саратовском отделении Союза художников к Чудину относятся будто бы неплохо. Но что толку от пассивного доброжелательства? Персональную выставку художника организовали работники музея. Это целиком их заслуга, союз остался в стороне. И еще одна странность. Председатель Саратовского отделения СХ известный живописец Анатолий Васильевич Учайев объяснил мне, что для вступления в союз требуется участие не только в областных, но и в республиканских выставках. А кто, спрашивается, отбирает работы для этих выставок, кто рекомендует участников? Конечно, художникам виднее, каков должен быть порядок приема в союз. Но нельзя не видеть, что в данном случае образуется замкнутый круг: принять в союз нельзя, ибо нет участия в выставочной работе, а для выхода на республиканский уровень требуется поддержка союза. Почему же ведущие саратовские художники не поддержали де-

Пляж.

богатство и разнообразие приемов поэтизации природы, отсутствие одной, раз и навсегда взятой на вооружение манеры письма. И что удивительно — всякий раз находка своя, незаемная.

Когда надо, художник крепко, уверенно строит форму, рисует с уважением к законам линейной перспективы. Ряд натюрмортов и пейзажей убедительно доказывает это. Есть у Чудина работы, пластика которых основана на графических ритмах. Но главное средство выразительности для живописца — цвет. Цвет, понятий как активное начало в противовес простому копированию природы.

В разговоре Чудин вспомнил, как во время одного из первых уроков живописи в Саратовском художественном училище «вмазал берлинскую лазурь в кринку с молоком». Строгий педагог Владимир Антонович Белонович не одобрил эксперимента. Да Чудин и сам с головой погрузился в натурные штудии. Это было в начале пятидесятых годов. В классах на стенах висели образцы — рисунки медных тазов, проработанные до малейших царапин. Чудин доверчиво, до конца прошел весь путь к достижению иллюзорности. И убедился: радость творчества на этом пути терялась. «Это знал еще в прошлом веке учитель русских художников Павел

При закате.

Деревья.

раз стучался в двери Союза художников. Видно, не знал волшебного слова — двери остались закрытыми. И ему, лишенному мастерской, заказов и союзовских льгот, пришлось зарабатывать на жизнь и на недешевые, надо сказать, художественные материалы случайными оформительскими работами. Художники очень ранимы, они тяжело переносят травмы отвержения. Среди них к тому же трудно отыскать людей, удобных в повседневном быту. Но если доверие окрыляет творчески и помогает очищаться от личных недостатков, то равнодушные или тем более отрицание таланта могут только эти самые недостатки усугубить — такова

лом и словом своего одаренного, много работающего собрата?

Если для достойного содержания реликвийных домиков выдающихся мастеров прошлого Кузнецова и Борисова-Мусатова их землякам нужно развязывать кошелек, то Виктору Чудину требуется главным образом внимание. Да и не он один нуждается в нем. Специалисты называли и другие имена, показывали интересные работы Владимира Солянова, Вячеслава Лопатина, Вадима Орлова, Юрия Машкова. Ведь в чем «феномен Чудина»? Попробуем разобраться, извлечь из него квадратный корень социальности.

От рева трибун, от винтом завинченных деловых будней, от избыточности самого города как среды обитания человек время от времени остро жаждет уйти в мир искусства, в мир природы. Он хочет припасть к земле — не принять горизонтальное положение на почвенном слое, а именно припасть к ней, к той самой стихии, что народ еще в древности окрестил так верно: «мать сыра-земля». Не бездумное забытие нужно человеку, а возможность без помех сосредоточиться на главном, помечтать, подумать о жизни, освежить уставшую от натиска урбанистики душу.

Вот как раз для таких сокровенных дел художники «зело потребны суть», если выражаться по-старому. Именно они, как носители культурной традиции, прикрепляют человека корнями к родной земле. Именно они, вбирая своими чувствительными, порой обнаженными нервами все самое существенное в окружающем мире, помогают остальным ориентироваться в его сложных явлениях. Наконец, художники учат нас не только смотреть, но и видеть, а главное — чувствовать. Отсюда небывалый взлет интереса к изобразительному искусству, выставочный бум с километровыми очередами, погоня за изданиями по живописи, за открытками и марками с репродукциями картин, умножение рядов самостоятельных живописцев, коллекционеров и просто любителей. Еще двадцать — тридцать лет назад этюд мастера русской школы можно было приобрести за десятку, а термин «музейная тишина» был в большом ходу у сатириков, желавших побольше уязвить застойный дух какой-нибудь забытой богом и людьми конторы. Теперь положение совершенно иное, и это прекрасно. Так и должно быть. Только нельзя упускать из виду: в безоглядной эксплуатации нашего не такого уж неистощимого культурного слоя таится и опасность. Разве мы уже не обожглись, и очень крепко, на аналогичных самонадеянных попытках насилловать природу, на преклонении перед якобы всемогущей машинерией? Знаменитая волжская стерлядь стала теперь исключительной редкостью на столах горожан. Если ее и можно увидеть, то только на гербе города Саратова. А все потому, что порою брали, вырывали, перекраивали бездумно — и обиделась, оскудела матушка-Волга.

Так и родники народных талантов. Они щедры, но без бережного ухода, без надежного и взыскательного присмотра глохнут, зарастают, иссыкают. А вместо их чистой воды в ход идет химическая смесь заводского изготовления. Поставленная реклама, заманчивые этикетки обеспечивают суррогатам успех, родники же пробиваются больше самотеком, до людей доходит кое-что и кое-как. Тут есть над чем задуматься.

В экономике в условиях перестройки изыскиваются «противозатратные» механизмы управления и методы организации труда — хозрасчет, самофинансирование и т. д. В подобном механизме остро нуждается управление развитием культуры. Пока еще больше уповают на запретительные меры, делают ставку на всевозможные бюрократические ограничения и регламенты. А человек-то так же сложен и непредсказуем, как и его родительница-природа. Не слишком ли дорого обходится нам мнимое всезнайство в деликатной области «человеческого фактора»? Топором не производят нейрохирургические операции, в области искусства трудно обойтись одними шлагбаумами. Здесь нужен свой «противозапретный» механизм, который обеспечил бы выявление и нормальный рост талантов, их своевременный выход на широкую арену, стало быть, и весомую отдачу. Каковы должны быть детали этого механизма? Нужно думать всем вместе. Открытые публичные состязания живописцев, анонимные выставки-конкурсы, аукционы, художественные кооперативы, целенаправленные фонды, объединения любителей и общества поощрения художников — все должно быть пуцено в ход, чтобы оживить и демократизировать художественный процесс, чтобы искусство таких даровитых живописцев, как Виктор Чудин, действительно принадлежало народу.

Надо признать: в Саратове многое делается для развития изоискусства. В то же время многое не делается. Взять хотя бы те же домики П. Кузнецова и В. Борисова-Мусатова. Саратов уже более столетия как не грибоедовская глушь, ну что для миллионного почти города сделать ремонт, организовать на их базе очаги культуры? Вспомним, как во время войны, в отчаянный момент эвакуации Феодосии, когда на кораблях недоставало мест для детей и раненых, бойцы обнаружили на пристани бюст Айвазовского. И взяли его с собой, и более трех лет возили с собой по всем фронтам, и вернули-таки в целостности в город, ибо не о том думали, на чем балансе памятник, они другое понимали: драгоценная ткань духовности тонка, нельзя допустить обрыва даже одной ее нити.

...Вернемся к отзывам посетителей выставки Виктора Чудина.

«Большое спасибо! Чудесно. Выставка не оставляет равнодушными. Благодарим за картины».

И как-то необычно много в книге стихотворных экспромтов — людей, осмотревших выставку, очарованных талантом художника, неудержимо тянет к поэтической форме выражения своих чувств. А как любил говорить Илья Ефимович Репин, в искусстве главное — очарование. Есть оно — есть и искусство. В этом и состоит разгадка «феномена Виктора Чудина».

Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

ВОЛПРЕКИ И ИНСТРУКЦИЯ СОЗДАНО СРЕДСТВО ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ РАКОВЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

А вы верите, что в каком-то подвале делают и раздают бесплатно лекарство от болезни, одно упоминание о которой вселяет суеверный холод и чувство безысходности? Да нет, конечно! Какой подвал, какое еще лекарство?..

Подойдем к дому на углу проспекта Важа Пшавелы и улицы Антоновской, прочтем вывеску: «Технологическая лаборатория биологически активных веществ ГКНТ ГССР». Войдем в подвал. Направо дверь в кабинет директора лаборатории Александра Георгиевича Гачечиладзе, она всегда распахнута настежь. Начнем разбираться...

«Уважаемая Елена Григорьевна! Благодарю вас за большую помощь, оказанную в лечении мамы. После двенадцати инъекций катрэкса ей стало значительно лучше. Она начала вставать. Врачи смогли уменьшить количество омнопона, который вводили ей из-за сильных болей от костных метастазов. Мама даже надеется на выздоровление. Высылаю выписку из истории болезни...»

— Кому адресовано это письмо? — спрашиваю.

— Очевидно, какой-нибудь посреднице. Ведь как бывает: кому-то препарат помог, он говорит своим знакомым, берет ампулы у меня и посылает их дальше. А мне пересылаются история болезни нового пациента и сведения о действии катрэкса...

Письмо, адресованное некоей Елене Григорьевне, цитирую, потому что оно самое «среднее». Есть среди почты Гачечиладзе и крики о помощи, и слова благодарности, и поздравительные открытки от пациентов, которые давно перестали быть пациентами, и даже стихи. Есть и горестные письма о последних днях жизни близкого человека. Но и в них слова благодарности: катрэкс облегчил страдания.

Вот письмо, которое меня удивило. Содержание, в общем, обычное, а форма странная:

«Подтверждаю, что с августа 1983 года по январь 1985 года получала препарат катрэкс бесплатно. Катрэкс получала из расчета 1 или 2 ампулы в день, исходя из самочувствия. Применяла препарат для лечения лимфогранулематоза. К августу 1984 года увеличенные лимфоузлы исчезли».

— Похоже, будто автор письма отвечает на официальный запрос?

— Запроса не было. Просто мои пациенты узнали, что катрэкс не выпускается, поскольку деятельностью лаборатории занялась прокуратура. Следственные органы интересовало, не шарлатан ли я, не спекулируем ли мы препаратом, вообще все ли по закону.

Отвлечемся пока что от странностей, сложностей и даже опасностей работы, которую вот уже на протяжении двадцати лет проводит Александр Георгиевич. Ответим сначала на вопрос, что такое катрэкс.

На столе Гачечиладзе лежит стопка отпечатанных в типографии аннотаций:

«Катрэкс (экстракт печени черноморской акулы).

Катрэкс — обозначение группы препаратов в виде смеси биологически активных веществ, побочные токсические эффекты и аллергические реакции не зарегистрированы. Обладает выраженным адаптогенным и биостимулирующим влиянием на организм с широким диапазоном эффективного лечебного действия при хронических воспалительных процессах различной локализации и этиологии (при вяло заживающих ранах, при ряде опухолевых процессов, нормализует показатели крови, стимулирует окислительно-восстановительные процессы, повышает устойчивость клеток и тканей к токсическому действию веществ, повышает иммунную резистентность).

Препарат предназначен для внутримышечных инъекций. Срок хранения — две недели при 0° — +4°С».

За дни, проведенные в лаборатории Гачечиладзе, я познакомилась с десятками людей — больными и родственниками больных, с теми, кто пришел впервые, с теми, кто уже лечился катрэксом и повторяет курс. У всех с собою термосы — ампулы следует хранить со льдом.

В день, когда я просматривала вместе с Александром Георгиевичем почту, препарата не было: накануне рыбаки в Поти, добывающие катранов для лаборатории, не могли выйти в море — штормило. Нет акул — не из чего готовить препарат. Пациенты приходили, вздыхали огорченно и уходили. Не уходил только крестьянин, приехавший специально из Западной Грузии за лекарством для жены. Он подозрительно косился на меня. Спросил, кто я. Ему, видимо, объяснили — корреспондент. И вдруг он начал говорить — гневно, неизвестно к кому обращаясь. Но я-то поняла, что ко мне. Переводить стала лаборантка Майко. Оказывается, он с женой прочел статью в газете «Коммунисти» о состоянии онкологии в Грузии. В одном из последних абзацев упоминалось (на взгляд крестьянина, недостаточно почтительно) о работе А. Г. Гачечиладзе. Говорилось, в частности, что он сам отказался от своего препарата.

— Как отказался?! Как не лечит?! — кричал крестьянин по-грузински. — Моя жена умирала. Она весила сорок килограммов. Ее и резали, и облучали, и «химию» проводили. А потом домой отправили, сказали — рак, ничего сделать больше нельзя, все равно умрет. Три года прошло — она ходит, она по дому все делает, в поле, она семьдесят пять килограммов весит! Как отказался?! Жена прочла — заплакала.

Среди пациентов Гачечиладзе немало врачей. Один из них пожилой человек, у него аденома простаты. Сделал первые десять уколов катрэкса, чувствует некоторое улучшение. А посоветовали ему обратиться к Гачечиладзе друзья, тоже врачи. Одна из этих его знакомых — он называет фамилию, телефон, предлагает немедленно позвонить — знала свой диагноз. Она отказалась от операции, провела несколько курсов лечения катрэксом. Какое-то время спустя врачи в Ленинграде сделали анализы, снимок — и опухоли не нашли.

Врачи приходят в лабораторию Гачечиладзе не только лечиться. Несколько молодых медиков на общественном началах ведут опрос больных, консульта-

ции прямо здесь, в подвале. Один из них, невропатолог, так объясняет свой интерес к катрэксу:

— Я знаю мальчика, у него была опухоль мозжечка. Операции в области мозжечка не показаны. Тяжелейший был больной — еще год назад лежал пластом. Лечили катрэксом. Сейчас мальчишка играет в футбол. Вот поэтому я прихожу сюда. Хочу разобраться. И вот задаю Александру Георгиевичу вопрос, который, как мне кажется, разобраться поможет:

— Ну, а все-таки как же у вас со статистикой? Александр Георгиевич — человек добрый. Это не только у него на лице написано, это подтверждает вся его работа. Но тут он, похоже, рассердился.

— Послушайте, вы знаете, что такое статистика? Я биолог и в диссертации своей приводил статистические данные по итогам опытов на сотнях линейных мышей. Это такие мыши, у которых, фигурально говоря, число волосков на хвостах одинаковое... О какой статистике может идти речь, когда у одного больного простатит, у другого — опухоль мозжечка, одному семьдесят лет, другому — десять? И каждый пациент — чей-то больной, не только мой, каждого (если не считать тех, от кого уже отказались) лечат по какой-то унифицированной схеме. Даже просто облегчение состояния тяжелого больного — благо, ведь он чей-то сын, чья-то мать, жена, ведь он человек. Что я могу сказать о катрэксе с полной ответственностью? Он безвреден? Да! Он эффективный неспецифический иммунный стимулятор? Да! И наконец, на цитологическом уровне — он содержит вещества, регулирующие процесс функционирования клетки. Даже больной клетки, у которой канцероген повредил наследственный аппарат — ДНК... Всегда ли этого достаточно, чтобы больной, диагностированный как раковый (или как угодно иначе), выздоровел? Как человек, давно занимающийся катрэксом, могу ответить: нет, не всегда. Хотя положительная динамика существует практически всегда. А бывают и случаи длительных ремиссий. Вообще же на вопрос, как лечить катрэксом, должен отвечать не цитолог, а врач. Я, в сущности, вынужден заниматься не своим делом...

Думаю, у каждого, прочитавшего аннотацию к катрэксу, возникает вопрос: почему акула? Какое отношение имеет ее печень к нашим человеческим воспалениям, язвам, опухолям?

Нам придется вернуться на двадцать с лишним лет назад, во времена, когда молодой биолог защищал диссертацию. Стимуляция регенерации тканей органов — тема в биологии классическая. Использование вытяжек из тканей на процесс заживления ран — вещь известная. Гачечиладзе просто работал с новым для этого направления органом — семенниками млекопитающих. Получил хорошие результаты, защитился... И вот свежий кандидат наук чистит свой архив, сжигает протоколы сотен опытов.

Что такое стимуляция заживления, регенерации? Это стимуляция нормального, здорового деления клеток. Так вот, прежде чем бросить протоколы в огонь, Гачечиладзе обратил внимание на шесть-семь опытов, когда реакция была противоположной. Деление клеток не стимулировалось, а тормозилось. С точки зрения статистики шесть-семь опытов пустяк. Однако эти протоколы Гачечиладзе не сжег, отложил. Хотел разобраться.

Разбирался год. Выводы, замаячившие перед биологом двадцать лет назад, оказались неожиданными. Попытаемся очень приблизительно и коротко сформулировать их.

Различные современные концепции рака основаны на постулате об информационной избыточности опухолевой клетки. Гачечиладзе же пришел к выводу, что опухолевый процесс связан, напротив, с дефицитом генетической информации. Часть программы развития клетки вычеркнута. Это не всегда, но часто приводит к каскадному нарастанию дегенеративных изменений в клетках — к раку. Ученому удалось установить обязательное условие, при котором включает этот механизм. Для всех тканей речь идет о нарушении азотного обмена. Клетке недостает ферментов, участвующих в процессе аминокислотного обмена.

Стало быть, если дать организму ферменты, восполняющие утраченную больными клетками функцию, процесс можно остановить?

Еще один аспект. Опухолевому росту сопутствует (или предшествует, а возможно, и то, и другое) иммунная дисперсия. Стало быть, в практическом отношении лечение опухолей должно быть основано на компенсации изменений в ферментном спектре организма, и на общей неспецифической иммунотерапии, и, кроме того, на специфической противоопухолевой терапии, учитывающей индивидуальные особенности организма больного. Вот такими свойствами должен обладать некий идеальный препарат, разработкой которого занялся Гачечиладзе.

Ученый пришел еще к одному практическому выводу: исходным материалом для препарата должны быть эволюционно древние доноры, у которых глобулиновые белки и ферменты не претерпели узкой специализации, а стало быть, обладают широким спектром действия.

Гачечиладзе экспериментировал на пресмыкающихся, на рыбах, получая результаты, которые можно было назвать обнадеживающими. Однако все эти доно-

ры были неудобны в силу разных причин... И вот в 1967 году одно небольшое сообщение в печати буквально поразило биолога.

Американская экспедиция, изучающая влияние радиации на обитателей океана в районе атомного взрыва, обнаружила устойчивость к радиации акул. Акула! Одно из древнейших животных!

Противорадиационная устойчивость означает очень многое, в частности наличие мощного механизма, обеспечивающего нормальное функционирование клеток.

В Черном море обитает единственный вид акул — катраны. В том же 1967 году Александр Гачечиладзе изготовил первую партию препарата, который позднее был назван «катрэксом». Еще через год у Александра Георгиевича появился первый пациент.

В Батуми, где Гачечиладзе сам вместе с рыбаками отлавливал катранов, сам делал препарат, сам проводил эксперименты все на тех же линейных мышках, больной приехал из Фрунзе по совету брата, рыбака, с которым Гачечиладзе выходил в море, вернее, не приехал, его привезла жена. Таких больных называют инкурабельными. Диагноз — рак лимфатических узлов. Прооперирован, прошел курсы химио- и гамма-терапии, выписан в критическом состоянии. Как раз на таких больных распространяется разрешенное законодательством право на экспериментирование, то есть когда официальные средства бессильны помочь, в ход пускаются неофициальные, но научно обоснованные.

«Что ж, попробуем» — сказал Гачечиладзе. Правда, к тому времени он уже неоднократно попробовал катрэксом на себе. Был он тогда здоровым тридцатилетним человеком и ничего особенного после инъекций не ощущал. Разве что спал лучше да как-то раз насморк прошел... А вот больной, к несказанному изумлению врача-онколога, наблюдавшего его, через полтора месяца отправился к себе домой на своих ногах, без намека на вздутые лимфоузлы.

Итак, двадцать лет назад первый пациент Александра Гачечиладзе, диагностированный как раковый больной, вернулся к полнокровной жизни. Какими стали эти двадцать лет для автора катрэкса?

Коротко говоря, нелегкими. И для автора, и для самого препарата. Гачечиладзе сменил множество мест работы — от научного сотрудника НИИ кибернетики до директора зоопарка. Катрэксом выпускался то в лаборатории проблем экологии, то под маркой продукции потребкооперации. Да бог с ними, с названиями лабораторий, объединений, организаций. Главное — двигалось бы дело, не стояла на месте наука. Однако за эти двадцать лет ни одна из подготовленных Гачечиладзе научных статей не увидела света.

Теперь немного хронологии. В 1972 году в печати появилось сообщение о том, что в Калифорнии строится инкубатор для акул. Очевидно, в Штатах также обратили внимание на акул как доноров биологически активных веществ. Но Гачечиладзе уже знал, что у него есть несколько лет «форы» — акула начинает представлять интерес в качестве донора с возрастом. У Александра Георгиевича была создана к тому времени лаборатория на острове в Поти (нечего и говорить о том, как трудно она создавалась и не менее трудно существовала). Через четыре года работы ученый подготовил добросовестно аргументированную заявку на изобретение препарата катрэксом.

Только в 1983 году (к этому времени уже появились сообщения о том, что вытяжки из тканей акул используются медиками США, Японии, Швеции, Франции) Александр Гачечиладзе получил свидетельство на изобретение, а также премию в размере 200 рублей из НИИ, в котором уже не работал — был уволен.

Обидно? Дело не в обиде. Гачечиладзе обижаться было просто некогда — тысячи людей в эти годы ждали от него помощи и получали ее. Но почему вопреки официальной медицине?

Катрэксом в обычном понимании этого слова — не медикаментозное средство. Если помните, срок его хранения — всего две недели. Это значит, что препарат в том виде, в котором он сейчас существует, никогда не появится в аптеках, в открытой продаже.

— Но зачем ему появляться в открытой продаже? — резонно замечает Александр Георгиевич. — Не продается же кровь доноров, она поступает в клиники, и врач, только врач решает, когда, сколько, кому она нужна.

Это тем более логично, что именно так катрэксом и применяется (полуофициально) в пятнадцати институтах и клиниках страны. Только в Москву Гачечиладзе посылает каждую декаду полторы-две тысячи ампул. Конечно же, это стало возможным (снова подчеркиваю: полуофициально) лишь с получением авторского свидетельства на препарат. Официально же заключать договоры с клиниками, институтами, научными центрами директор технологической лаборатории сможет лишь после того, как препарат получит разрешение Фармкомитета МЗ СССР. Но у препарата мал срок годности, это не по инструкции! Круг замкнулся.

Лаборатория, которой руководит А. Г. Гачечиладзе, организация хозрасчетная. Отсутствие договоров для нее — отсутствие средств. А между тем сам Гаче-

чиладзе считает свой катрэксом лишь первым приближением к тому препарату, о котором задумался двадцать лет назад. И он знает путь, по которому надо идти. Там, где катрэксом дает лишь положительную динамику, лишь улучшение общего фона состояния больного, новое средство — или комплекс средств — сможет обеспечить выздоровление. Вы скажете: это еще надо проверить. В том-то и дело — надо! А это значит — надо расширять базу, строиться, приобретать оборудование. В то же время сотрудникам лаборатории зарплату платить иногда бывает нечем.

Вернемся еще к одному эпизоду из жизни изобретателя катрэкса, о котором вскользь упоминалось в начале: какое-то время препарат не выпускался, деятельность лаборатории занималась прокуратура.

А началось с того, что лаборатория Гачечиладзе в 1981 году с оборудованием и со штатом была передана в ведение Министерства медицинской промышленности и определена как Грузинское отделение НИИ по биологическим испытаниям химических соединений. Казалось бы, чего же лучше! Через несколько месяцев Гачечиладзе подготовил и сдал в головной НИИ отчет, который получил высокую оценку ученого совета... Однако неожиданно-негаданно через две недели приказом, подписанным заместителем министра медицинской промышленности СССР А. Г. Сорокиным, Грузинское отделение НИИ было ликвидировано, а А. Г. Гачечиладзе снят с работы. С формулировкой «за бесперспективность и финансовые нарушения». Мало того, дело было передано в прокуратуру. Прокуратура в «деле Гачечиладзе» разобралась и «дело» это закрыла. А вот люди, ревностно исполнявшие приказ заместителя министра, разбираться не стали, они «ликвидировали» Грузинское отделение московского НИИ самым буквальным и варварским образом: ломом отдирались от цементного пола дорогостоящее импортное и отечественное оборудование и увозилось из лаборатории на самосвалах.

Все это тем более странно, что, несмотря на «бесперспективность», которая непонятным образом послужила поводом к закрытию отделения, технология приготовления препарата катрэксом, разработанная Гачечиладзе, уже через неделю приказом за подписью все того же А. Г. Сорокина была передана другому предприятию, где катрэксом изготавливается маленькими партиями до сих пор (правда, с достаточно серьезными нарушениями технологии).

Сейчас все обстоит несколько иначе. В этом году Совет Министров Грузии передал лаборатории участок с недостроенным домом близ Мухеты, обещал выделить участок на берегу Черного моря, помочь с транспортом, со строительством. Однако вспомним: нужно разрешение Фармкомитета, без его поддержки все это может не пригодиться. Сколько можно существовать полуофициально? Двадцать лет энтузиазма — не много ли, не хватит ли?..

К ЧИТАТЕЛЯМ.

Как видим, в очерке поднимается

важная, актуальная проблема нестандартных подходов к лечению раковых заболеваний.

У нас в стране накопилось немало фактов успешного лечения или облегчения участи больных этим тяжелейшим недугом

с помощью средств растительного или животного происхождения. Применяемые

средства, не нанося никакого ущерба больному, обладают выраженным

терапевтическим эффектом, правда,

в зависимости от индивидуальных особенностей больного и тяжести

заболевания. Большинство из применяемых при данной нозологии препаратов

являются, как и катрэксом, биологически

активными веществами, основное свойство которых выражается в стимуляции

иммунного ответа и повышении в связи с этим общей резистентности организма.

Катрэксом, как показал долготелый уже опыт его применения А. Г. Гачечиладзе, а также

американскими и японскими

исследователями, обладает сильным

эффектом неспецифического усиления иммунитета. Видимо, это его свойство,

а может быть, и другие еще не выявленные свойства как раз и способствуют лечению

раковых заболеваний. Это является

достаточным основанием для применения

препарата в практике и его изучения. Тем более что ни у нас в стране, ни за рубежом

пока нет специфических эффективных

противораковых средств.

Тарих АДЖИМОЛАЕВ,
доктор биологических наук,
руководитель лаборатории возвратной
физиологии НИИ нормальной физиологии
имени П. К. Анохина АМН СССР

Если бы несколько лет назад, когда я окончила школу и поступила в медицинское училище, мне сказали, что стану эстрадной певицей, ни за что бы не поверила. Мир эстрады, музыки казался мне настолько недоступным, что о нем и думать даже не смела. Но пела и танцевала еще со школы, хотя всерьез свое пение не воспринимала. Когда мне было лет шестнадцать, один латышский вокально-инструментальный ансамбль предложил съездить на га-

строли по Закавказью, ребятам нужна была солистка. Съездила. А причина: я тогда уже ходила на практику в больницу. Через пару лет меня еще раз «привлекли» к эстраде, теперь уже надолго — предложили работать в Рижском эстрадно-концертном объединении. На каких только сценах не приходилось выступать: и в ресторанах, и на открытых площадках... Нравилось то, что в работе была предоставлена полная самостоятельность: сама выбирала репертуар, сама осуществляла постановку и режиссуру песен. Кого-то такая свобода расслабляет, «разбалтывает», и поэтому, видимо, мы нередко встречаем на ресторанной эстраде откровенную халтуру. Для меня же возможность самостоятельной работы была постижением музыкальной профессии, той самой школой, которой не получила в детстве. Не скрою, приходилось тяжело, профессиональной помощи

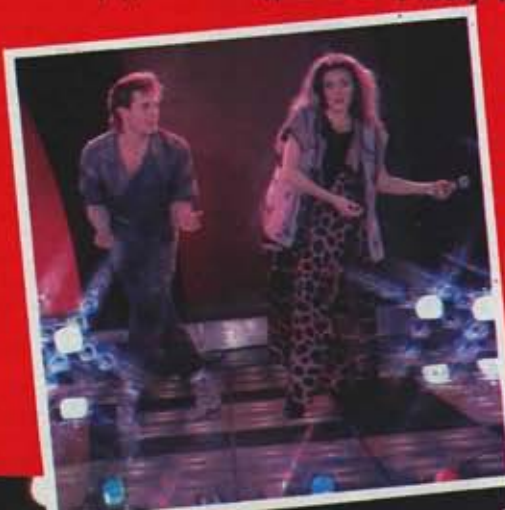
ждать не от кого. Сначала трудилась над своими номерами в одиночку. Вскоре почувствовала, что хочу не просто петь песню, а играть ее. Невольно в сознании вырисовывался образ, складывалось какое-то действо. Но передать театрализованный образ песни в форме монолога — значит недосказать что-то, «недорисовать»... Так стал складываться мой творческий коллектив единомышленников, ансамбль музыкантов и балет. Мы много гастролировали по стране, и наша программа варьете пользовалась популярностью.

К сожалению, слово «варьете» в последнее время дискредитировано. Произошло это в общем-то из-за того, что единственной сценой, где варьете — театр легкого жанра — можно увидеть, были именно ресторанные подмостки. А рестораны в большинстве случаев походили на «кабаки», этакие питейные заведения. Отсюда и варьете мы стали понимать чрезмерно упрощенно, как нечто облагороженное, кокетливо-пикантное. Но ведь это не так! Варьете — тот самый театр песни, о котором

в последнее время ведется немало разговоров. И он требует от своих артистов высочайшего профессионализма, образности и зрелищности, многогранности дарования и обязательно умения чувствовать время. На мой взгляд, сегодня варьете — одно из самых перспективных направлений в эстраде.

Еще работая в Рижском эстрадно-концертном объединении, я старалась в каждой песне создать единый художественный образ. Именно ему подчинялась и манера пения, и тембр голоса, и хореография, и костюм, и внешность. Так, на практике постигала азы эстрадной режиссуры. В какой-то момент почувствовала, что знаний маловато, да и надоело быть самоучкой. В 1984 году поступила в ГИТИС на отделение эстрадной режиссуры. А в новогоднюю ночь 1985 года мой коллектив впервые выступил на Центральном телевидении — мы показали танцевальную миниатюру «Мухоморы».

Видимо, дебют на телеэкране и стал переломным. Поняла, что мы достигли достаточного уровня профессионализма для выхода к всеобщему зрителю. С телевидения пришел новый вызов на съемки. Но... Рижское эстрадно-концертное объе-

ЗРИМЫЯ ПЕСНЯ

Окончание на IV обл.

НЕУВАЖАЕМАЯ МУЗА

Александр БОРОЗНОВ,
член правления
Союза архитекторов РСФСР,
председатель совета
молодых специалистов
ЦНИИЭП Граждансельстроя

Архитектура — это Польза, Прочность, Красота». Такую емкую и лаконичную формулировку придумал римский архитектор и инженер Витрувий еще в первом веке до нашей эры... Но вот к этой классической триаде как-то незаметно прибавился четвертый пункт — экономичность, и как этакий подкидыв-кукушонок в чужом гнезде стал быстро-быстро расти, «объедать» своих соседей и в конце концов принялся выпихивать их из родного гнезда — Архитектуры.

Первой, как создание весьма деликатное, пострадала Красота — в чем мы убеждаемся повсеместно, «любуйся» замечательно однообразными, лишенными каких бы то ни было «архитектурных излишеств» коробками жилых домов и промышленных зданий; больниц, детских садов и школ, больше похожих на те же больницы; культурных учреждений, которые, кроме как «учреждениями», и не назовешь, куда уж там до «храма искусств»... Чего стоит одна лишь картинная галерея на Крымской набережной в Москве, которую стыдно даже величать-то Государственной!

Затем «кукушонок» начал клевать и Прочность, в результате чего она местами обшарпалась, разохлась, провисла и даже осела — как, например, в городе Волгодонске, построенном из соображений экономичности так, что теперь впору строить его еще раз на другом месте.

И, наконец, из гнездышка исчезла куда-то и Польза, а гадкий «кукушонок» наделал вместо нее большую кучу нормативной и инструктивной литературы. И упаси бог архитектора пошевелить мозгами, чтобы придумать нечто невиданное, с неведомой доселе пользой, нарушить какой-нибудь эконо-

мический показатель — «несоблюдение стандарта преследуется по закону» — буквы внизу мелкие, но побьют крупно.

Ну, а для того, что осталось от архитектуры, подобрали уже и новое подходящее имя — теперь ЭТО называется «проектно-сметное дело»! Благозвучно, не правда ли?

Однако пора разобраться: на чем же мы экономим и стоит ли поправлять Витрувия?

Польза, прочность, красота — все это продукты архитектуры. И, как любой другой продукт, архитектура стоит денег, начиная с идеи и кончая ее воплощением. Но если уж мы платим деньги, должны ставить целью не просто сэкономить их, а **полезно потратить**. Поэтому польза не может быть неэкономичной! Польза и экономичность — это два конца одной палки: с какой стороны ни отрезай, короче будет вся палка, а не ее конец!

Архитектура всегда стояла в ряду искусств, муз. Конечно, она и сейчас стоит там же. Однако занимает как бы подчиненное положение по отношению к другим видам искусств: так же, как отделение архитектуры существует внутри Академии художеств. Но, наверное, стоит напомнить, что все эти искусства испокон веков состоят на службе у архитектуры, а никак не наоборот! Даже росписи Сикстинской капеллы создавались именно для росписи, то есть для украшения стен, как это ни странно сейчас звучит. И именно Архитектура, как монументальное искусство, главенствует по отношению к украшающим ее искусствам, поскольку она создает для них необходимую культурную и материальную основу. Это уже часть Пользы архитектуры.

А в целом истинная Польза настоящей архитектуры в том и состоит, что лишь она может совместить рациональ-

ную, удобную для жизни конструкцию с необходимым эстетическим содержанием и уместной художественной формой среды обитания человека! Поэтому невозможно не признать за архитектурой, как Пользой, и архитектурой, как Искусством, как Красотой, ее огромное воздействие на сознание и бытие человека — следовательно, и ее идеологическую значимость в обществе.

Так давайте же помнить, что красота архитектуры — это не бесполезное расточительство, а необходимый вклад в духовное здоровье общества, и давайте ценить архитектуру не по ее стоимости, а по ее Пользе!

Теперь о прочности, но не с физической, а с моральной стороны. Любая архитектура должна быть «прочно сколочена», то есть сделана профессионально. А основы профессионализма закладывает архитектурное образование, с которым у нас тоже далеко не все в порядке.

Во-первых, мы никак не можем определить: не то у нас в стране слишком мало архитекторов, не то мы ежегодно выпускаем слишком много лишних, и архитектурные факультеты то плодятся, как грибы, то закрываются. А статистика говорит, что у нас чуть больше сотни архитекторов на миллион населения, в то время как в других развитых странах эта цифра примерно вчетверо больше — и, видимо, не просто для статистической отчетности.

Во-вторых, при каких только вузах и техникумах не существуют эти факультеты! При строительных и при художественных, при сельскохозяйственных и политехнических, при землеустроительном и даже при железнодорожном и нефтяном, при техникумах коммунального хозяйства! В такой ситуации неизбежно превращение архитектурных факультетов в бельмо на глазу Минвуза, потому что в одних заведени-

ях не могут понять, что это за «сплошняки» такие и зачем нужна обнаженная натура, а в других ни с какого бока не вписываются лаборатории строительных конструкций и сопромат.

В-третьих, преподаватели на таких факультетах в подавляющем большинстве — вчерашние выпускники этих же факультетов, так и не понахавшие реального производительного проектирования и строительства, но зато борющиеся за получение и в конце концов получающие ученые степени по архитектуре. Своих учеников они ориентируют на тот же путь.

В результате таких порядков архитектура замыкается на самое себя. Как специальность, как созидательная деятельность она вырождается в корне. А ведь сейчас как никогда архитектуре нужны борцы-профессионалы, борцы за суть архитектуры, за ее прочность!

Так давайте же соберем все архитектурное образование в один прочный кулак, чтобы сила архитектуры ни у кого не вызвала сомнений!

Перейдем от теории к реальной практике. Ее, как известно, осуществляет такой коллектив: заказчик, проектировщик и строитель. К сожалению, сейчас для этой троицы не придумаешь более оригинального сравнения, чем с известной басенной компанией — лебедем, раком и щукой, дружно тянущими «воз» архитектуры в разные стороны.

Начнем со строителей. Строительная индустрия — это, конечно же, зубастая щука. Пальцем ей не указывай — откусит. Если же вспомнить выражение «Архитектура — это застывшая музыка», то строитель — музыкант, исполнитель замысла композитора — архитектора. Но строитель не должен оставаться на уровне примитивного исполнения, как это обычно происходит, его дол-

быть музыкантом-творцом, то есть в рамках партитуры — проекта «воздвигать» музыку, а не требовать сократить количество «нотных знаков».

Творчество строителя должно начинаться уже с исполнения рабочей документации. Вот где резервы экономии! Ведь кому, как не строителю, виднее содержание его собственной работы — как сделать проще, прочнее, эффективнее, но по пользе, по красоте именно так, как задумал в проекте архитектор — главный строитель.

Так давайте же делать одно общее Дело — Строительство Архитектуры с большой буквы!

Музыку заказывает тот, кто платит, — заказчик. Если продолжить аналогию с басней, то заказчик — это рак, который пятится назад.

Мы, архитекторы, часто заявляем, что должны осуществлять свою роль идеологов в строительстве. Это, конечно, так, но все наши идеи могут реализовываться только в рамках заказа, причем заказа точного, приложенного к конкретному месту и имеющего достаточный с точки зрения архитектуры культурный уровень. И только выполняя множество конкретных заказов, мы можем исполнить заказ социальный — строить для народа.

Но где же он, конкретный заказчик, который хочет платить за архитектуру? Ведь и профессии такой — архитектор — не было бы, не появись сначала потребитель-заказчик! А мы до чего докатились — не заказчик со своей необходимостью к нам идет, а мы к нему набиваемся со своим годовым планом, подмазываем, заискиваем. Вот уже он сам нас и наигрывает, а мы под его дудку пляшем, с нашим-то оркестром! И появляются серость и унылость... А потом архитекторы собирают праведный гнев народный на свои головы.

Так давайте же бороться за то, чтобы заказчик и архитектор могли общаться на профессиональном языке и исповедовали одну идею — иметь хорошую архитектуру для всех!

Ну и, наконец, лебедь — архитектор, «благородная птица». Что же происходит с ним?

Перед новоиспеченным архитектором открываются следующие основные пути. Первый, практически уникальный: он попадает под начало настоящего мастера, имеющего полный портфель заказов. Но сейчас редко кому выпадает такое счастье, хотя мастеров у нас все-таки немало.

Путь второй встречается несравненно чаще: начальник у молодого — рядовой архитектор. Есть у начальника талант или нет, но он хочет видеть себя мастером, это вполне естественно. И потому в обстановке дефицита хороших заказов и отсутствия заинтересованности в конкурсах идей рядовые не любят, когда кто-то ниже рангом пытается их обскатать.

Путь третий — архитектор попадает на разработку типовых проектов или на их привязку. Конкуренции здесь меньше, должностной рост обычно происходит быстрее, но довольно скоро унылость и серость типового проекта начинают настоящего архитектора душить.

Путь четвертый — работа по проектированию генеральных планов городов, поселков или районов. Ах, какие мысли встречаются в этих планах! Но почему-то они почти никогда не реализуются, так что и тут архитектор в конце концов увядает.

Путь пятый — промышленная архитектура. Здесь тоже есть быстрый должностной рост, но, к сожалению, нет самой архитектуры. Путь шестой — реставрация. Но это уже на любителя.

Проявить же себя архитектору вне своей конторской клеточки, в которой все заимитировано, нигде. Конкурсов слишком мало, а главное — при отсутствии морально и материально заинтересованного потребителя шансов реализовать конкурсную работу практически нет. Яркий тому пример — судьба проекта молодых белорусских архитекторов, о котором «Смена» рассказывала в № 8 за этот год. Система проектных мастерских при Союзе архитекторов

развита плохо, и это невозможно преодолеть, пока существует диктат строителей, а во главу угла в архитектуре ставится экономичность. Нашей архитектуре (именно архитектуре в целом, а не архитектуре) сейчас, пожалуй, больше всего подходит образ жалкого Паниковского, пристающего к Корейко: «Дай миллион, дай миллион, ну дай миллион!»...

И разлетаются наши «лебеди» из архитектуры кто куда. А тот, кто остался, пытается рваться в облака, но быстро превращается в «бумажного» лебедя.

Тут надо сказать несколько слов о так называемой «бумажной» архитектуре, или, как ее называли раньше, концептуальной. Это конкурсы на отвлеченные темы, объявляемые зарубежными журналами, чаще других — журналом «Японская архитектура», где наши молодые архитекторы собирают, уже традиционно, солидный урожай премий. В последнее время подобные конкурсы стал объявлять и журнал «Архитектура СССР». Собственно, ничего плохого в этих конкурсах нет, наоборот, рождаются весьма изысканные идеи и поддачи. Но, кроме удовольствия созерцать, они ничего больше не доставляют. А некоторые наши молодые теоретики эту самую «бумажную» архитектуру поднимают как флаг, подают чуть ли не как новый стиль и даже ставят в ряд с достижениями советской архитектуры 20-х годов, как новое открытие нашей творческой мысли. Но ведь это по крайней мере несерьезно — противопоставлять как альтернативу серости и унылости архитектуру типа кукольных и пряничных домиков и хрустальных дворцов-миражей. Их можно даже построить — как забаву, не больше... А истоки взлета нашей «бумажной» архитектуры все там же — есть творческий потенциал, но куда его выплеснуть. И этот «взлет» всего-навсего один из внешних симптомов болезни нашей архитектуры.

Но вернемся к «лебедю», рвущемуся в облака. Кроме вышеперечисленных, есть еще седьмой путь, ведущий прямо в заоблачные выси. — архитектурная наука. И вот, проработав года два в проектной организации, а чаще вообще не вкусив несладкой проектной деятельности, молодой архитектор идет в научное отделение. А что? Впереди финансовым благополучием солнечно сияет ступень, да и вообще работа хоть и туманная, но непыльная. И чем же он там занимается? А просто-напросто разрабатывает рекомендации — как и что нужно проектировать архитектуру, который работает в проектной организации! К его деятельности архитекторы-практики относятся примерно так: «Если ты такой умный и ученый, так и проектировал бы сам! Тоже ведь называешься архитектором, да и ученые мы все по одной учебной программе!»

Конечно, любой проект должен начинаться с исследований (можно назвать их и научными), но должен же и кончатся чем-то материальным. Это не два разных процесса, а один — процесс рождения архитектуры, когда есть Автор, который исследует конкретную ситуацию, выдает идею, оформляет, материализует ее и отвечает за результаты. Архитектура едина в своей сути, как ее ни назови — хоть наукой, хоть ремеслом! И существующее у нас сейчас в проектных институтах деление на проектные и научные отделения губительно для нашей архитектуры!

Конечно, нам нужна и полезна наука — «история архитектуры», включая и теорию архитектуры. Но это должна быть теория уже рожденного, хоть в прошлом году, хоть до нашей эры. Только такую теорию можно считать наукой в архитектуре, но никак не теорией будущего. Формирование опыта, архитектурная критика — это наше необходимое подсобное хозяйство. Правда, его лучше называть архитектуроведением по аналогии с искусствоведением.

Передний же край архитектуры, ее будущее, ее открытия — это проектирование, это сама архитектура, а не ее якобы наука! Архитектуре, разу-

меется, необходимо использовать другие науки (например, социологию), но все они имеют свои собственные названия и являются тоже всего лишь подсобным хозяйством для самой архитектуры.

Теперь о научных степенях. Если они необходимы вообще, то не справедливее было бы, если бы теоретики архитектуры носили степени с окончанием «...архитектуроведения», а степень с окончанием «...архитектуры» давалась бы за практический, а не теоретический вклад в архитектуру. А еще лучше присваивать что-нибудь вроде профессиональных категорий-званий (должности тут ни при чем) с соответствующим материальным статусом, равнозначным степенной надбавке или определяющим размер гонорара.

А гонорар должен быть! Справедлива ли ситуация, когда любой типовой проект, купленный в ЦИТПе, стоит застройщику всего несколько рублей (даже не десятков)?! О каком уважении к авторам проекта и к самому проекту может идти речь? А платил бы застройщик полновесный гонорар за каждый купленный проект, наверняка изменилось бы и отношение к типовому проектированию, и его качество, и сама его суть вплоть до превращения типового в индивидуальное. На конкурсной, конкурентной основе.

И еще одна мысль о сегодняшнем положении проектировщиков. Все они, включая и архитекторов, состоят в самых различных профсоюзных, в зависимости от того, какому ведомству принадлежит проектная организация. Причем большинство — в профсоюзе рабочих строительства и промышленности строительных материалов, то есть среди тех, кто пока в истинной архитектуре никак не заинтересован. Воистину «свой среди чужих, чужой среди своих»! Поэтому все блага проектировщикам в последнюю очередь. Члены же Союза архитекторов, несмотря на то, что практически тоже ничего не имеют от своего творческого союза, образуют, однако, среди этих «чужих-своих» еще одну колонну «белой кости», усугубляя разброд в строю проектировщиков и бесплотность с командным составом.

Так давайте же сомкнем ряды всех проектировщиков под флагом Архитектуры и будем наконец уважать и ценить творческий труд проектировщика — морально и материально!

Итак, «тягловую троицу» мы обсудили, но в нашей басне (точнее, были) участвуют не предусмотренные классиком действующие лица. Одно из них — это всемогущая сила, которая пытается тянуть наш «воз» одновременно во все три стороны. У нее, как у Змея Горыныча, множество голов, и каждая огнедышащая, каждая может предать огню любого из нашей потужной троицы. Этот «Змей Горыныч» — бесчисленные разномастные органы по планированию, организации и контролю за проектированием и строительством. Каких только комитетов, министерств, управлений, служб, отделов среди них нет — при чем угодно и при ком угодно!

Есть и другой «змей». Он ведет себя тихо, с достоинством, но кусается смертельно: строительно-финансовые органы.

Два «змея» фактически разрушают необходимую прямую связь между заказчиком архитектуры и ее исполнителем — между покупателем и производителем. Беря на себя множество согласовательных, рекомендательных, утверждающих функций, они создают ситуацию круговой зависимости, превращающейся в порочный круг безответственности, когда не с кого спросить за конечный результат — архитектуру и когда никто конкретный в этом результате не заинтересован. А заинтересованными лицами, как и в любой другой области деятельности, должны быть только двое — исполнитель и заказчик. Конечно, им может понадобиться квалифицированная помощь, не мешающая и компетентный контроль, особенно в вопросах градоформирования и сохранения исторической культурной городской среды.

Для исключения в этом деле непоправимых ошибок нужно, на мой взгляд, принять государственный Закон о градостроительстве. Отсутствие такого закона оборачивается удручающим образом новыми городами, их гипертрофированным масштабом (вспомним хотя бы Тольятти), разрушением исторически сложившейся архитектурной среды старых городов, подавлением силуэтных доминант плоскородными коробочками, необоснованным сносом не только отдельных зданий, но целых районов. Яркие примеры необдуманных решений — проспект Калинина и гостиница «Россия» в Москве. Закон о градостроительстве поможет также в реализации Закона об охране памятников истории и культуры, бессильного пока в борьбе с наступающей урбанизацией и вездесущей экономичностью.

Ну, а для осуществления функций помощи в проектировании, контроля за качеством архитектуры и исполнения Закона о градостроительстве должен существовать единый орган, ответственный именно за архитектурный результат в целом, орган, которому все будет полностью доверять, а это возможно только, если он будет совершенно самостоятельным и обязательно выборным.

Но вот такого-то органа у нас и нет. Есть, правда, Союз архитекторов, но его общественных сил явно не хватает. Была когда-то Академия архитектуры, но, увы, ушла в небытие...

Существующий же и претендующий на главенство в зодчестве Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре (Госгражданстрой) никак не может исполнять эту роль, потому что распространяет свое влияние лишь на небольшую часть проектных организаций страны, занимающихся в основном тем самым пресловутым типовым проектированием. Да и самостоятельности у Госгражданстроя маловато, так как он числится при Госстрое. А его недавний председатель так и вовсе не был архитектором, видимо, так логичнее, ведь в сокращенном названии комитета выпала именно архитектура... Сокращена здесь, а добавлена в другом месте, однако тоже без вынесения в название, — в Академии художеств. И получилось, что этим фактически узаконили вторичность архитектуры по отношению и к строительству, и к изобразительному искусству, то есть лишили архитектуру головы, оставив от нее лишь рожки да ножки.

Устанавливая новые большие цели, определяя пути совершенствования строительства, проектирования, надо определить и ведущую роль главного строителя — архитектора. Сейчас же складывается обидное впечатление, что архитектуру все пытаются посадить как бы между двух стульев, а они уже заняты: один — строительством, другой — художествами. В то время как стул должен быть один, и занимать его должна именно архитектура.

Что можно предложить для «излечения» нашей архитектуры? Прежде всего вывести ее из подчинения строительному комплексу. Нужна коренная реорганизация, чтобы не архитектура была приложением к строительству, а строительством стало инструментом реализации архитектурных замыслов.

Процесс создания архитектурных проектов целиком передать в ведение Союза архитекторов, создав при его Архфонде систему проектных мастерских, охватывающих все виды архитектурного творчества.

Разработать и принять государственный Закон о градостроительстве.

Организовать Академию архитектуры как верховный, независимый от ведомственных влияний орган, отвечающий за вопросы архитектуроведения, оценку качества архитектуры и архитектурного арбитража, архитектурного образования, но не вмешивающийся, кроме исключительных ситуаций, в сам творческий процесс.

Надо вернуть архитектуре Пользу, Прочность, Красоту!

Многие годы читаем «Смену» вслух, в обеденный перерыв. В № 5 в письме «Кто прав? Кто виноват?» затрагивается вопрос о матерях-одиночках. Нам жаль А. Александрова. У нас в отделе работают только женщины, у всех дети, и все мы возмущаемся тем, что женщинам, которые понятия не имеют о морали, о женской чести, предоставляют права получения жилплощади, например, наравне с теми, кто ютится с двумя-тремя детьми в одной комнате «семейного» общежития, снимает годами квартиры за большие деньги или теснится в квартирах родителей. Нам могут возразить, что это делается в интересах ребенка. Может быть. Но ведь не секрет, что нередко квартира, получаемая матерью-мольщиком, становится притоном, и дети с раннего возраста видят грязь «семейных» отношений. Не отсюда ли «династии» представительниц древнейшей профессии?

Немного о тех женщинах, у которых не сложилась судьба, которые не смогли устроить свою жизнь и лет в 30 решают родить ребенка. Часто ли они пользуются льготами? Уверены, что нет. Ведь такая женщина, прежде чем решиться на серьезный шаг, подумает, куда она принесет из роддома своего ребенка, на какие средства и какими силами будет его растить. Женщины в 30—35 лет в отличие от 18—20-летних матерей-одиночек знают какой груз взваливают себе на плечи. А «честь» им, выходит, одна? Мы считаем, что надо как-то усовершенствовать закон, сделать его более гибким, не стричь всех под одну гребенку.

Мы хотим объяснить нашим дочерям, что честь и гордость девушки дороже репутации матери-одиночки, и пусть закон нам в этом поможет.

От коллектива машинописного бюро
грозненского завода
«Красный молот»
Татьяна РОГОЖИНА

Товарищ Александров хочет лишиться девочку алиментов и при этом кричит на весь Союз о своей «порядочности». Выходит, «на порядочности» я отвечаю порядочностью, а на подлость — подлостью? Значит, порядочность товарища Александрова по выбору? При чем, естественно, он сам решает, по отношению к кому поступать порядочно... Он и решил наказать девочку за то, что жена поступила по отношению к нему нечестно, девочку, которая более чем за два года не стала ему дочкой, хотя ему «очень хочется так ее называть». Факт удочерения для автора письма, видно, носил действительно только формальный характер. О какой же порядочности автора можно говорить?

И. Н. СКАМЕЙКИН,
пос. Снегкус
Литовской ССР

Почему у нас много матерей-одиночек? Наши мужчины пьют, гуляют, часто семью не обеспеживают. Не потому ли женщины, долг которых — воспитывать детей и поддерживать тепло домашнего очага, трудятся на химических заводах и работают по ночам? Где же совесть у мужчин и мужское достоинство? Социологи установили, прочла я как-то в газете, что у нас существует тенденция скрытой безотцовщины, так как отцов, которые в действительности занимаются воспитанием своих детей, становится все меньше. Известно ли это вам, товарищ Александров?

И. ГРАЦИАНСКАЯ,
Джамбул

КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ

Я — мать-одиночка двадцати лет, значит, это вы и обо мне, товарищ Александров, писали. До сих пор чувствую колкость каждого вашего слова. Да, дети не бывают только мамини, где-то ходят и папы, которые в свое время своих любимых сделали матери-одиночками. И если матери-одиночке стыдно рассказывать о таком папе, то папе почему-то не стыдно ходить по этой земле. Было и у меня время, когда все в розовом и голубом цвете, а впереди, казалось, дорога, усыпанная цветами счастья и надежд, небо с сияющими звездами. Дарил цветы, носил на руках, говорил о любви, о нашем будущем. Узнав, что жду ребенка, пропал бесследно. Позднее прислал письмо, чтобы что-нибудь «предприняла», так как он встретил и полюбил другую. Значит, не было у него любви, а был год обмана, год фальши. Ну, а что оставалось мне? Сделать то, что так просто при современном развитии медицины, а потом укорять себя всю жизнь? Вот и стала матерью-одиночкой. Горький смысл кроется в этих словах. И как вам, мужчинам, не понять, что не всем нужны ваши квартиры, полочки, алименты, нужные мужские плечи, которые бы укрыли ото всех невзгод; нужны мужские руки, которые бы унесли от всех печалей... И если вы думаете, что осчастлиживаете нас тем, что удочеряете наших детей, то я думаю, не каждому бы с квартирой и большой зарплатой доверила своего ребенка. Ну, а что касается меня, то и садик для дочери получила в порядке очереди, и на квартиру в порядке очереди стою, и работаю, как все, и успеваю заочно учиться, и у государства в виде исключения ничего не прошу. Вот и четыре годика моей Анюте. А ведь счастливая я! Тем, что я мать, что кругом люди, которые меня понимают, уважают, и никто не сказал обо мне так пошло и жестоко — «мать-одиночка». Да, когда вы удочерили девочку, ведь вы же думали об ответственности, которую будете нести в случае развода?

Л. БЕЛОЗЕР,
Калмыцкая АССР

Не хочу обидеть Александрова, но думаю, что не так давно мужчины стыдились бы столь громко говорить о своей беспомощности, а тем более об оскорблении, нанесенном женщиной.

Сотни откликов
пришли в редакцию
после публикации
письма А. Александрова
(«Смена» № 5),
затронувшего
сложные проблемы
взаимоотношений
мужчины и женщины.

Но мое письмо не об этом и даже не о том, что матери-одиночки не имеют единственной льготы — это быть любимой и любящей женой, а дети их лишены возможности иметь отца. Мое письмо о ваших детях, товарищ Александров. Я не по ошибке написала «ваши дети», так как считаю, что, удочерив девочку, вы обязаны быть ей отцом.

Вы назвались отцом девочки, понимая, что это не на год, не на два, а на всю жизнь. Получается, что, став отцом девочки, вы только исполнили желание жены, а у вас не было к ребенку настоящей отцовской любви? А если любовь есть, если вам хочется называть девочку дочерью, то стоит ли волноваться об алиментах?

Может, стоит бороться за девочку, чтобы вопреки всему она называла вас отцом? Чего вам больше жаль — свою поруганную честь, себя или, ваших дочерей, которых вы оставляете такой матери и от одной из них отрекаетесь?

Немного о себе: скажу честно, не очень верила, что выйду замуж, и готовилась стать матерью-одиночкой. Но... в жизни случаются чудеса, теперь я жена и мать.

Татьяна ТКАЧЕНКО,
Ростов-на-Дону

Итак, кто прав? То ли законодатель, предоставляющий «непомерные» льготы одиноким матерям, то ли незадачливый «положительный герой» письма (в его собственной оценке, разумеется)? Думаю, все-таки законодатель. Любая мать всегда на голову выше любого «героя», и не только потому, что без матери не было бы «героя», но и потому, что «герой» отдает жизнь всего лишь за то, чтобы спасти или прославить род, а мать есть творец рода. Если же, проявляя заботу обо всех матерях вообще, законодатель отдает некоторое «предпочтение» матерям одиноким, то не только и не столько потому, что одной воспитать ребенка трудно, но и в силу весьма широкой еще распространенности тех взглядов, которые смакует автор письма...

Вот одна дамочка недавно по телевидению сообщила, что родить второго ей с мужем мешает то, что они живут в «коммуналке», а шахтер на страницах центральной газеты рассказал, что они не рожают второго ребенка, потому что у них хотя и отдельная, но слишком маленькая квартира. Лично я им всем не верю: дай им большие отдельные

квартиры, уж совсем не до детей будет. Туда «необходимы» многотысячные гарнитуры. До детей ли тут? Как-то так получается, что чем слаще живет, тем хуже дело с рождаемостью.

Что же касается неудавшейся судьбы «горемычного» автора письма, то виноват в ней только он сам.

Юрий ЛЕБЕДЕВ,
Иваново

...К сожалению, в наши дни женщина нередко задумывается не о своей чести, а о благополучии. Эмансипация, по-моему, перешла разумные границы и привела уже не к равноправию, а к ущемлению прав мужчин. При каждом удобном случае в большинстве семей жена грозит мужу разводом, за претом воспитывать детей, она превратилась в педагога, а то и в надзирателя над мужем. Смешными и жалкими стали выглядеть многие мужчины, которые не находят себе места в семье. Мы имеем дело с беспрецедентным явлением — неоматриархатом, что грозит ростом семейных конфликтов, числом разводов. И никто не сможет приостановить этот процесс, ибо налицо преимущество женщины над мужчиной во всем — ей и дети, и квартира, и имущество...

Александр ТУМАНЯН,
Ереван

Товарищ Александров! Предлагаю вам самый простой и правильный выход из положения: забирайте свою дочь и приезжайте ко мне. Я медик. Буду преданной женой и матерью.

Елена

ОТ РЕДАКЦИИ.

Благодарим всех, кто принял участие в обсуждении проблем, затронутых нашим читателем: ведь многим нелегко было написать о неудавшейся семейной жизни, горьких ошибках, разочарованиях и потерях.

Кто прав? Кто виноват? Читательские мнения разделились. Но одна проблема звучит громче других почти во всех письмах: многие считают, что пришло время пересмотреть некоторые позиции законодательства об алиментах. «Смена» продолжит разговор на эту тему.

Нелегко писать вступление к подборке стихов Марины Цветаевой. Но о себе — поэте — она сама сказала лучше всех: «Меня можно легко разделить на 7 поэтов...» И, зная это, один из критиков так и назвал — много лет назад — статью о ее творчестве: «Семь Марин Цветаевых» — что, к сожалению, редакторы изменили, превратив эти три слова в нечто вполне тривиальное, в название незапомнившееся. А ведь критик ссылался на утверждение поэта.

Передо мною 16 страничек, 15 стихотворений, разлив ритма и рифм, в том цветаевском поражающем разнообразии, которое в такой мере, безмерной, мы, пожалуй, не найдем нигде. Все: от предельного лаконизма до — порой — любимого Мариной усилительного повтора, где мысль, накаляясь, крепнет, обрастая образами, как пики гор облаками, восходя к вершине конца.

Эти стихи — ранние. При написании последних, здесь предлагаемых, Марине было 30 лет. Но мастерство утра являло себя как луч солнца после обещанного рассвета. Так рос поэт.

Думаю, что располагать стихи следует по годам. Это своего рода труд гида в горах.

Так, разложив данные мне стихи, я радостно увидела, что первое, 1913 года — одно из Марининых и моих любимых стихов нашей юности. Сколько раз мы читали его в унисон (по сходству голосов) в светлом зале незнакомым слушателям и в уюте комнатном, в домах друзей. Оттого, что, обращенные к смерти, стихи эти, удвоенные силою звука, исходили из столь юных голосов — в 1913-м нам было 21 и 19, — они сливали юность и смерть воедино, и рождали в ответ то, чего так мало, — может быть, все меньше на свете — любовь.

«В тяжелой мантии торжественных обрядов Неумолимая, меня не встретить. На площади, под тысячами взглядов, Позволь мне умереть...»

И, казалось, смерть отступала перед отвагой с ней говорящей юности, и, строками Марины Цветаевой, торжествовала жизнь. Страница-стихотворение. Но в одну из них не уместилось следующее — руки распахнуты, четверостишие не все сказало, зовет продолжение на помощь:

*«Не здесь, где скривлено,
«А там, где вправлено,
«Не здесь, где с крыльями
«Решают — саблями...
«...Смерть — червоточинной
«И ревность-змеи,
«Здесь нету вотчины
«Тебе — мой...»*

И длится это «нет» ради конечного «да», — две страницы заняло стихотворение! А вот — лаконизм: о том мире чувств, где нет стихам — всего земного шара! — предела, все уместилось в 8 коротких строк:

*«Голоса с их игрой сулящей,
«Взгляды яростной черноты,
«Опаленные и палящие
«Роковые рты, —
«О, я с вами легко боролась!
«Но, — что делаете со мной.
«Вы, насмешка в глазах, и в голосе —
«Холодок родной!..»*

Марины давно нет. А я все живу. И пишу. Идет мне год 93-й. Меня попросили — и вот врезка к стихам моей сестры Марины.

Анастасия ЦВЕТАЕВА

Марина Цветаева

МОЁ ПОСЛЕДНЕЕ ВЕЛИЧЬЕ

■

В тяжелой мантии торжественных обрядов, Неумолимая, меня не встретить. На площади, под тысячами взглядов, Позволь мне умереть.

Чтобы лился на волосы и в губы Полуденный огонь. Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы И гарцевал мой конь.

Чтобы церковью сияла позолота, В раскаты грома превращался гул, Чтоб из толпы мне юный кто-то И кто-то маленький кивнул.

В лице младенца ли, в лице ли рока Ты явишься — моя мольба тебе: Дай умереть прожившей одиноко Под музыку в толпе.

■

Есть твой голоса, Что смолкнешь, им не вторя, Что предвидишь чудеса Есть огромные глаза Цвета моря.

Вот он встал перед тобой: Посмотри на лоб и брови И сравни его с собой. То усталость голубой, Ветхой крови.

Торжествует синева Каждой благородной ванной. Жест царевича и льва Повторяют кружева Белой пеной.

Вашего полка — драгун, Декабристы и версальцы! И не знаешь — так он юн! — Кисти, шпаги или струн Просят пальцы.

■

Мне полюбить Вас не довелось, А может быть — и не доведется! Напрасен водоворот волос Над темным профилем инородца, И раздувающий ноздри нос, И закурчавленные реснички, И — вероломные по привычке — Глаза разбойника и калмычки.

И шаг, замедленный у зеркал, И смех, пронзительнее занозы, И этот хищнический оскал При виде золота или розы, И разлетающийся бокал, И упирающаяся в талью Рука, играющая со сталью, Рука, крестящаяся под шалью.

Так, — от безделья и для игры — Мой стих меня с головою выдал! Но Вы красавица и добры, Как палеоэллинический древний идол Вы принимаете все дары! И все, что голубем Вам воркую — Напрасно — тщетно — вотще и всуе, Как все признанья и поцелуи!

Сентябрь 1915

■

В тумане, синее ладана, Панели — как серебро, Навстречу летит негаданно — Развеванное перо.

И вот уже взгляды скрещены, И дрогнул — о чем моля? — Твой голос с певучей трещиной Богемского хрустала.

Мгновенье тоски и вызова, Движение — как длинный крик, И в волны тумана сизого, Окунутый легкий лик.

Все длилось — одно мгновение. Отчалила... уплыла... Соперница! — Я не менее Прекрасной тебя ждала.

Из цикла к П. Э.

Война, война! — Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На — кажется — надтреснутом канате
Я — маленький плясун.
Я тень от чьей-то тени. Я лунатик
Двух темных лун.

Москва, 16 июля 1914

Голоса с их игрой сулящей,
Взгляды яростной черноты,
Опаленные и палящие
Роковые рты, —

О, я с вами легко боролась!
Но, — что делаете со мной
Вы, насмешка в глазах,

и в голосе —

Холодок родной!

14 августа 1915

Отрывок из стихов
к Ахматовой

...Но вал моей гордыни польской —
Как пал он! — С златозарных гор
Мои стихи —

как добровольцы
К тебе стекались под шатер.

Следа полночные навзды,
Бдил добровольческий табун,
Пока беседовали звезды
С Единодержицею струн.

12 сентября 1921

Мое последнее величие
На дерзком голоде запласт!
В сухие руки ростовщицы
Снесен последний мой заклад.

Промотанному — в ночь — наследству
У Господа — особый счет.
Мой — не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь:

ночь — и рот.

Простимся ж коротко и просто
— Раз руки не умеют красть! —
С тобой, нелепейшая роскошь,
Роскошная нелепость — страсть!

1 сентября 1917

Леты подводный свет,
Красного сердца риф.
Застолбенел ланцет,
Певчее горло вскрыл:

Не раскаленность жёрл,
Не распаленность скверн —
Нерастворенный перл
В горечи певчих горл.

Горе горе! Гранит,
Плавим и мрем — вотще.
Ибо нерастворим
В голосовом луче

Жемчуг...
Железом в хрип,
Тысячей пил и сверл —
В горечи певчих горл.

11 августа 1922

На царевича похож он.
— Чем? — Да чересчур хорош он;
На простого не похож.

Семилетняя оболтнула,
А большак — всплед вздохнула...
Души обе. — Да и где ж

Ждать ума от светлоглазых?
Обе начитались сказок, —
Ночь от дня не отличат.

А царевичу в поддевка
Вот совет наш: по головке
Семилетней поглядь.

Раз за дочку, раз за мать.

Впрочем, можно и однажды.

Март 1920

Простите Любови — она нищая!
У ней башмаки нечищены, —
И носки без башмаков!

Стояла вчерась на паперти,
Молилася Божьей Матери, —
Ей в дар башмачок сняла.

Другой — на углу, у булочной,
Сняла ребятишкам уличным:
Где милый — узнать — прошел.

Босая теперь — как ангелы!
Не знает, что ей сафьянный
В раю башмачки стоят.

30 декабря 1919. Конец

Начного гости не застанешь...
Спи и проспи навек
В испытаннейшем из пристанищ
Сей невозможный свет.

Но если — не сочти, что дразнит
Слух! — любящая — чуть
Отклонится, но если навзрыд
Ночь и кифарой — груди —

То мой любовник лавровый
Поворотил коня
С ристалища. То ревность рога
К любимице своя.

2 июля 1922

Подце и проща:
Плывет, дышит
Зорче и зорче
Видится, слышится.

Меньше и меньше
Помнится, любится
— Значит, уж скоро
Посох и ронце.

28 августа 1922

Из цикла «Сугробы»

Эренбург

Не здесь, где связано,
А там, где велено.
Не здесь, где Лазари
Бредут с постелею,

Горбами вьючными
О щебень дней.
Здесь нету рученьки
Тебе — моей.

Не здесь, где скривлено,
А там, где вправлено,
Не здесь, где с крыльями
Решают — саблями,

Где плоть горластая
На нас: добей!
Здесь нету дарственной
Тебе — мойей.

Не здесь, где спрошено,
Там, где отвечено,
Не здесь, где крошева
Промеж — и месива

Смерть — червоточиной,
И ревность — змеей.
Здесь нету вотчины
Тебе — мойей.

И не оглянется
Жизнь крутобровая!
Здесь нет свиданьяца!
Здесь только проводы,

Здесь слишком спутаны
Концы ремней...
Здесь нету утрени
Тебе — мойей.

Не двор с очистками —
Райскими куцями!
Не здесь, где взыскано,
Там, где отпущено.

Где вся расплэскана
Измена дней.
Где даже слов-то нет:
— Тебе — мойей.

25 февраля 1922

Последний моряк

О ты — из всех залинейных нот
Нижайшая! — Кончим распрю!
Как та чахоточная, что в ночь
Стонала: еще понравься!

Ломала руки, а рядом драк
Удары и клять канаты.
(Спал разонравившийся моряк
И капала кровь на мя —
тую наволоку...)

А потом, вверх дном
Стакан, хрусталаем и кровью
Смеясь... — и путала кровь с вином,
И путала смерть с любовью.

«Вам сон, мне — слех!
Не присев, не спев —
И заново! Завтра в лежку!»
Как та чахоточная, что всех
Просила: еще немножко

Понравься!.. (Руки уже свежи,
Взор смутен, персты не гнутся...)
Как та с матросом — с тобой,

о жизнь,

Торгуюсь: еще минутку

Понравься!..

15 сентября 1923

Публикация
Екатерины ЛУБЯНИКОВОЙ.

В доме на улице
Писемского 6, в квартире,
которую вы видите на
снимке, прошла юность
Марины и Анастасии
Цветаевых. Здесь были
написаны почти все стихи
Марины Цветаевой, которые
мы публикуем. Здесь
планируется создать музей
поэтессы.

Помните песню: «...память меня дома не останется, я в дороге, я в пути?» Речь в ней идет о молодом человеке, у которого «комсомольское сердце в груди». Казалось бы, все справедливо, беспокойный непоседа ищет самые «горячие» точки приложения своих сил. Молодец, подлинное дитя нашего стремительного времени. Комсомольцы 60—70-х восторженно вводили проникнутые высоким гражданским пафосом слова другой не менее популярной песни: «Мой адрес — не дом и не улица, мой адрес — Советский Союз...»

Однако трезвое время 80-х заставило многое переосмыслить, свернуть бодряческие транспаранты с лозунгами, зачехлить барабаны, взять в руки калькуляторы и посчитать: а так ли уж хорошо и полезно для государства «броуновское» движение ударных отрядов?

Так что же мы увидим на зеленом экранчике бесстрастного калькулятора? А увидим мы цифры, которые молодых хозяев страны никак не могут оставить бесстрастными. Например, 20 миллионов — миграционный отток из села за последние 15 лет. На 28—37 процентов сократилось за эти же годы сельское население в Орловской, Тульской, Брянской, Кировской, Ярослав-

Риснок Гиннадия Корнышева

Марк ГРИГОРЬЕВ

ШИРОКО РАЗБЕГАЛИСЬ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ УДАРНЫХ ОТРЯДОВ

КРУПМ

ской областях. В то же время на сегодняшний день в колхозах и совхозах страны не хватает более 2 миллионов работников. Зато на ударные стройки только в одиннадцатой пятилетке направлено по общественному призыву более полумиллиона человек...

Вижу лица читателей, удивленных, а то и разгневанных. Как это автор осмелился покуситься на прочно укоренившийся в комсомоле принцип ударного строительства! Поймите меня правильно. Традиция ударных комсомольских отрядов, работающих на самых тяжелых участках трудового фронта, — замечательная традиция. Комсомол по праву гордится освоением целины, строительством Братской ГЭС, прокладкой БАМа, обживанием Тюменского Севера. Работа комсомольцев на ударных стройках имеет огромное и экономическое, и нравственное, воспитательное значение. Но тем более нетерпимо, когда высокие цели оказываются разменянными на показушные сиюминутные интересы. Многие ударные отряды стали, по существу, «затычкой» строительных прорех, массовой кампанией, непрерывным победным рапортом.

И самое огорчительное, что в бодром хоре сводок и рапортов перестали быть слышны голоса рядовых бойцов ударных отрядов, их просьбы и жалобы, разумные советы и требования заглушили барабанные удары и победные реляции. С трибуны XX съезда комсомола прозвучало решительное слово о перестройке ударнического движения.

Вроде бы все ясно: засучивай рукава и выполняй, устраняй формально-бюрократические препоны. Да только живуч он, формализм проклятый!

...Тюмень, улица Горького, пятиэтажное здание рядом с городским драмтеатром. На фасаде тисненая золотом по камню вывеска: «Производственное строительно-монтажное объединение

«Тюменстройпуть». Нити отсюда тянутся на две тысячи километров до заполярного Ямала. И не воображаемые, а стальные — нити железнодорожных рельсов самых северных трасс страны: Тюмень — Сургут — Нижневартовск — Уренгой — Ямбург. Неприметное здание — мозговой центр, руководитель и координатор широко известных Всесоюзных ударных комсомольских строев.

На четвертом этаже — надпись красной краской на полупрозрачной стенке из стеклопрофилита: «Штаб ударной стройки». Дверь здесь всегда открыта. На стуле, не сняв куртки и шапки, сидит парень.

— Ждешь начальника штаба? — спрашиваю его.

— Жду, — он встает со стула и снимает шапку, — уже час жду.

— А ты небось на Север рвешься — в Уренгой или в Ямбург?

— Да, — удивляясь моей осведомленности, отвечает парень, — нам еще в Житомирском обкоме комсомола, когда формировали ударный отряд, обещали работу в Уренгое...

— А теперь здесь говорят, что рабочие таких специальностей на Севере не нужны? Точно?

Парень окончательно сбит с толку. Сначала он подозрительно смотрит на меня, но потом, решив, видно, что я из осведомленных штабных кругов, начинает подробно рассказывать свою историю. Впрочем, ничего для себя нового, кроме имени и фамилии этого конкретного комсомольца с Житомирщины, почерпнуть из этого рассказа не могу. Но вот как раз ординарность, типичность подобных историй, сюжет которых хорошо знаком и любому комсомольскому активисту, и журналисту, бывавшему на ударных стройках, — вот эта широкая распространенность как раз и настораживает, заставляет задуматься и осмыслить не единичный факт, а явление.

Итак, комсомолец Валерий Беспрозванный, водитель второго класса и механик автокрана, работал на родной Житомирщине. Работал на совесть (две благодарности в трудовой книжке) и заработком не был обижен — до 300 рублей в месяц выходило. Но вот приезжает в Житомир тюменский гонец, и обком комсомола созывает добровольцев на всесоюзную ударную. По словам Валерия Беспрозванного, учитывались и специальность, и желание каждого, и потребности стройки.

Перед добровольцами была нарисована радужная и захватывающая картина их обустройства в Сибири: условия труда и жизни на новом месте напряженные, суровые — этого представитель «Тюменстройпути» не скрывал, но зато каждый будет работать по специальности, получит место в общежитии и заработок, помноженный на знаменитую северную надбавку. То есть коэффициент 1,7 плюс 40 процентов так называемых в транспортном строительстве «колесных», плюс 10 процентов ежегодной северной «накрутки». Не скажу, что для Валерия материальный стимул оказался решающим козырем, но все же в голове у него крепко засело, что за вычетом налогов будет он иметь на руки не менее 500—600 рублей.

Запомним эти обстоятельства и двинемся дальше за нашим новоиспеченным добровольцем. За три дня до отъезда в Сибирь, когда Валерий и его товарищи по ударному отряду уже рассчитались, снялись с военного учета, получили комсомольские путевки, выяснилось, что едут они не в Уренгой или Ямбург, а в город Тобольск. Сей древний град, хотя и был некогда славной столицей Сибирской губернии, находится на широте Москвы, и потому никаких надбавок, кроме коэффициента 1,15, действующего на всей территории за Уральским хребтом, новоселам не полагается.

Кроме того, стало известно, что и с работой по специальности вряд ли что получится. То ли посланец «Тюменстройпути» напутал, то ли в Житомирском обкоме его неправильно поняли, однако факт оставался фактом: тобольским подразделениям строителей нужны были каменщики-штукатуры. Кто же такой профессии не имел, должен был пойти в ПТУ и овладеть ею в порядке, предусмотренном учебным процессом.

Валерий Беспрозванный сильно огорчился, закручинился и загоревал. Явилась крамольная мысль, что их с товарищами попросту одурачили. Но авторитет обкома! Но солидный представитель всесоюзного объединения «Тюменстройпуть»! С другой стороны, все документы на руках, с работы уволился, еще и комсомольцы в своей конторе с помпой проводили: не посрами на всесоюзной ударной нашу честь!

«Ладно, — махнул Валерий рукой, — на месте есть комсомольский штаб, там разберутся, устранят недоразумения, и все будет нормально». Так, надеявшись на великое российское «авось», он и отправился в дальние края...

И вот мы сидим в комсомольском штабе. Валерий заканчивает свою одиссею, которую теперь вместе со мной слушают вернувшиеся с совещания начальник штаба Владимир Огнев и начальник отдела кадров объединения Борис Владимирович Ярмышев.

— В Тобольске меня не захотели брать крановщиком, — рассказывает Валерий, — а предложили учиться на каменщика или штукатура. Я отказался, потому что считаю свою профессию стоящей. Да и не мальчишка уже — 23 года. Тогда меня отправили в Тюмень, здесь взяли на автокран. Поговорил я с ребятами, оказывается, больше 160 рублей тут не заработать...

— Подожди, — прерывает парня Ярмышев, — ты комсомолец?

— Конечно...
— Так и рассказывай, как комсомолец, а не как рвач и хапуга! — вскидывается Борис Владимирович. — А на Севере и без тебя умников хватает, там коэффициент сам людей держит. А ты комсомолец! Поработай здесь годик, потом приходи ко мне в отдел кадров, я тебя сам под белы ручки отправлю в Уренгой, в Надым или в Ямбург...

— Я не рвач и не хапуга, — обижается Валерий, — и трудностей не боюсь. Только какие же трудности в областном центре? В том, что денег мало платят? Вот, представляю, как ребята дома надо мной посмеются!.. Ну, скажут, герой-доброволец, как ты там Сибирь покорял?

По асфальту в Тюмени ходил да зарплату умудрился вдвое меньшую получать! Значит, так тебя оценили, так ты и нужен там был...

Я слушал разгоревшуюся перепалку и с грустью думал: «Эх, Борис Владимирович! Неверный тон вы взяли в разговоре с новичком. Упрекать его в меркантильности, в рвачестве и пристрастии к высокому заработку — это все удары ниже пояса. Знаю, что сами вы приехали когда-то добровольцем в Западную Сибирь, работали не за страх, а за совесть, живота не жалея. А все-таки вспомните, на чем держалось стремительное освоение Севера в 60—70-е годы? На пресловутом «Давай! Давай!» Ура, ребята, и с песнями! «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги...»

А теперь стоит оглянуться назад и посмотреть, к чему привела лихая романтика. Наскоро обустроенные

ров пути, Герой Социалистического Труда Виктор Молозин говорил мне недавно с горечью: «Оглядываясь назад, я вспоминаю десятки, сотни молодых лиц, «просквозивших» через наши сибирские стройки. Называли их летунами, потом появилось ученое слово «мигранты». Были и такие, что растерялись, испугались, не смогли освоиться на новом месте в непривычной обстановке. Условия суровые, что говорить. Но примечательно: если находил человек интересную работу, которая и оплачивалась соответствующим образом, тогда он и с неважными жилищными условиями мирился, и отсутствие дискотеки мог перетерпеть. А вот без настоящего дела, попадая в ситуацию расхлябанности и неорганизованности, многие ломались и уезжали...»

Я вспомнил эти слова руководителя комсомольско-молодежной бригады, сидя в комсомольском штабе стройки Тюмень — Сургут — Уренгой — Ямбург. Разве история с Валерием Беспрозванным не подтверждение расхлябанности и неорганизованности в комплектовании отрядов добровольцев? Представители стройки закидывают «частый бредень» по шефствующим областям: ловись рыбка, большая и маленькая! При этом не скуются на обещания, горы золотые сулят.

Обком комсомола, как это было в Житомире, бросает свою «сеть». И тоже следуют щедрые посулы и заверения, что все будет в порядке — и работа по специальности, и хорошее общежитие, и крепкий заработок. При этом — ведь не новички же, не первый отряд комплектуют, — знают, что многие надежды добровольцев не оправдаются, а обе-

характеризует действия руководителей важнейших строек Красноярского края».

«Нам говорили, — пишут с Ямала, — что специалисты нужны позарез, а тут, как оказалось, ни один прораб, ни один мастер принять нас не хочет. Фраза: «Вы мне не нужны», — стала дежурной. Невольно возникает вопрос: что же получается? Обманули нас?»

Это выдержки из центральных газет. Можно продолжить цитаты, да что толку! И так ясно, какие глубокие корни в умах хозяйственных руководителей и комсомольских работников, формирующих ударные отряды, пустила психология экстенсивщины. Казалось бы, пора понять, что метод «частого бредня» изжил себя не только морально, но и «физически»: в нынешней пятилетке просто нет того запаса свободных трудовых ресурсов, которым страна обладала еще год-два назад.

Государственный убыток от разъезжающих по стране отрядов добровольцев измеряется не только рублем. Об этом почему-то очень редко вспоминают, но, может, это как раз и есть главный убыток — нравственный. Отсутствие точного расчета при общественном призыве, учета специальностей и возможности обеспечить жильем, столовыми, клубами, детскими яслями оборачивается разрушением молодой личности, разочарованием, ранним скептицизмом. «...Что же получается? Обманули нас?» — справедливо спрашивают добровольцы. И если мы не хотим кривить душой, то должны честно сказать: да, ребята, вас обманули, возвращайтесь домой. И где гарантия, что, вернувшись, эти битые комсомольским

ся с кистью и мастерком. Все будет в порядке. Будет ли?.. Ведь мне известен процент приживаемости — десять. А ну-ка, посчитаем. Что за чушь! По статистике получается: только полдевочки останется в Сибири...»

Я не написал тогда очерк. Не получилось как-то. С одной стороны, сверкающий никелем вагон, крахмальные простыни, аэрофлотовское мыло, туалетная бумага... Музыка, какао, сосиски... А с другой... Когда мы прибыли на станцию Коротчаево — это в девяносто километрах от Нового Уренгоя, — оркестра не было и хлеба-соли тоже. И шуток не стало слышно в поездке, хотя на дворе было первое апреля. Мела пурга, и столбик термометра упал до 37 градусов. В общежитии, куда поселили добровольцев, не успели настелить полы, гулял ветер, и до туалета надо было бежать почти стометровку.

Расписанный лозунгами поезд заносило снегом, он стоял на запасном пути, словно театральная декорация после спектакля. Столовая не работала, и девочки из Крыма, забравшись в сапогах на кровати, доедали вафли и печенье. Лица у них были вытянутые и скучные, потому что, оказалось, никто их здесь обучать штукатурному делу не будет, надо возвращаться в Тобольск.

Такая вот грустная история, бодро начавшаяся под звуки оркестра на Ярославском вокзале. Пустили пыль в глаза, проехали парадным маршем через всю страну, пошумели, отпаровывали и — с плеч долой. План по доставке добровольцев был выполнен, но половина из них оказались не нужными именно в этом месте. Здесь не приобре-

БЕЗответственности

скважины стали давать сбои, а потом некоторые из них и вовсе прекратили выдачу нефти. Государство понесло на этом миллионные убытки.

Далеко ходить за примером не надо: та же железнодорожная ветка до Ямбурга должна была быть введена два года назад и сейчас уже возить вахтовые бригады из Нового Уренгоя. Я уж не говорю об огромном потоке грузов, которые пока можно перебрасывать либо в короткую навигацию, либо «золотым» путем — вертолетами и самолетами.

Или взять ту же действующую дорогу Тюмень — Сургут — Уренгой. Ведь тысячеклометровая трасса — одноколейка — уже давно задыхается под напором мощных грузопотоков. Причем напряженность возникла не сегодня и не вчера, а в тот момент, когда были положены новенькие рельсы. И были, были трезвые головы, это они еще в пору проектирования убеждали в необходимости второго пути! Но тогда победили сторонники псевдоромантики.

«Ничего, — говорили они, — переберем. Главное, побыстрее бросить рельсы, взять нефть и газ. Пусть будет плохонькая дорога, пусть люди уютятся в балках и бараках, пусть нет клубов, детских и школ. Потом построим, а пока переберем...»

Самое удивительное, что такая позиция многим казалась высоконравственной: как же, забота о ресурсах, о плане, о государственных интересах.

О конкретном человеке думали в последнюю очередь, будто государственные интересы — это нечто отвлеченное, будто мы с вами и не составляем то самое, что зовется государством. Результаты такой неадекватности оказались трагическими, обернулись и экономическими, и социальными, и нравственными потерями.

Мой давний знакомый из объединения «Тюменстройпуть» бригадир монте-

жания хозяев не будут выполнены. Зато разрядка выполнена, можно быстро и красиво отчитаться. А результативность таких отрядов, убытки, которые несет государство, — это забота чужая. Авось кто-нибудь и оседает на ударных стройках...

Конечно, оседают, остаются, становятся передовиками и гордостью ударных. И области, пославшие этих молодых ребят, спешат в ура-патриотическом запале бить в барабаны: «Смотрите, наши посланцы получают грамоты и медали, ордена и даже звезды Героев! Они гордость и слава всей страны!»

Спору нет, стране есть чем и кем гордиться. Но, увы, дорогие товарищи обкомовцы, средний процент приживаемости по стройкам Сибири и Дальнего Востока не превышает десяти. Например, по данным Дальневосточного научного центра, за годы одиннадцатой пятилетки в эти края приехали 240 тысяч человек. Уехали за то же время 220 тысяч. В движении находилось почти полмиллиона людей, а в «осадке» оказалось только 20 тысяч!

По подсчетам экономистов, государство потеряло на перевозке, трудоустройстве и обустройстве мигрантов свыше пяти миллиардов рублей. Разорительные путешествия!

Не держал я в голове злославленной мысли кинуть по увесистому критическому камню в тюменцев и житомирцев. Просто мне показалось, что в судьбе и истории Валерия Беспрозванного достаточно отчетливо отразилась та общая неблагоприятная ситуация, которую переживает ныне «добровольческое движение».

«...Создается впечатление, что на ударные отряды некоторые хозяйственные руководители смотрят как на неиссякаемый источник неприхотливой рабочей силы. Поэтому и просят настойчиво: присылайте отряды, присылайте больше. Кто-нибудь да задержится. Вот такая тактика. В целом она

и административным равнодушием ребята по-прежнему будут свято понимать слова «долг», «гражданское мужество», «священная обязанность»? Ведь им все это уже говорили, звали в дали светлые, звали к их долгу и совести. Но оказалось — «слова, слова, слова», которые способны разочаровать не только рефлексирующего принца Датского, но и нашего современника.

Три года назад мне довелось ехать с ударным отрядом в Уренгой. Организация, снаряжение, экипировка отряда, проводы-встречи произвели внушительное впечатление. Листаю блокнот той поездки и буквально спотыкаюсь о восхитительные знаки. Для наглядности приведу обрывки тех записей.

«...Поезд набирает ход. Идем на завтрак в вагон-ресторан. Их на состав целых три. Проводницы в отутюженной форме разносят чай-кофе. На столиках в купе — вафли, печенье... Завтрак в вагоне-ресторане: сосиски с пюре, белый хлеб, масло, какао. Обед: рассольник, бифштекс с вермишелью, компот. Ужин: яйцо под майонезом, салат из свежих огурцов, мясо с жареной картошкой, кофе. Курорт, да и только!»

«В украинском отряде пять девушек держатся особняком. «Откуда, девочки?» — «Из Крыма». — «Из Крыма в Сибирь? Не боитесь? В Уренгое, говорят, сейчас сорок!» — «Хотим себя проверить. Испытать». — «Что значит испытать, морозом, что ли? У вас какие специальности?» — «Мы б/с». — «Как это понимать?» — «Так в анкетах писали. Б/с — без специальности».

«Проехали Тюмень. Оркестр, митинг, хлеб-соль, цветы. Температура пошла на крепкий минус. Девчата из Крыма немного скили. Мне все не дает покоя мысль: зачем, например, Гале Коровниковой, педагогу из Крыма, работать штукатуром? И кто в это время учит детей в Крыму? Возможно, девочек встретят в Уренгое, научат обращать-

ли штукатурка, а там потеряли школьного учителя. Дали образцовый урок показушности и не сделали из этого урока никаких выводов.

Я не за то, чтобы создавать добровольцу тепличные условия. Да, и сам комсомолец, записывающийся в отряд на ударную стройку, несколько не претендует на какие-то особые условия. Он едет в поисках реального, значимого дела. Он требует честности, уважительного отношения к себе и своему труду. А иначе зачем срывать его из родного дома? Ведь, согласитесь, для такого «сдергивания» нужны исключительные обстоятельства: там, куда его позвали, именно без него не обойтись. А ведь обходятся, да еще и удивленно разводят руками: «Зачем приехал?»

С каким настроением он будет работать? Второй закон Ньютона — сила действия равна силе противодействия — применим и к человеческим отношениям: как к тебе относятся — так и ты. И работать наш герой будет соответственно. И это со временем может стать привычкой, чертой характера.

Вот такие круги безнравственности разбегаются в молодежной среде при формировании ударных отрядов методом «частого бредня».

И не стоит думать, будто наш молодой герой считает только свои доходные расходы. Он требует высокой зарплаты, но ведь зарплата — если только это не «выводиловка» и не приписки — мера человеческого труда. Он требует не идеальных бытовых условий, но хотя бы сносных. Нынешний доброволец — дитя своего времени, и подходить к нему с мерками времен «Давай, давай!» по меньшей мере наивно. Только когда мы отнесемся к добровольцу с уважением, пониманием, по-государственному, от станции отправления — из своей комсомольской юности — он благополучно достигнет станции назначения — профессиональной и гражданской зрелости.

«ДИНАМО» С МОСКВА

«Смена» получила немало писем от любителей футбола с просьбами рассказать об одной из популярнейших наших команд — московском «Динамо». Сегодня на вопросы читателей отвечают тренер и игроки клуба.

Двадцать лет «сидим» вот на теплотрассе и столько же молимся на нее — случись авария, и все наши усилия — насмарку. Один раз прорвало-таки — вспоминать страшно. Восстанавливать, оказывается, куда сложнее, чем строить.

Отстроились в свое время Виталий Лебедев и собранная им группа энтузиастов тенниса действительно лихо. В 60-е годы жилой массив Химки — Ховрино был отдаленной окраиной Москвы, жители центра столицы туда словно за город приезжали — в канале искупаться, босиком походить. Красивый, зеленый район — просто загляденье. Только когда в 1967 году вышел приказ Госстроя СССР об обязательном создании спортсооружений в жилых микрорайонах, оглянулись вокруг местные градостроители и увидели, что, например, на 25 тысяч жителей второго квартала Химок — Ховрина спортивных площадок — ни одной.

Вот тут-то и «высунулись» лебедевцы со своей инициативой — отдайте нам пустырь за 167-й школой, помогите по возможности элементарными стройматериалами, и скоро в микрорайоне появится первый теннисный корт. Получается, что тогда они с райисполкомом выручили друг друга.

— Олифу, краску и металлические сетки для ограждения нам выделила жэк — за наши, естественно, средства. А директор школы тех лет вообще настоящим бизнесменом оказался. Только в то время слово это почему-то с ругательными интонациями было принято произносить, — вспоминает Лебедев.

Энтузиастов набралось человек двадцать, работали по вечерам, не глядя на часы, прихватывали субботы с воскресеньями и обещанный самим себе и райисполкому корт возвели быстро. Столь же быстро начались у них и первые неприятности.

— Всяких надменных наблюдателей около нашей стройки вертелась масса, все вместе носилок земли на корт не высыпали, но стоило нам закончить — они тут как тут, покрасоваться на корте никого не надо было упрашивать. И не то чтобы жалко нам было, нет. Детей, например, всегда с радостью пускали, ракетки учили держать, маленьких победителей, помню, конфетами угощали — вместе с побежденными. А взрослым «любителям кататься» предлагали сначала саночки повозить. Очень многие из них возмущались, грозили нашу «лавочку» прикрыть, писали письма в разные инстанции. Приезжали комиссии. Да, объясняли мы, у нас коо-

УСТАВ КЛУБА «ХИМКИ — ХОВРИНО»

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Клуб является общественной спортивной организацией, объединяющей на добровольных началах граждан, которые свой досуг посвящают теннису. Работа Клуба строится на кооперативных началах при широкой творческой инициативе физкультурной общественности, выборности всех его органов и отчетности перед членами Клуба.

II. ОБЯЗАННОСТИ КЛУБА

2.1. В ведении Клуба находятся два теннисных корта и тренировочная стенка, за содержание, эксплуатацию и санитарно-гигиеническое состояние которых Клуб полностью несет ответственность перед жэк-15 Ленинградского РЖУ.

2.2. На Клуб возложены следующие обязанности:

соблюдать правила и нормы технической эксплуатации теннисных спортивных сооружений; соблюдать установленные правила благоустройства, а также внутреннего и внешнего архитектурного оформления территории и строений, находящихся на корте; выполнять установленные правила по охране зеленых насаждений; соблюдать правила пожарной безопасности. Клуб осуществляет эксплуатацию вверенных ему спортивных площадок на основе самокупаемости.

III. СРЕДСТВА КЛУБА

3.1. Средства Клуба состоят из: вступительных членских взносов в размере, установленном общим собранием членов Клуба; взносов на содержание, эксплуатацию и текущий ремонт, величина которых устанавливается ежегодно общим собранием членов Клуба; прочих поступлений. По постановлению общего собрания Клуб может создавать специальные фонды, которые могут расходоваться в соответствии с предусмотренными в Уставе задачами Клуба.

IV. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЧЛЕНОВ КЛУБА

4.1. Член Клуба имеет право: активно участвовать в спортивно-общественной деятельности; добровольно по собственному желанию выйти из членов Клуба.

4.2. Член Клуба обязан: неукоснительно выполнять все пункты Устава Клуба; активно участвовать в строительстве новых и в сохранении существующих спортивных площадок Клуба; выполнять все постановления и решения общего собрания и правления Клуба.

V. ПРАВИЛА ПРИЕМА И ИСКЛЮЧЕНИЯ

5.1. Членами Клуба могут быть граждане, достигшие 18-летнего возраста и имеющие самостоятельный заработок. Дети школьного возраста автоматически считаются кандидатами в члены Клуба вплоть до 18-летнего возраста.

Печатается с сокращениями

VI. ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ

6.1. Органами управления Клуба являются общее собрание членов и правление. Общее собрание является высшим органом.

6.2. В задачи общего собрания входит: прием и исключение членов Клуба; установление размера вступительных и паевых взносов, а также взносов на содержание и эксплуатацию теннисных площадок; установление размера участия членов Клуба в эксплуатационных расходах; образование специальных фондов Клуба; рассмотрение жалоб на правление и ревизионную комиссию; вопрос о ликвидации Клуба; вопрос о трудовом участии членов Клуба в сооружении и эксплуатации спортивного комплекса; выборы правления и ревизионной комиссии.

6.3. Общее собрание созывается правлением Клуба не реже двух раз в год.

6.4. Правление Клуба является исполнительным органом. Оно подотчетно во всех своих действиях общему собранию и выполняет свои обязанности на общественных началах (без оплаты). Правление Клуба в составе 3 человек избирается общим собранием сроком не менее чем на два года. Из своего состава избирает председателя правления и его заместителя.

6.5. В обязанности правления входит: организация и руководство по всем вопросам, касающимся общественно-спортивной и хозяйственной деятельности Клуба; сбор установленных общим собранием вступительных и паевых взносов от членов Клуба; составление планов, смет и отчетов; составление календаря соревнований и их проведение; осуществление надзора за эксплуатацией и сооружением спортивных площадок; ограничение прав членов Клуба, систематически не выполняющих своих обязанностей, на срок до трех месяцев; прием и увольнение рабочих, обслуживающих теннисные площадки; заключение договоров и соглашений от имени Клуба; ведение делопроизводства Клуба; отчетность о финансово-хозяйственной деятельности перед общим собранием членов Клуба не реже одного раза в год.

VII. РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ

7.1. Ревизионная комиссия избирается общим собранием членов Клуба в составе не менее трех человек сроком не менее чем на два года и является контрольным и ревизионным органом Клуба. В обязанности ревизионной комиссии входит: проведение не реже одного раза в шесть месяцев плановой ревизии всей финансово-хозяйственной деятельности Клуба и сообщение о результатах ревизии общему собранию Клуба; проверка и ревизия расходных денежных документов, отчетных и других данных; в случае выявления во время ревизии и проверок нарушения Устава, неправомерных действий членов правления или отдельных членов Клуба доведение этих сведений до общего собрания членов Клуба.

Членский взнос — 10 рублей с каждого. Вступительный — несколько больше, и чтобы внести его в клубную кассу, необходимы рекомендации от двух членов клуба с не менее чем двухгодичным стажем. Деньги эти идут на поддержание корта в игровом состоянии, приобретение спортивного инвентаря, призов...

Все новое нередко встречается в штучки. А теннисный кооператив «Химки — Ховрино», или, как стали называть его сами играющие, «Хи — Хо», был, согласитесь, в то время просто уникален в своем роде. И хоть жители окрестных домов жаловались на стук мячей ранним утром, любители домино — на незаконно отнятую у них территорию — ничья ведь была, почему именно теннисистам? — да и районные финансовые органы никак не могли определить твердого своего отношения к клубу, но все больше людей сплачивалось вокруг первых энтузиастов — и с лопатой, и с ракеткой. Тесно становилось на одном корте.

Выручил соседний чугунолитейный завод имени Войкова. Лебедев, узнав, что отходы шлака заводские шоферы за 60 километров от Москвы вывозят, чтобы там в землю зарыть, отправился к директору. Тот, быстрехонько прикинув одну только экономию бензина, распорядился разгрузить 40 машин у себя под боком — площадка под еще два корта была готова.

Их бы наверняка соорудили быстрее первого — благо и опыт уже имелся, и рабочих рук поприбавилось. Но кто только не заявлял о своих правах на возникший вдруг утрамбованный земляной прямоугольник! По ночам какие-то «активисты» вкапывали на место будущего корта столбы и натягивали бельевые веревки. К вечеру столбы выдвигались вон, а утром на их месте красовались забитые посаженные колосе кустарники. Впору было вводить должность ночного сторожа.

— Мы сами, кстати, все правила застройки строго соблюдали, — рассказывает Лебедев, — к жилым сооружениям, согласно приказу Госстроя, ближе чем на двадцать метров не приближались и все свои проекты с начальством — от школьного до райисполкомовского — согласовывали. Так, в борьбе, и появились у нас два стандартных корта и один поменьше, для одиночных соревнований, 18-метровая стенка, разделалка, душевые, помещение под шахматный клуб.

Когда «Хи — Хо», наконец, расширился, он смог принять в свои ряды уже 60 человек — всех, кто доказал право на членство в нем с мастерком и малярной кистью в руках. Членские взносы все те же — 10 рублей. Этой суммы, правда, не хватало, чтобы содержать в идеальном порядке три корта и стенку. Остальное компенсируется работой — субботники и воскресники здесь по-прежнему в ходу. После окончания сезона правление решает, какое количество часов ранней весной должен отработать каждый член кооператива. Если кто-либо по различным причинам недоработает своих «трудодней», вносит в клубную кассу денежную компенсацию из расчета рубль за час.

— Клубы по нашему образцу можно создавать всюду — убежден Виталий. — Ведь ничейной, дармовой, по существу, земли даже в Москве — масса. Если найти шефов в лице какого-нибудь крупного предприятия, было бы совсем здорово. Официальное соглашение с таким партнером гарантировало бы от многих нападков со стороны. На нас, например, до сих пор всякие кляузы сыплются, дескать, мы каким-то непонятным для всех образом здесь обогащаемся. Но уже одно то, что злопыхатели два десятка лет меняются, а мы по-прежнему живы, подтверждает все-таки нашу, а не их правоту.

Сергей ВЯЗЬМИТИН

КООПЕРАТИВ БЕРЕТ НА СЕБЯ

НЕУСТААНОВЛЕННЮ

Сергей УСТИНОВ

1

«Ф»

отография» за углом направо. Но, выйдя из подъезда, мы обычно бежим налево, чтобы солнце не било нам в глаза. Мы бежим вдоль высоких витрин универмага, набирая скорость, стараясь перегнать наши отражения, и, как всегда, Антону это удается первым. Кончается витрина, мы снова сворачиваем налево, подныриваем под поручнем (вернее, я подныриваю, Антон лихо перепрыгивает) и, резко сбавив темп, семеним теперь по дорожке пыльного сквера.

Сквер обрывается памятником (ради которого, боюсь, он и был тут разбит), и начинается самый неприятный отрезок пути — четыреста метров людного проспекта. Бежать приходится по самой кромке тротуара между потоком людей и потоком машин. Антон здесь уже не рискует больше вырываться вперед, а предпочитает держаться в кильватере за мной. Чаще всего мы не выдерживаем и слабовольно заскакиваем в арку между булочной и аптекой, режем угол через двор и быстрее, чем положено, оказываемся на тихой улочке, в конце которой отсвечивает на солнце вывеска «Фотография».

Мимо этой вывески мы уже не бежим, а идем спортивным шагом, я привожу в порядок дыхание, поднимаю и расслабленно бросаю руки, краем глаза посматриваю, как в окружении прилизанных, раскрашенных, толстощеких детей, бравых вояк, пышноволосях девиц и даже одного классически курчавого негра перебирает за своим столом пакетики с фотографиями, отпуская очередного клиента, худенькая курносая приемщица. Вдох, выдох — и мы уже за углом.

Но только не сегодня. Потому что я не собираюсь, как обычно, пройти мимо. Мне надо сфотографироваться.

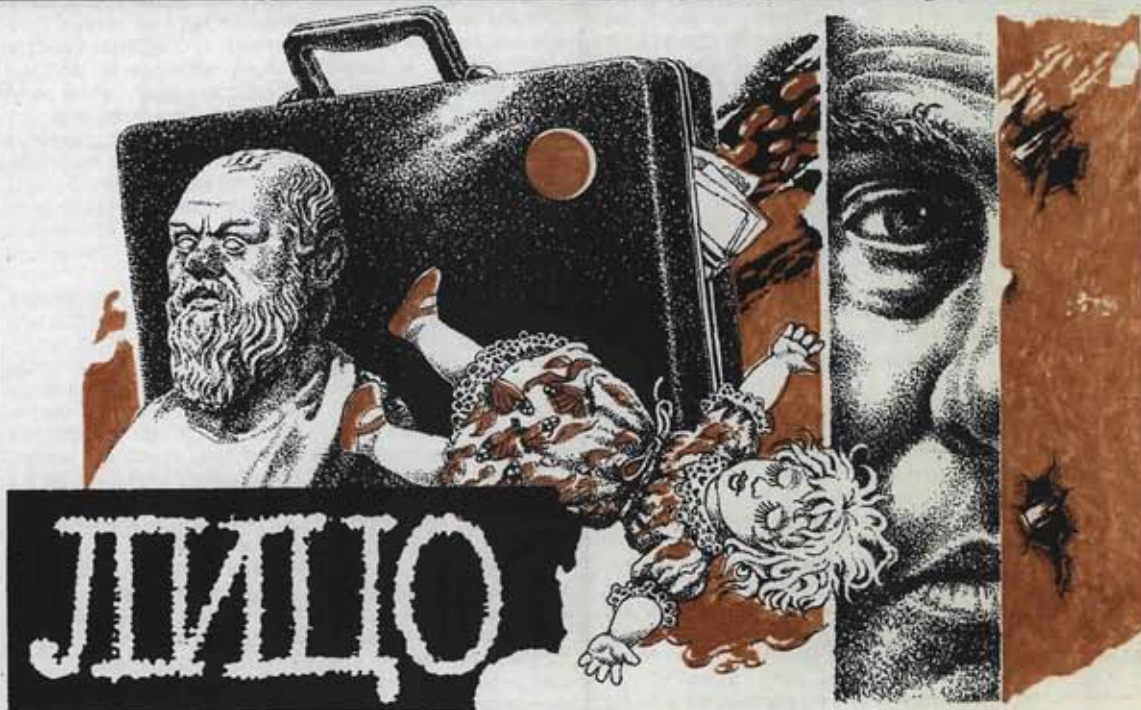
— Жди здесь, — сказал я Антону, и он с удовольствием уселся на асфальт, свесив на сторону язык. Я толкнул дверь и вошел внутрь. Передо мной на стульях сидела очередь человека в три, я пристроился с краю и от нечего делать впервые рассмотрел предмет своего скромного любопытства, так сказать, в натуральном виде.

Ошибется тот, кто подумает, что я сейчас расскажу, как долгие месяцы платонически влюбленный болван бегал мимо, не решаясь толкнуть дверь. Наверное, влюбившись по-настоящему, я бы столько времени не ждал. (Хотя рассуждение вполне теоретическое, ибо за двадцать восемь лет жизни ничего подобного со мной пока не случилось.) И вообще никакой трогательной истории здесь нет. Просто все мои редкие романы начинаются, как правило, не по моей инициативе и заканчиваются на удивление быстро и легко, обычно сопровождаясь обоюдным разочарованием. А вот фантазии более жизнестойки.

Почему нельзя себе представить, что симпатичная приемщица, живое курносое лицо в царстве глянцево-изображений, одинока, может быть, даже несчастна? Вдруг и она тихо мечтает повстречать на своем пути настоящего мужчину, обладателя какой-нибудь мужественной профессии? Как замечательно все могло бы получиться, если бы в один прекрасный день счастливый случай дал нам возможность разговориться! Например, она заведет себе собаку, которая подружится с моим Антоном. «Ах, какой очаровательный песик! Это дворняжка?» И я снисходительно начинаю объяснять, что Антон на самом деле благороднейших кровей пес. Что это бигль, низкорослая английская гончая, редкая в наших краях порода, которой уже тысяча лет. А там слово за слово... Но нет у нее собаки.

Уж, наверное, мой друг Северин ждать бы не стал, через пять минут сидел бы у нее на столе, что-нибудь рассказывал, а она бы заливалась от хохота. Но что до меня, я и под расстрелом не придумаю, как завладеть вниманием женщины, если, конечно, этого не требует служебная необходимость. Ну что мне, удостоверение ей показывать? «Уголовный розыск. Не хотите вечером в кафе сходить?» Тыфу!

— Три на четыре, — сказал я, когда подошла моя очередь. Даже не подняв головы, она бесчувственно приняла деньги и выписала мне квитанцию. И все время, что я под неприязненным взглядом фотоаппарата, мрачного типа с ушами, похожими на крылья,

Рисунки Игоря Гончарука

суетливо вытаскивал из пакета и надевал на себя рубашку, галстук, форменный китель, усаживался на стул, делал «лицо», поднимал подбородок и ждал, когда вылетит птичка, в голове моей, словно рыба в проточной воде, стояла на одном месте, слабо шевеля плавниками, самоуверительная мысль: с равной вероятностью эта не слишком приветливая приемщица может оказаться полной душой или, того хуже, стервой. Так стоит ли горевать о том, чего никогда не узнаешь?

На такой философской ноте начался этот июльский денек. Кто-то сказал, что счастье — это когда утром хочешь на работу, а вечером домой. Я и в метро продолжал философствовать, размышляя над тем, что если домой меня по вечерам пока тянет не слишком, то по утрам на работу хочется почти всегда. Значит ли это, что я хотя бы наполовину счастлив?

Когда я открыл дверь в нашу комнату, Северин сидел, подперев лоб рукой, и, как я сразу определил, потихоньку доходил. Дама шестидесятих размеров, вся, как елка, в позвякивающих серебряных монистах, растекшись по столу необъятным бюстом, что-то нежно рокотала ему в лицо. Я вошел на фразе:

— Вы обязаны меня понять: с тех пор, как мне стало известно, что мой муж изменяет мне с какой-то продавщицей, я тоже получила моральное право...

— Моральное лево, — вяло вставил Северин, поднимая на меня страдальческие глаза.

Дама отпрянула. По груди ее пронеслось легкое цунами. Оценив ситуацию, я влез в паузу официального голоса:

— Станислав Андреич, вы не забыли, у нас совещание?

Взгляд, которым эта суфразжисточка меня наградила, не поддаётся описанию. Я ощутил прилив солидарности с ее неведомым мужем. Получив у Стаса подписанный пропуск, она метнула в мою сторону последний заряд презрения и пронеслась к двери, чуть не сбив меня воздушной волной, как электропоезд в метро.

— Молоко надо давать на такой работе, — проворчал Северин, разминая затекшие члены. — Это, между прочим, тебе не фунт изюму — замдиректора торга! Идет свидетелем по делу Голуба. А по одному эпизоду — молчок. У нее, видишь ли, интрижка с соседом по подъезду, она дома оказалась в неурочное время. Уркаганов колоть легче, ей-богу!

В дверь бухнуло с той стороны, и в комнату спиной вошел Комковский. Цепляясь за углы, он потащил по проходу что-то тяжелое и неудобное, донес до своего стола и со стуком водрузил посередине. Потом отошел в сторону, и мы увидели здоровенную деревянную

кадку с землей, из которой произрастало отнюдь не экзотическое на вид зеленое растение с тройкопестрыми листьями. Отчетливо запахло то ли петрушкой, то ли сельдереем.

— Вот молодец, Игорек, — преувеличенно обрадовался Северин. — Я давно думал: чего у нас в комнате на хватает? Зеленых насаждений!

Комковский неопределенно хмыкнул, упал на свой стул и зашарил по карманам в поисках сигарет.

— Хорошее дело, — подхватил я. — Вон ребята на подоконнике китайскую розу вывели. А Никитин карликовыми пальмами балуется, так на них, знаешь, какой спрос... В очередь люди записываются!

— Кончай трепаться, — прервал меня Комковский, обдавая растение струей дыма. — Дописал отчет?

— Дописываю.

— Игорь Федорович, а правда, что это? — робко спросил Северин. — Вы, конечно, как старший группы можете не отчитываться перед подчиненными, но может быть, для общего развития...

Стас обожающе подкалывал Игоря на предмет его начальственного над нами положения, но Комковский стоически не обращает внимания.

— Прежде всего, — сказал он, воздев назидательно палец, — это вещественное доказательство, необходимое для проведения соответствующей экспертизы. И обратите внимание, юноша, что старший группы, как вы изволили выразиться, не поленился смотаться за ним в ботанический сад и припереть его сюда на своем горбу!

Тут только я увидел, что в землю рядом с растением воткнута табличка с латинской надписью, и заметил:

— За таким делом можно было и водителя послать. Игорь презрительно на меня зыркнул и продолжал как ни в чем не бывало:

— Это, так сказать, с точки зрения юридической. А с ботанической... — Он извлек из кармана бумажку и стал зачитывать, будто речь шла о кличках матерого уголовника: — Вех, он же вяха, он же болиголов, он же водяная бешеница, он же мутник, он же гориголова, кошачья петрушка, собачий дягиль, свинья вошь...

— Ничего себе названьица! — рассмеялся Северин.

— А по-научному, — продолжал Комковский, — Кониум макулатум, или Цикута вироза. Ядовитое растение из семейства зонтичных, встречается на болотах, по берегам озер и прудов.

— Короче, травка-отравка, — сказал я, усаживаясь за свой стол и придвигая к себе машинку с недопечатанным отчетом.

Судмедэксперт неторопливо спрятал в карман кусочек замши, которым протирал стекла очков, сами очки сложил в футляр и упрятал его в другой карман.

— Сколько вопросов, и на каждый нужны точные ответы.

— Нужны, — подтвердил Комаров.

— А точные я пока не могу, — ворчливо продолжал судмедэксперт. — Точные только после вскрытия. Ночью прохладно было, с утра жара несусветная, а тут все учитывать надо. Я вам сейчас отвечу не так, а вы потом скажете: стар стал Макульский, на пенсию его пора! Ладно, ладно, — замахал он рукой, увидев, что Комаров собирается возражать, — сам знаю, что пора. Значит, так. Произошло это вчера, между 18 и 20 часами. Стреляли в висок, с близкого расстояния, но выходного отверстия нет, так что пулю вы получите. Никаких других следов насилия нет. Пока все.

— Ничего себе! — не удержался я. — Это что же, выходит, он ее среди бела дня угрохал?

Макульский взглянул на меня и развел руками.

— Выходит так. Именно среди бела дня и именно, как вы изящно выразились, угрохал.

— Это при том, что во дворе полно народу, а в этом доме резонанс, как в пустой консервной банке! — продолжал я возмущаться. — Как же никто выстреляло не услышал?

— В том-то и фокус, что резонанс, — пробурчал Северин. — Стройка: все время что-нибудь упадет, зазвенит, доска какая-нибудь хлопнет.

Пришел Балакин.

— Константин Петрович, тут мои ребята черный ход нашли.

Мы всей гурьбой двинулись за ним.

— Вот, — говорил Балакин, открывая одну из дверей, за которой после куцей площадочки сразу начиналась крутая узкая лестница. — Он в другой двор, на ту сторону выводил. И собачка здесь сразу след взяла. Но до выхода на улицу добежала — и все, потеряла... Мы сейчас свет сюда перенесем, все хорошенько обсмотрим. А так пока больше ничего...

Через час мы сидели в отделении, в балакином кабинете, и обсуждали план работы.

— Отработку жилого сектора начали?

— Да, ребята пошли уже. Участковые им помогают.

— Все кафе окрестили, рестораны — это вечером.

Приметы женщины у всех есть?

— Раздали.

— Винный?

— До него два квартала.

— Надо поговорить с постоянными клиентами.

У них с пяти до семи самая сходка. Может, видели чего.

— Балакин, — сказал Комаров, — а как у тебя тут с «отелями»?

— Район привокзальный, — усмехнулся Дима. — Есть маленько.

— Займись лично. Вместе с Невмяновым. А Северин пускай поработает с пенсионерами во дворе.

План разрастался вглубь и вширь. Кое-какие его пункты выполнялись тут же. Начальство стало понемногу разъезжаться. Комаров сказал на прощание:

— До двадцати одного я у себя. И завтра первым делом зайдите ко мне, ясно?

3

— Вон те два, на первом этаже, справа от подъезда, — сказал Балакин.

Несмотря на жару, окна были плотно закрыты и зашторены.

— А он нам откроет? — спросил я с сомнением.

— Нет, конечно. Притворится дохлым тараканом — и ни гугу. У него система известная: звонят в дверь — тишина, а он следит из окна в щелочку, кто выходит из подъезда. Знающий человек вернется, еще раз позвонит, если свой — заходи. Тут и бродяги могут обраться, и вообще темные личности.

— А что, прижать-то не удается?

— Прижимаем потихоньку, — вздохнул Балакин. — Да все не так просто. Закон есть закон, основания нужны. У них ведь каждый раз: родственник на одну ночку остановился. Но ничего, все они в конце концов попадают на чем-нибудь...

Мы подошли к дому и остановились под окнами.

— Отойти-ка в сторонку, чтоб тебя видно не было, — сказал мне Балакин. — Сейчас мы его обмануть попробуем. — И пробормотав: «Любопытство сгубило кошку», — он легонько отбаранил пальцами по стеклу, а сам прижался к стене.

Целую минуту никакой реакции не было. А потом занавеска дрогнула. Нас увидать из окна было нельзя. Занавеска еще раз дрогнула и решительно поплыла в сторону. Балакин выскочил вперед.

— Данильч, я тебя видел! — закричал он радостно. — Давай открывай!

За стеклом появилась недовольная физиономия хозяина.

— Открывай, открывай, — приговаривал Балакин.

Шпингалет щелкнул, и Данильч, оттолкнув створки, навалился грудью на подоконник. Я увидел, что это здоровенный мужик, косая сажень, то, что называется «будка», только изрядно заплывшая уже жирком. Вместо левой руки у него была культя, нежная и розовая.

— Чего тебе опять надо, ирод? — спросил он Балакина со страданием в голосе. — Что ты, коршун, опять пришел трудового инвалида терзать?

— Это как следует понимать «трудового инвалида», Иван Данильч? — весело, не в тон ему спросил Дима. — Ежели в смысле «инвалид труда», так ведь всем известно, что ты по пьянке под поезд свалился на станции метро «Красносельская». Ну а если в смысле того, что ты, несмотря на инвалидность, продолжаешь трудиться, так это вранье. Площадь государственную сдавать за денежки не велик труд.

— Ты докажи сперва, — пробурчал Данильч. — Чего надо?

— Поговорить, — ответил ему Балакин. — Потолковать с тобой охота. Так ты бы пустил меня в дом, а?

— О чем потолковать? — все так же хмуро спросил инвалид, не трогаясь с места.

— Да разве ты не слыхал? — удивился Балакин. — Женщину вчера в шестнадцатом доме убили.

— Слыхал. А я при чем?

— Да я и не говорю, что ты при чем. Но у тебя тут разный народ бывает. Может, кто чего видел?

— Ктой-то у меня бывает? — настороженно спросил Данильч. — Никто у меня не бывает. Завязал я с этим.

— Неужто и сейчас никого нет?

— Нету...

— Вот и пусти меня, — резюмировал Балакин.

Но увидев, что хозяин медлит, сказал уже жестко:

— Ой, Копцов, не шути шуток, ты меня знаешь!

— Да что вы все — шути не шути, — заканючил Данильч. — Отсюда, что ль, поговорить нельзя?

— Лучше в квартире, — гнул свое Балакин.

Копцов тяжело вздохнул, а Дима, отвернувшись ко мне, сделал страшное лицо, ткнул в сторону подъезда и показал четыре пальца. Я по стенке добежал до парадного, влетел туда и едва успел сориентироваться на полутемной площадке первого этажа, где тут квартира № 4, как осторожно приоткрылась дверь именно с этим номером. Бочком из двери начал выползать небольшой человечек, но так до конца вылезти и не сумел, потому что попал в мои объятия.

— Ой! — сказал он то ли от испуга, то ли оттого, что я слишком сильно прижал его к себе: мне хотелось сразу понять, нет ли при нем оружия. Оружия не было, и я его отпустил, сказав тихо, но веско:

— Спокойно, уголовный розыск. Зайдите обратно в квартиру.

В прихожей было темно, я нашарил выключатель и, когда свет зажегся, увидел перед собой трясущуюся личность с небольшим саквояжиком в руке.

— Документы, гражданин, есть у вас?

Он свободной рукой извлек из кармана паспорт.

— Солдатов Валерий Николаевич, — прочитал я. Паспорт был прописан в Ярославле. — А в Москве какими судьбами?

— Заехал вот... к родственнику... — прошептал он.

— Давайте в комнату пройдем, — предложил я.

Копцов обернулся к нам на шум, и Балакин, приподнявшись на цыпочки, заглянул в комнату.

— О! — воскликнул он, увидев Солдатова. — Вот это встреча. Подождите, я сейчас.

Через несколько секунд Дима был в квартире и говорил, указывая на Солдатова:

— Рекомендую: Дрыночкин Семен Ильич, по прозвищу Дрына, 1952 года рождения, ранее судимый, квартирный вор-гастролер, разыскивается органами внутренних дел Ярославля, Владимира и Москвы.

Я протянул ему паспорт на имя Солдатова.

— И документы поддельные! — воскликнул Балакин. — Я ведь его почему так хорошо знаю, — пояснил он мне. — Гражданин Дрыночкин у меня на территории в одной квартирке извоили пальчики свои оставить. Что же это ты так неаккуратно, Сеня, а?

Дрыночкин уныло пожал плечами и понурился.

— Ах ты, гнида, — неожиданно подал голос Данильч, — а говорил, командировочный!

— Но-но, граждане, — сказал Балакин. — Это вы потом разберетесь, кто кому чего говорил. А пока придется у вас, гражданин Копцов, обыск сделать.

— У меня-то почему? — ахнул хозяин.

— Как почему? Воров к себе жить пускаете с поддельными документами и еще спрашиваете. Уголовный розыск имеет основания предполагать, что в вашей квартире могут находиться краденые вещи.

— А постановление? — сделал он слабую попытку.

— Будет постановление. Где тут у вас телефончик? Через час в присутствии понятых из внутренней полости дивана Копцова были изъяты две женские дубленки и одна ондатровая шапка.

— Ваши? — спросил Балакин.

Копцов молчал, уронив голову на грудь. Рядом с дубленками лежал новенький черный «дипломат».

Лицо журнала. За ним прежде всего позиция, выраженная четко, ясно проводимая. Лицо журнала — это выбор проблем, которые ставятся перед читателем.

Лицо журнала — это отношение к читателю, уважение к нему, к его способности понимать и увлекаться.

Лицо журнала — это его авторы, которые постоянно печатаются на его страницах либо приходят в него, привлекая его позицию в жизни общества.

Определяя, каким быть нашему журналу в будущем году, мы можем сказать миллионам наших подписчиков и читателей: журнал намерен отстаивать такое отношение к жизни, которое можно определить как плодотворное, активное, творческое.

Мы будем помогать тем, кто считает дело обновления жизни своим личным делом. Мы будем знакомить с теми, в ком воплощен моральный и духовный облик действующего человека наших дней, патриота, чья любовь к своей Родине выражается в конкретных поступках и действиях. Мы намерены бороться словом и делом с теми, кто сознательно и бессознательно тормозит движение жизни, разлагает нравственную атмосферу нашего общества, кто заражает молодежь неверием, скепсисом, равнодушием. Убеждены, что все материалы, попадающие на журнальные полосы, должны нести свежий ветер времени. В них должна биться и пульсировать та же жизнь, что окружает нас. Будь то выступление нашего специального корреспондента в защиту молодого труженика, столкнувшегося с бюрократизмом, рвачеством, высокомерным неуважением к рабочему человеку, будь то рассказ или приключенческая повесть, которым всегда по традиции отводится много места в «Смене». В остросюжетных произведениях, над которыми сейчас работают для журнала самые известные мастера жанра, вы встретитесь с конфликтами и схватками характеров и темпераментов именно наших дней.

В то же время мы никогда не забывали, что человек, не знающий истории своей страны, своего народа, не знающий, какой ценой оплачен наш сего-

дняшний день, не ведающий, до каких душевных и духовных высот поднимались в своей борьбе и страданиях его предки, его предшественники, в сегодняшнем бурном мире, переполненном разноречивой информацией, способен растеряться, погнаться за ложными идеалами. Вот почему всегда со страниц журнала доносится глас истории, которая живет в нас, воспитывает нас, направляет наши поступки.

Журнал готов рассказывать молодым о всех новостях молодежной культуры, новых способах проведения свободного времени, но намерен делать это, откровенно и ясно высказывая свое отношение к ним. В наше время, когда в массовой культуре столь велик и безостановочен напор суррогатов, агрессия духовного вакуума приобретает угрожающие размеры, мы намерены называть вещи своими именами, мы готовы спорить, чтобы сообща отделять истинное от ложного, талантливое от безвкусной подделки на потребу дня, возвышающее человека от развращающего его.

Наш мир многообразен, многомерен, разноречив. Но есть в жизни человека ориентиры, которые позволяют ему всегда, во всех ситуациях быть личностью, человеком, способным действовать и брать на себя ответственность. Вот о чем мы намерены прежде всего говорить с нашим читателем. Говорить во весь голос.

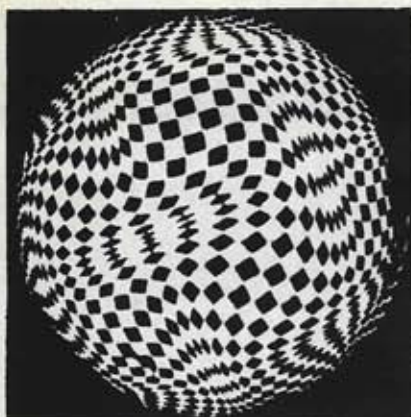
Приглашаем вас, дорогие друзья, подписаться на «Смену».

24 журнальные книжки, годовой комплект, стоят 8 рублей 40 копеек, подписка на полгода — 4 рубля 20 копеек, на три месяца — 2 рубля 10 копеек.

Напоминаем:

в розницу журнал будет поступать в ограниченном количестве. До встречи на страницах «Смены»!

СМЕНА

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Вопрос оригинальности шахматной задачи является одним из самых важных в современной композиции. Каждая задача должна быть плодом собственной фантазии автора, содержать в себе существенный элемент новизны, а не повторять уже известные идеи и замыслы. Однако редко какому автору удается полностью избежать в своем творчестве подобных совпадений. В таком случае говорят о наличии предшественника. Предшественник — ранее опубликованная композиция, замысел и конструктивное оформление которой в какой-то степени совпадают с вновь публикуемой. Если и замысел, и конструкция совпадают полностью, то более позднее по времени публикации произведение лишается права на существование, как имеющее полного предшественника. Если в задаче с известным замыслом внесены существенные конструктивные изменения, значительно уменьшено число фигур, добавлен тематический вариант и т. п., то такая задача имеет право на самостоятельное существование и публикацию.

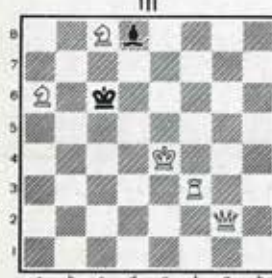
Десятый тур

Белые: Крf1, Сс5, Сd3 (3)
Черные: Крh1, Кg5, п. f4, h2 (4)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Крe1, Лa1, Лb2, п.g7 (4)
Черные: Крс4 (1)
Мат в 3 хода (2 балла)

Белые: Крe4, Фг2, Лf3, Ка6, Кс8 (5)
Черные: Крс6, Сd8 (2)
Мат в 3 хода (2 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 10-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 1 сентября.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

ГИМНАСТИКА УМА

Итоги первого задания

Стремление редакции привлечь внимание читателей к кроссвордам на первый взгляд может показаться странным. Ведь и без того эта игра становится все популярнее. Но нам кажется, что привычный кроссворд с определениями типа «металл» или «лиственное дерево» безнадежно проигрывает перед таким, где определения познавательные либо интригующие. Он становится школой знаний как для составителя, так и для отгадывающего, требуя умственных усилий и поисков и от того, и от другого. Именно к такому кроссворду приближает читателя наш конкурс.

«Конкурс значительно обогатил мои знания, особенно в области музыкальной» — лейтмотив многих писем. «Благодаря вашему конкурсу мне удалось собрать самый большой «оркестр» в мире», — с доброй улыбкой написала А. Денисова из Курска. «Спасибо за то, что помогли мне окунуться в мир искусства среди стольких дел. Времени, конечно, не хватает. Я учусь в университете на вечернем отделении. Мне скоро 18 лет. За интересным, творческим, захватывающим делом забывала чуть ли не обо всем. Еще раз спасибо» — это из письма Ольги Бадрызловой из Тюмени. Шофер Ю. Сепханов из Кировабада написал: «Чем труднее задание, тем больше познаешь. Поэтому желаю, чтобы такие традиции в «Смене» продолжались вечно».

Спасибо, друзья, за добрую оценку темы и условий конкурса. А мы порадовались за очень высокие результаты, показанные вами. Достаточно сказать, что 225 участников набрали сто и больше очков. Причем это лишь те, кто ни в чем не отступил от условий первого задания (к сожалению, не все внимательно их изучают). 38 участников набрали по 151 и больше очков, а 16 из них — по 171 и больше. Четверо сумели сделать, казалось бы, невозможное: они заполнили отнюдь не простую сетку только названиями музыкальных инструментов. И уж совсем невероятное, хотя и очевидное сделал наш прежний победитель А. Шайхрамов из села Бакалы Башкирской АССР: он прислал два кроссворда, загадав в них 120 музыкальных инструментов! Разных, не повторяясь. К тому же постарался многим словам дать интересные определения. Жюри единогласно присудило ему первое место. По 180 очков набрали также М. Воробьев из Москвы, В. Закревский из Киева и О. Кошкер из г. Тореза Донецкой области. 177 очков набрал В. Лебедев из Казани. Все названные участники награждены книгой «Крылатые слова» и дипломом «Смены». Редакция предоставляет им право напечатать вне очереди по одному обычному кроссворду, в котором не должно быть никаких отступлений от правил, напечатанных в № 4 журнала за этот год, и должны быть интересные определения слов.

Дипломами «Смены» награждены В. Май из Душанбе и М. Старобинец из г. Горького (по 176 очков), А. и Е. Поезд из Москвы (175 очков), А. Борисов из Конакова Калининской области (174 очка) и А. Арутюнян из Еревана (172 очка). Кроме того, жюри сочло возможным наградить дипломом «Смены» А. Денисову из Курска, набравшую 143 очка. Ее кроссворд самый интересный из всех присланных по определениям слов. В одном из ближайших номеров мы его напечатает, и читатели сами в этом убедятся. В качестве источников А. Денисова использовала 42 издания, в числе которых есть многотомные.

Сердечно поздравляем победителей! В заключение любопытный факт. А. и Е. Поезд свою работу (они прислали два кроссворда) делали с помощью ЭВМ, заложив в ее память около 1100 названий музыкальных инструментов, извлеченных ими из 6-томной «Музыкальной энциклопедии». Но этого, как они пишут, оказалось мало, и они ввели еще свыше 200 фамилий мастеров музыкальных инструментов. Таким образом ЭВМ составила для них конкурсный кроссворд на 175 очков, отстав от семи победителей. Человеческий разум пока гибче и сильнее. А если к тому же брать определения слов, то преимущество человека как творца перед ЭВМ еще очевиднее.

ОТВЕТЫ

НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

1. Штучер. 7. Хохлач. 11. Гюрза. 12. Надел. 13. Вагнер. 14. Йенсен. 15. Риачос. 17. Митинг. 18. Орла. 21. Кедр. 23. Тоили. 24. Дидактика. 25. Фариа. 28. Шеколда. 29. Рояль. 30. Изумруд. 33. Железнодорожник. 34. Днепродзержинск. 38. Счастье. 39. Штрек. 40. Циркуль. 43. Брода. 45. Глоксиния. 46. Кузня. 49. Икра. 52. Сват. 53. Элегия. 54. Ацетон. 56. Юность. 57. Зигзаг. 58. Абзац. 59. Истец. 60. Арахна. 61. «Фараон».

По вертикали:

1. Швиот. 2. Ушгули. 3. Егер. 4. «Рюрик». 5. Язычник. 6. Тактика. 7. Хейнс. 8. Олег. 9. Ласкер. 10. Чинара. 16. «Старосолдатская». 17. Металлокерамика. 19. Роден. 20. Аллонж. 21. Калмык. 22. Дивун. 26. Одолженье. 27. Изгнанник. 31. Озеро. 32. Горжа. 34. Досада. 35. Кактус. 36. Очерк. 37. Глина. 41. Плагат. 42. Витебск. 43. Бирюза. 44. Орлова. 47. Звезда. 48. Ятаган. 50. Эльба. 51. Жозеф. 53. Этан. 55. Ница.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1445)

август 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

Валерий ВИНУКUROV
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются

© Издательство «Правда»,
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 19.06.87.
Подписано к печати 02.07.87.
А 04740. Формат 70×108 1/8.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 2102. Заказ № 884
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

МАЙМА ВАЙКУМЕ

Окончание. Начало см. на 6-й стр.

динение решило показать свою власть над нашим коллективом, и в Москву нас не отпустили. Тогда мы расстались с объединением.

Началась новая жизнь и новые проблемы, которые, словно вечные спутники, сопровождают артистов эстрады: трудно с подбором репертуара, с современной музыкальной и усилительной аппаратурой. Не менее сложный вопрос — сценические костюмы. О том, чтобы шить их через филармонию, не может быть и речи: уиму времени занимает процесс оформления бумаг, затем пошива, а когда все этапы вроде бы позади — туалеты морально устаревают, выходят из моды... Поэтому сама беру в руки карандаш и фантазирую...

Меня часто спрашивают, не жалею ли, что не вышла на всесоюзную эстрадную сцену в более раннем возрасте? Нет, не жалею. Во-первых, та школа, которую я прошла, помогла найти свое амплуа, опробовать разные стили и выйти к широкому зрителю хорошо подготовленной,

с определившейся точкой зрения на свое искусство. Во-вторых, мой возраст — 32 года — помогает найти общий язык с довольно обширной аудиторией. Я не ставлю перед собой задачи во что бы то ни стало нравиться только подросткам. Мне хотелось бы, чтобы песни, которые пою, проникли в душу, чтобы меня понимали люди мыслящие. А возраст, как мне кажется, границ не имеет. И поэтому мои героини — женщины, познавшие и любовь, и разлуку, много пережившие и передумавшие, но сохранившие, несмотря ни на что, доброту, надежду и теплоту в своих сердцах. Но не хочется все время грустить. У меня другой характер. Не чужда и сатира, и клоунада, и ритмы чарльстонов, рок-н-роллов.

С приходом на большую сцену в моей жизни мало что переменялось. По-прежнему основную часть времени отдаю работе. Но и от любимого дела иногда надо отдыхать. Тогда мы всем нашим дружным коллективом выбираемся на природу, к кра-

сивым лесным озерам. Ловим рыбу, купаемся, бродим по лесу. В эти часы удается немного побыть наедине с собой и даже помянуть о том, что когда-нибудь, видимо, в старости, у меня будет небольшой домик и огромный сад с цветником, где я буду садовником и буду бесконечно счастлива в окружении цветов.

Красота природы и красота искусства вряд ли могут оставлять человека равнодушным. В благодарность артистам зрители дарят цветы. И ты испытываешь к ним при этом ответственное чувство. Прекрасные взаимоотношения! Однако приходилось видеть и другие. И мне очень бы не хотелось иметь рядом с собой каких-то назойливых «почитателей таланта», чтобы меня караулили у подъезда, следовали за мной тенью. Такое посягательство на свободу личности тягостно. Кумиромания же и идолопоклонничество, к сожалению, не признают того, что творческому человеку свобода действия и возможность быть наедине необходимы.

В конце мая нынешнего года я впервые выехала за рубеж, на международный песенный конкурс «Братиславская лира». Впервые выступала без своего ансамбля, балета и музыкального руководителя — в сопровождении чехословацкого эстрадного оркестра. Боязно было, ведь представители шестнадцати стран, в том числе Болгарии, Польши, Венгрии, Италии, Швеции, ФРГ, приехали не на увеселительную прогулку. Мою «предстартовую лихорадку» бесконечными шутками старался снять Илья Резник. А тут еще и номер выступления выпал «13-й»...

Когда зачитывались оценки жюри, на какое-то мгновение я засомневалась в своих силах. Но лишь зазвучали первые аккорды «Вернисажа», этой удивительной песни-мечты, все страхи рассеялись. Мы победили!

Сегодня мы с Раймондом Паулсом и Ильей Резником готовим новые песенные роли. На фирме «Мелодия» выходит мой первый диск-гигант. Это может показаться странным, но мне больше нравится не само выступление на сцене, а репетиционная работа над номером, какие-то новации и эксперименты, процесс поиска гармонии. Не представляю, из каких образов сложатся будущие песни, но знаю точно, что с упоением буду работать над каждой новой.

Записала Татьяна СЕКРИДОВА.

Цена номера 35 коп. Индекс 70820